

М. А. Ананьин

(38 295)E 84.2Рос6
А64

М. А. Ананьин

ЗАПИСКИ ДЕДА

ПРОВЕРЕНО
2013

ПРОВЕРЕНО
2024

269 962

Трёхгорный 1996

НИКОЛА А. М.

НИКОЛА А. М.

Часть I
ГОДЫ ЖИЗНИ
1913-1958 годы

3077
НЕОБЫЧНО
3017
НЕОБЫЧНО

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Города, как люди: у каждого свой облик, свой характер, душа. Именно душа. И она тем шире, красивее и искреннее, чем отзывчивее и внимательнее люди, строящие города и живущие в них.

Наш городок богат прекрасными людьми, их взгляд и строг, и внимателен, и ласков. И перед этим взглядом открываются многие таинства, красоты и чудеса, которые, впрочем, и творит сам человек в гармонии с природой, в сочетании труда с любовью.

Одни, правда, остаются наблюдателями необыкновенных красот нашего городка, уральского края, душою и чувством оценивая труд первостроителей, людей, руками которых создано многое "первое".

А другие, из неутомимых, плюс к этому возьмутся за перо и постараются описать, восстановить в памяти все, что связано с любимым городом, создать его историю и подарить потомкам.

Михаил Алексеевич Ананьин - один из таких людей. Его книгу "Записки деда" уже прочли горожане, юные и взрослые, с благодарностью откликнулись на желание автора воспроизвести некоторые события, связанные со строительством города, его людьми. Эта книга - ее продолжение.

В ней - судьба человека, а значит и судьба города, страны, это пережитое и прожитое, сложное, но прекрасное время. Это память сердца и откровение человека, влюбленного в город, отдавшего ему всю жизнь.

Михаил Алексеевич вел дневниковые записи, когда и помышлять нельзя было о том, что когда-то открыто можно будет сказать и написать о нашем закрытом городке.

Когда впервые, готовясь к 35-летию города, я прочла эти записи, то была потрясена огромным трудом, совершенным человеком, не профессиональным писателем и журналистом.

Но читались "Записки деда" с удовольствием, с интересом. Михаил Алексеевич и его супруга Вера Андреевна на встречах с детьми часто вспоминали, что их двор был усыпан ромашками, которые словно улыбались первым жителям города.

Так хочется, чтоб многое из истории города, описанной Михаилом Алексеевичем возобновилось. Было бы много улыбок, счастливых лиц, доброжелательных соседей, прекрасных дружных семей. Чтобы чаще собирались на праздники все горожане, радовались всему, что происходит в городе.

Эта книга - тоже событие. Думаю, что она заставит возобновить в памяти многие интересные факты, подумать о хороших добрых людях, по грустить о нелегких судьбах людей и Родины, не исключая своей судьбы.

Ну что ж, у России никогда не было легкого пути. Такова видно, ее миссия.

Низкий поклон автору за прекрасный подарок.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свои записки я начал писать в конце 70-х годов, и в восьмидесятые годы они уже были завершены. Так получилось, что II-я часть записок - о годах моей жизни и работы в городе Златоуст-36 - Трехгорном - были отпечатаны раньше - к 1993 году, а I-я часть записок представляется (в несколько сокращенном виде) только сейчас. Они охватывают и детские годы, и годы предвоенные, и особенно годы войны, которые у меня вылились в годы труда на оборонном заводе. Интересны и годы послевоенные. Это бурные годы холодной войны, когда мы не могли, не имели права допустить ослабления нашего государства.

Все эти годы я трудился на ряде ответственных участков. Об этом мои записки.

Я старался быть объективным и написать все так, как я видел.

М. АНАНЬИН.

МОЕ ДЕТСТВО. ДОШКОЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Родился я еще при царе в 1913 году в г. Усть-Катаве, и был у мамы последним из 10-ти детей. Запомнил на всю жизнь зеленый изумрудный лужок, которым были покрыты наши улицы. На этом лужке я и рос. На нем мы много - много лет играли ребятишками, рвали руками травку лужка, складывали шалашиками, копешками. Возили, играли, и этим запомнился Усть-Катав.

Что-то подобное я встретил в нашем городе Трехгорном уже в 1959 году. До сих пор вспоминаю, что квартал номер 4 (книжный магазин - мясной магазин) был усыпан зеленью и белыми лесными ромашками!

Когда началась война 1914 года, папашу взяли в армию и мы остались втроем (я, сестра Мария и мамаша. Сестра Таня была уже замужем, и они жили отдельно). Помню, что мамаша ездила к отцу в армию на свидание, это, наверное, было в начале 17 года. Он служил в Самаре в ружейно-ремонтной мастерской. Мы оставались втроем: Таня, Маша и я. Спали на полу, на тулупах. Мамаша приехала ночью, привезла гостинцы (к пасхе яйцо из "мыльного" камня).

Где-то после революции, видимо, в конце 1917 года приехал отец и тоже привез гостинцы. На всю жизнь остался запах и вкус какой-то дешевой твердой колбасы, которую мы жарили на плитке и с аппетитом ели. Это было тогда чрезвычайной редкостью. До этого мы колбасы не знали.

Запомнилась мне весна 1918 года, когда со стороны Златоуста, от горы "Медведь" по железной дороге наступали чехи. Был у них бронепоезд, он шел впереди и стрелял через город с большим шумом. Мы, ребятишки, пытались лазить по крышам домов, чтобы что-то рассмотреть, но мамы нас загоняли домой. Отец сначала в огороде, а потом во дворе под навесом вырыл ямы, где мы сидели во время перестрелки, где нас пытались удержать во время обстрела. Там же складывались наиболее ценные вещи. Мой дядя Петруха, старший брат отца, жил через переулок. Он был крикливым мужиком! Всё бегал по улице, махал руками и кричал:

- Не стрелять!

- Не стрелять!

Это он красным партизанам кричал, чтобы не сопротивлялись большой силе, но их мы не видели. Партизаны были где-то за городом на степи.

Так было два, три дня, а потом стихло. Летом 1918 года, днем вдруг запылила наша улица с самого конца у прямой горы (от Вязовой). Пыль быстро приближалась. Женщины, сидевшие на лужке, вдруг повскакивали - едут военные.

Да. Это был кавалерийский отряд колчаковцев - каратели. Они осели в Усть-Катаве надолго, примерно на год. У наших соседей Вишняковых остановились офицеры. У Селиверстовых - тоже, всего 4-5 человек. Жили всю зиму. Отец кроме работы на заводе (а завод чуть дышал, но что-то немножко делал) подрабатывал дома. Он был портным и шил полушубки. Офицеры повадились к отцу с заказами. Он шил для них брюки, гимнастерки, погоны. Всегда торопился - его подгоняли. Иногда с примерками ходил к соседям, где жили офицеры, или офицеры ходили к нам.

С весны 1919 года усилилась карательная политика белых. Стали частыми разъезды карательных отрядов. Однажды вечером потемну к нам урядкой прибежал Иван Егорович Ананьин с просьбой спрятать его от бе-

лых. Он был партизаном, и каратели об этом узнали. Мы спрятали его сначала на подлавку нашего дома (чердак), а потом в бане. Мне дома строго - настрого наказали, чтобы я где-нибудь не проболтался. Помню, как к ним в дом несколько раз приезжал конный разезд, все пытали у родителей - где Иван? И, так как им все время отвечали: не знаем, то они огрели мать Ивана - Арину вдоль спины нагайкой, под угол дома подложили гранату и взорвали. Дом покосился и его потом восстановили, а Ивана так и не нашли.

Позже он долго работал на заводе.

Мы с ним в 1939 году даже ездили рассматривать залежи угля, которые он знал вниз по р. Юрюзань (между Янган-Тау и Ежовкой) на 140/150 км на грузовике (я работал зам. гл. энергетика завода). Действительно ниже Янган-Тау и далее нашли горючие сланцы, которые я даже отправлял на анализ. Они сейчас зарегистрированы в городе Свердловске.

Помню, как прогнали белых и освободили Усть-Катав от Колчака. Это было летом 1919 года. Власти вдруг заволновались. Послышалась стрельба. Отца повесткой срочно вызвали в Управу. Оттуда он в форме, с винтовкой и шинелью, уже мобилизованный в белую армию, пришел проститься с семьей. А снаряды уже грохотали над Усть-Катавом. Мать энергично "демобилизовала" отца. Раздела. Шинель и винтовку зарыла в подполе. Нас с отцом отправила туда же (дала табуретку). Вверху осталась вдвоем с Машей. Подпол чем-то задвинула и все бегала от окна к окну. Под вой снарядов я уснул у отца на руках и проснулся уже при Советской власти. Так был освобожден от Колчака Усть-Катав, а вскоре и весь Южный Урал (июль 1919 г.). Больше белые у нас не появлялись. Советская власть установилась окончательно и бесповоротно. Так был спасен отец от мобилизации в белую армию, а мы от клички "дети белогвардейца".

КОРОТКО О КОЛЧАКОВЩИНЕ

После того, как победила Великая Октябрьская Социалистическая революция на Урале повсюду (в т. ч. и в Усть-Катаве) была установлена Советская власть. Быстро усилились партиейки. Были выбраны Советы. Выбраны комиссии по контролю и установился контроль над заводом. У богатеев (кулаков) отбирали хлеб и землю. Хлеб направляли в Россию - кормить город и армию. Но вот в марте 1918 года вдруг восстали растянутые по железной дороге от Владивостока до Пензы эшелоны пленных чехословаков (эти эшелоны по договоренности с Советской властью шли домой на Запад). Во многих местах восставшие сразу же сомкнулись с местными контрреволюционерами (у нас в округе кулацкие восстания в Сатке, Мясогутово, Дуване, Тастубе). Этой силой советская власть на местах сверглась. Большевики и передовые рабочие уходили в подполье, в партизанские отряды, в леса. Многочисленные партизанские отряды из округи, с мест были согнаны и потянулись в сторону Верхне-Уральска (там видимо было поменьше белогвардейцев и посильнее руководство). Именно к этому времени относится знаменитый поход партизан на 1500 км под руководством Блюхера и братьев Кашириных, который вывел основные силы партизан от Верхне-Уральска на соединение с Красной Армией под Кунгуром (они прошли километров 50-70 восточнее Уфы. Переходили Сим в районе Устья и шли вдоль Белой. Туда сейчас мы часто ездим на рыбалку).

Где-то летом 1918 года было создано единое белое правительство - директория - под руководством царского адмирала Колчака. Оно заняло огромную территорию (при поддержке чехов) от Владивостока до Уфы и до Самары, создало фронт и рвалось к Волге, на соединение с Деникиным. Это был 1-й поход Антанты). Восточный фронт Ленин называл тогда главным. Колчак в тылу повсюду свирепствовал. Повсюду карательные отряды расправлялись с неугодными, выискивали "красных" (о таком карательном отряде в У-К я и писал выше).

Окрестности городов Усть-Катава, Катав-Ивановска, Юрюзани усеяны памятниками расстрелянных большевиков и партизан карательными отрядами колчаковцев того времени. Сохранились памятники на местах, где проводились расстрелы: у нас в городе - у хлебозавода, в Васильевке - у лесозавода, там, где отвал древесины, у подсобного хозяйства, где автоостановка, в Юрюзани и Катаве; за Катавом, по дороге на Карауловку, у Фарафонтонтова моста, в самом Усть-Катаве и в других местах.

Разрозненные данные об этих памятниках, о людях, которые погибли от рук белогвардейцев, хранятся по музеям в городах района, в частности, и у нас в музее, и в Юрюзани (собирал Л. Сурин. У нас - Ф. П. Малыхов) и в Катаве, и в Усть-Катаве. Надо, чтобы эти места захоронений людей, погибших за советскую власть, наши современники и будущие поколения чтили и никогда не забывали.

Лишь к лету 1919 года Советская Россия сумела разгромить колчаковский фронт и прогнать его. Усть-Катав, Златоуст, Челябинск были освобождены и навсегда избавлены от белогвардейцев в июле 1919 года.

О ГОЛОДЕ

Следующим периодом моей жизни, который останется в памяти навсегда, был ГОЛОД - постоянное состояние, когда хочется есть, а есть нечего. Так вот, таких состояний голода в жизни я пережил несколько. Это были 1931-1932 годы, когда я учился в техникуме в г. Златоусте. Жил в общежитии. Питался только в столовой. Были моменты, когда мы по неделе не видели хлеба, а питались одной "баландой" (кашица из дробленой крупы.). Это были первые годы коллективизации, когда Советская власть начала перестраивать сельское хозяйство и произошли большие перебои в снабжении ее продуктами. А во многих районах страны - неурожай.

Были годы 42-43-44 - годы войны, когда снабжение строго лимитировалось продовольственными карточками. Хлеба полагалось: в день 1 кг для кузнецов, сталеваров и других рабочих горячих тяжелых профессий, 800 граммов для всех основных рабочих, 600 граммов для вспомогательных рабочих, 300 граммов иждивенцам, 400 граммов детям. Мяса полагалось 2 килограмма 200 граммов в месяц работающим и т. д. Конечно, мало. Я работал начальником цеха. Был довольно обеспеченным, но непрерывно чувствовал, что хочу есть. Постоянно был голоден.

Были и еще моменты в жизни, когда обеспечение продуктами питания строго лимитировалось, когда их не хватало и приходилось иметь (неголодное) ограниченное питание. Общим для всех этих моментов было то, что государство по строго определенным нормам, по карточкам или без них, обязательно обеспечивало питание, хотя его и не хватало.

Но никак не сравнимыми с этими случаями голодные годы 1921-1922. Это было сразу после двух войн. Народное хозяйство разрушено. Заводы, железные дороги работали еле-еле. А здесь еще страшная засуха 1921 года. Государственное обеспечение еле - еле вводилось, да и нечего было делить-то. Очень большой район от Поволжья до Урала и еще шире был захвачен засухой. Государственные заготовки были минимальными. Правительственные органы с трудом обеспечивали основные рабочие районы, Москву, Петроград.

Я вспомнил книгу А. Неверова "Ташкент - город хлебный". Пожалуй нигде в художественной литературе не было так ярко нарисовано это голодное время. Кто не испытал, тому трудно даже поверить. Мы в Усть-Катаве (наша семья) были не самыми нищими - были и хуже. Помню соседей, которые голодали больше нас. Но и нам досталось. Хлеба не было. Считались хорошо обеспеченными, если ели овес. Овсяные лепешки мы ели долго и их противность помнится до сих пор - уж очень колючие. Ели желудевые добавки (если доставали. У нас близко дубы не растут). Ели лебеду. Она двух сортов: серая - это обычная, и хлеб из нее получался серый, цвета золы, какой-то безвкусный. И белая лебеда. Она встречается реже, но хлеб из нее получался (казался) белый, как пшеничный, довольно вкусный. Ели у лебеды семена. Мелкие, как маковые зернышки. Ели кору, солому. Еще что-то ели.

У Петрухи - старшего брата отца - семья была очень большая. Они голодали больше. Съели со своего гумна несколько возов соломы, особенно шла гречишная солома. Был случай, когда мололи солому на мельнице (была такая на канаве у Острова, сейчас ее нет. Там автогараж, а канава полностью засыпана) случился пожар от трения соломы между жерновов и мельницу чуть не сожгли.

Ходили упорные слухи, что соседи напротив ели человечину. Заманивали кого-то, убивали, резали, варили и ели. Во всяком случае, в литературе о том времени тоже встречались рассказы, как в Москве, кажется, продавали пирожки из человеческого мяса.

Весной 1922 года на пасху был у нас в гостях Таня с мужем Андреем, дети - сыновья Федя (лет 5) и Володя (около 3-х лет). Пока наши сидели в комнате, мы, ребяташки, пошли к реке (весна, разлив). Это рядом. Около 100 м. И вдруг мы с Федей обнаружили, что нет младшего Володи. Стали искать. Поднялась паника. Грешили на соседей, что они заманили, убили и съели или собираются съесть. У них даже чуть ли не обыск делали (мамаша подпол открывала, смотрела). Нету! Пропал Володька. Нашли его только к вечеру на Шиханке. А он объясняет так:

- А я пошой, (картавил, не выговаривал букву "Л"), ищай, ищай Шиханку, нашей, да не эту.

Во всяком случае, времена были такие, что наши запросто поверили (видимо, были для этого основания), что Володьку съели, он стал жертвой каннибализма. Пухли с голоду и умирали многие.

Уже к концу, в лето 1922 года, появилась у нас столовая "Ара" для детей, которая давала бесплатно рисовую кашу и какао. Очереди были огромные. Прямо на улице. Помню, с Машей мы по долгу мялись в очередях, прямо под солнышком и получали-таки иногда свои порции. Эта "Ара" - кажется, американская или какая-то другая международная организация помощи голодающим - какую-то очень небольшую помощь, конечно, оказала.

В сухой 21-й год было много пожаров. Запомнился один: горели угольные сараи завода (древесный уголь). Ветер был страшный. Это было на другом конце завода (у "могильной" горы) и все мы опасались, что сгорит весь городок. Мы с Машей сидели на крыше и караулили искры.

Хотелось сбежать к пожару, но нас не пускали.

Закончился голод, когда появился новый урожай 1922 года. Отец наш никогда вплотную сельским хозяйством не занимался (только держали корову, 2-3-х овец, свинью и кур). Лошади не имел. А здесь (весной 1922 года) и он посеял просо. Как-то используя во всяком случае, за свой труд, за свою работу нанял и землю, и лошадь. Посев был на первой шишке (у подхоза). Это тогда казалось далеко - сейчас рядом с Усть-Катавом. Когда уже поспевало просо, а урожаи вырос хороший, нас с Машей несколько раз отец брал караулить посевы от птиц. Сам где-то неподалеку работал в поле (отрабатывал за посев), а нас оставлял одних. День казался длинным-длинным. Мы то в шалаше сидели, то ворон с проса гоняли.

Когда появился новый урожай, народ вздохнул, горе кончилось.

ШКОЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Моя мать, Марина Михайловна, женщина очень умная, рассудительная и добрая, была совершенно неграмотной. Не знала ни одной буквы. Уже позже, во время ликбеза и после него, ей предлагали, а потом и я предлагал - научить ее грамоте. Она отказалась наотрез. И так неграмотной прожила свою долгую, девяностолетнюю жизнь.

Отец, Алексей Петрович, в школе не учился ни одного дня. Но грамоту знал - обучился самоучкой. Хорошо читал и писал. Был даже самоучкой - поэтом: из армии посылал письма в стихах. Мы их долго потом хранили, но жаль, что все-таки не сберегли.

Из всех старых отцовских бумаг сохранились две: копия духовного завещания моей бабушки Анисьи Игнатьевны Ананьиной о разделе имущества после ее смерти от 02. 04. 1913 года (она умерла 13. 06. 1913 г.) и копия решения суда от 08. 12. 1913 года о вступлении в наследство.

Из документов видно:

а) село Усть-Катав принадлежало к Усть-Катавской волости Уфимской губернии и уезда, тогда как села Минка и Шубино (сейчас часть Усть-Катава) относились к Минской волости Златоустовского уезда;

б) названия улиц не было (просто сосед справа и сосед слева такие-то);

в) все назывались крестьянами (не рабочими, хотя работали на заводе). Многие из присутствовавших свидетелей были неграмотными и не могли расписаться, ставили просто крест;

г) все документы заверяла церковь, и весь учет вела она. Это был центр статистического учета...

Сестра Мария начала учиться на два года раньше меня, а я, по существу, грамотой овладел вместе с ней. Читал, что она читала, писал тоже. Поэтому, когда мне подошла пора идти в школу, я уже умел читать, писать и считать за первый, а то и за второй класс. Отец, бывало, зимой шьет полшубок, а меня посадит на большой портняжный стол (ноги калачиком) и заставляет читать. Помню, я вслух читал Библию от корки до корки, а отец с удовольствием слушал. Читал газеты от буквы до буквы. Отец всегда выписывал и меня заставлял читать "Рабочую газету", "Пролетарскую мысль". Или, например, систематически читал какую-то философ-

скую книгу. Ничего не принимал, а читал усердно. Когда наступила пора учиться, в 1921 году начался голод.

Первый класс в школе не был организован, и десятка полтора учеников самостийно объединились в домашнюю школу, наняли учительницу (конечно не мы - родители). Учительница была Чернова. Как звали первую учительницу, не помню. С нами учился ее брат - Евгений. Семья была большая у них. Занятия проходили по очереди дома у учеников. Условие одно: мы должны были по очереди кормить учительницу. И вот мы ходим из дома в дом, и где занимались, там учительницу и кормили. Помню, мы занимались, у Черновых, и у Рыбаковых (был Шура Рыбаков), и у Марковых (был Женька), и у нас. Когда наступала наша очередь, мамаша варила картошку и ею кормила учительницу. Так было до 1 января 1922 года. Группа постепенно таяла, и нас осталось 5-7 человек.

С 1 января 1922 года открылся первый класс в школе на поляне. Была такая поляна в Усть-Катаве по Рабочей улице. Там по утрам собиралось стадо. Стояла желтая барачного типа одноэтажная типовая деревянная школа. В ней я и начал заниматься.

Наша первая учительница в школе - Любовь Петровна Гнездина. Брат ее - Петя - был в нашем классе.

Учеба мне давалась легко. В 1927 году я закончил 6-й класс. Лет мне было всего 13, 7 класс в городе открыт не был (мало ребят). Отправить же меня в соседний город Катав-Ивановск для прохождения 7-го класса (там была 9-летка) родители не решились.

Чтобы не терять года, меня еще раз направили в 6-й класс, а потом я закончил седьмой и школу весной в 1929 году. Больше учиться в Усть-Катаве было негде. Все учебные заведения в городе я закончил, поболтался немного и пошел на биржу труда.

Время моей учебы в школе - это время становления самой школы. Чуть-чуть я помню батюшку: где-то самые первые дни поп еще мельтешил в школе. Батюшка Николай появлялся на уроках, потом его не стало...

Менялись несколько раз учебники, методы, программы "дальтонплан" - когда мы на каждый урок толпой ходили из одного класса в другой. Кабинетов-то все равно никаких не было. Не было и учебных пособий. Была (как сейчас понимаю) только мода на новый метод, на кабинетную систему. Зимой школа почти не отапливалась. Частенько чернила замерзали. Сидели в шапках и полушубках.

В первые годы моей учебы не было обычной бумаги, писали иногда на старых газетах между строк или поперек строк. Большой редкостью были карандаши. Часто писали самодельными свинцовыми палочками (отец их сам делал на заводе). Писали на грифельной доске грифельными карандашами - это было принято официально, и они были у всех.

Помню первое кино в школе. В большом классе днем окна занавешивали и заваливали своими полушубками. Что-то мелькало на экране (белая простыня).

Первая елка. Помню, что шубенки все бросали в угол в кучу, а потом получали какие-то подарки. Пели вокруг елки: "Пять лет борьбы с врагами, с врагами, с врагами, Советов власть крепи..." Потом пели "Шесть лет борьбы с врагами..." Потом: "Семь лет..." И так, кажется, до десяти.

Запомнились учителя: Николай Николаевич Никольский (литератор), Евгений Васильевич Василевский (физик), Иван Дмитриевич Карауловский (пение).

В школе на переменах (да и по вечерам) любимым занятием были драки, стенка на стенку.

Одно время, в 1923-1925 годах, очень популярны были драки за Ленина и за Троцкого. Сражения на пруду (учился в школе на плотине) были захватывающие, с маневрами и разной тактикой. Иногда мы в этих драках даже об уроках забывали.

По вечерам на улице в игрушечных драках в ход пускали поленья, колья. Никакой вражды не было - это просто игра.

Летом играли в "пальную" (это лапта), в два лагеря. Позже появился футбол. И мы им начали увлекаться. Мяч был тряпичный. Иногда использовали бычий пузырь. Потом уже (1927-1928 годы), как редкость, появился резиновый надувной. Стадиона не было, играли около церкви (где сейчас Дворец). И взрослые по вечерам там же футбол гоняли. Со всех сторон площадки стояли домишки, и мяч нередко залетал в окна.

В церкви потом был клуб. В 1952-1953 годах его снесли после строительства Дворца культуры.

СВЕТЛЫЕ ПРЕСТОЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ

По большим праздникам (на Пасху, Рождество) с отцом ходили в церковь (мамаша никогда не ходила). Мы в основном глазели. У ребят постарше было любимое занятие: по ночам (всякие всеночные) шивать между собой за юбки спящих старух или лазить на колокольню.

Очень светлыми запомнились мне эти престольные праздники. Рождество. Сильнейший трескучий мороз, много снега. Будят нас ночью, и с папашей идем в церковь. Мамаша начинает хлопотать у печки. Возвращаемся еще затемно. Вернемся - обязательно обогреемся на печке. Печь большая, всегда можно забраться 3-4 человекам. Потом мамаша чем-то вкусеньким кормила (разговляла). Когда начинал брезжить зимний рассвет, вдвоем, втроем бежали к знакомым, родным славить. Так обходили 4-5 домов - Петрухиных, Воротниковых, Егоровых. Пели: "Рождество твое, Христе Боже наш..." Что это по смыслу, до сих пор не знаю. При каждом таком посещении нам давали гостинцы: пятак, кусок пирога, еще что-нибудь из еды.

На Пасху тоже славил и тоже получали подарки. Обычно крашеное яйцо. Пели уже: "Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ..." Пасха запомнилась светлыми солнечными весенними днями. И на Рождество, и на Пасху первый утренний завтрак после церкви - разговление. И перед Рождеством, и перед Пасхой за несколько недель были посты: нельзя было есть ничего скоромного (молоко, яйца, мясо). Мы-то, как правило, не постились - так, разве что для порядка, перед праздником 5-10 дней. Запомнилось: на Пасху мамаша обязательно одно крутое яйцо резала на четверых, и мы разговлялись. Так было много лет подряд. До этого яйца не ели всю зиму и не видели их.

На Пасху для молодежи на улице обязательно ставились рели (качели) - из длинных жердей две трехногие опоры. На них жердь - перекладина. За деревянные (обязательно!) кольца подвешивалась на длинных деревянных штангах лавочка. На ней, стоя вдвоем, качались. Наиболее храбрые (это было очень редко) сильно раскачивались и перелетали через верх - делали "солнце". Бывало и падали. Рели у нас на улице обязательно ставили Козловы (Тимофей Козлов). Парней у них было много,

все боевые. Соседские ребята помогали - Кувайцевы (сыновья Василия Наумовича), Ананьины (Петра Петровича) и другие. Большинство из них погибли на фронте.

Более взрослые парни и девушки где-нибудь в одном, раз навсегда определенном месте на улице, на лужайке, устраивали по вечерам хоры. Мы, мальчишки, на подсохших полянках - пяточках играли в козы. Игра была очень распространенная. У меня был ящик, и в нем было целое богатство - десятки бабок и бит. Они у нас, мальчишек, ходили на правах разменной монеты. На них обменивались мальчишеские ценности.

И взрослые, и дети во все дни праздника (а праздновалась Пасха неделю) катали яйца. На Пасху обязательно красили их самой разной краской. И вот собирались ребяташки, имея в холщовой сумочке по 3-4 яйца (богатство), и ставили по одному яйцу 5-7-10 человек. Потом по очереди катали тряпичный, специально сшитый к Пасхе, цилиндрический мяч за 5-8 метров. Кто попадал в яйца (их ставили попарно), тот забирал их себе. И так - снова.

Пасха еще запомнилась звоном. С утра до ночи над городом несся красивый малиновый праздничный звон. Звонили непрерывно или по очереди обе церкви, ежеминутно подчеркивая праздник.

Недавно в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси вспомнил о тех давних днях, о церкви, ее роли (центр культуры, другого не было, и центр статистики), и мне стало очень жаль, что наши дети и внуки, молодежь нынешняя никогда не услышат этого "малинового" звона, не испытают праздничного радостного настроения, какое этот звон создавал.

Конечно, я атеист и ни в какого бога не верю, но преклоняюсь перед церковью, которая умела воздействовать на души людей посильнее, чем наши отделы пропаганды.

КАТАЛИСЬ, КУПАЛИСЬ, РЫБАЧИЛИ...

Любил я ходить в гости на Шиханку, к Черновым - сестре Тане и ее мужу Андрею. Он все рассказывал, как они воевали с белыми, как их окружил кавалерийский отряд, как они, пешие, встали в круг, оштетинились и белые кавалеристы ничего не смогли с ними сделать.

Он работал на заводе машинистом парового молота в кузнице. Умер от простуды и заражения крови, когда мне было 14-15 лет. Любил он играть на гармошке и в последний день перед смертью попросил Федю: "Поддай-ка, сынок, гармошку." И сыграл. А потом умер. Черновы ребята - мои племянники - были моложе меня (Федя на 2 года и Володя на 4), и я с ними дружил. Нас иногда в зимние вечера оставляли домовничать (родители, наверное уходили к нам). Мы читали "страшные" сказки, боялись темноты и, конечно, играли (я был за старшего).

Летом лазили на Шиханку - конусную высокую гору среди Усть-Катава. Это не очень просто. И сейчас туда нечасто кто поднимается. Зимой катались там на лыжах и санках. Этой сейчас опасно: машины. А раньше было просто. Заберемся повыше и на санках мимо дома Черновых, мимо Сазиковых... аж чуть ли не до магазина. Это 600-800 метров.

А ближе к весне, к масленице, собирались большие парни и девчата, катались на больших салазках, а то и на санях.

Народу! Особенно в дни масленицы. Тогда наши "снизу" специально ходили на катание на Шиханку или в Малиновку. Там можно прокатиться еще дальше. В последний день перед великим постом наедались "скоромного", а потом просили друг у друга прощения. Любили покататься на лошадях. Лошадей было много. Все запрягали. Кто пару, кто одну, а кто и тройку. Брали лучшие повозки, кошевые, розвальни (не дровни), сани. Катались повсюду. Но был в Усть-Катаве излюбленный для этого участок - улицы Рабочая, Красная, переулки... Там непрерывным потоком - гужом - ехали, мчались катающиеся. Снег уже рыхлый, сырой. Брызги. Сплошной звон бубенцов и колокольчиков на дугах. Один перед другим выхваляются, катающиеся "выпендриваются".

Мы жили внизу у речки (самый центр, третий дом от реки), и, конечно, я рос на воде. Летом купались с утра и до вечера. Особенно любили купаться "на канаве". Канавы питала мельницу, отделяла остров от города, была многоводной и для нас довольно глубокой. Заканчивалась "вершнягами" - подпором из щитов, где образовывала небольшие, но глубокие и удобные для купания прудики.

Обычно бежали на канаву ватажкой, на ходу сбрасывая рубашонки. Было героизмом проплыть от верхних щитов до нижних. Это два квартала. Непрерывно бултыхались у дома. Иногда ходили купаться на глубокие места - под плотину или на Французский мост.

Увлекались рыбалкой. Непревзойденным удачливым рыболовом был Гриша Ананьин (сосед, сверстник, одноклассник). Его отец - Матвей Петрович - часто брал нас на рыбалку. Был мастером ловить кутему (хариуса) нахлыстом! Ну и сын его, Гриша, тоже. Любил еще Гриша играть на гармошке, а мы его - слушать. Вместе учились играть в шахматы. Потом в Шумпе (об этом позже) вместе поступали в техникум, закончили его и только потом развехались.

Зимой - коньки. Ни какие-нибудь "фигурные" или "канадские" (о них я позже узнал), а самые обычные - русские, надежные, устойчивые, быстросходные коньки на деревянной колодке. Самодельные. Конечно, с хорошим металлическим полозом-ребром (делал отец). Ох и хороши! С первого льда и до последнего - всю зиму на коньках. Конечно, иногда проваливался под лед. Ну что ж, бывает. Вообще, потом подсчитал, я не пропустил ни одной зимы, чтобы не побывать подо льдом. Или по первому льду, или в незаостывшей проруби, или под льдиной во время ледохода. Да и летом-то несколько раз тонул. Один раз переходили реку с Гришей (брод был по улице Юрюзанской), и меня снесло (он был крепче). Поймал меня с лодки А. Т. Гулин уже после впадения реки Катав в Юрюзань. Один раз тот же Гриша вытащил меня во время купания под Французским мостом.

Раньше воды что ли в реках было больше, а завод расходовал ее мало. Не было теплых сбросов в реку, и лед на речке всегда был мощный. Во всяком случае весенний ледоход и на Катаве, и на Юрюзани представлял грандиозное зрелище. Почти каждую весну были наводнения, связанные с заторами льда, и вода обычно подходила к дому, затопляла двор, подпол. Нам, ребяташкам, было интересно. А как же! Во дворе у дома хорошо в сапогах по воде шагать!

Из таких весенних наводнений запомнилось наводнение весной 1946 года. Лед шел трудно, и на Юрюзани в начале острова, чуть пониже Брянского моста, произошел мощный затор. Не один день мы билась,

чтобы его ликвидировать, взорвать, пропустить лед. Я был парторгом ЦК на заводе и занимался наводнением непосредственно с директором завода Н. Н. Соболевым и его замом А. В. Грозовым. Вода залила многие дома. Особенно досталось двухэтажным домам, сразу же за Брянским мостом. Вода там затопила первые этажи. Люди перебрались на вторые, но оказались отрезанными, остались без продуктов. А вода ледяная. Подъем ее в Юрюзани был настолько высок, что даже железную дорогу перехватывало, и движение по ней (это по главной-то магистрали!) прекратилось на какое-то время.

Был еще второй затоп в районе разъезда Минка, но областное начальство во всем "обвиняло" нас, помогало нам и требовало, чтобы мы быстрее его ликвидировали.

Что мы только не делали!

Пудовые заряды тола рвали во многих местах затора. Стоит проклятый! Из Челябинска вызвали самолет, и он бомбил затор. И минами пробовали - ничего. Да и опасно: по обоим берегам реки люди живут. Мина коснется льда, шуму много, а толку нет. И вот наша бригада подрывников во главе с Е. Е. Ананьиним (это мой двоюродный брат, он работал заместителем начальника кузнечного цеха) нащупала на третий день основы затора - там, где первая льдина зацепилась, а за ней уже и остальные. Подкопали, заложили тол, подорвали - и масса льдин ожила, тронулась. Взрывники еле ноги унесли. Мы с А. В. Грозовым стояли на берегу, метров на 200 ниже Брянского моста. Когда тронулся лед, то под его напором мост буквально выгнулся. Мост клепанный, и сотни заклепок начали трещать - впечатление непрерывной пулеметной очереди.

Лед стал подныривать под мост и двинулся валом. Я залез на ворота крайнего дома, а Грозов - на сеновал. Пять минут - и все прошло.

Могучие льдины так и остались лежать на берегу и там, где мы стояли под воротами.

ЛЕТНИЕ НАВОДНЕНИЯ

Весенние наводнения не так опасны, а вот летние... Они бывают редко, но удивительно постоянно. Знаю это хорошо, поскольку был свидетелем трех наводнений, много слышал разговоров о них от отца, немножко занимался сбором сведений, когда был начальником цеха, и, наконец, получил некоторые материалы от Мельникова. Иван Васильевич, коренной житель Усть-Катава, - строитель. Он перед войной был начальником УКСа и заместителем директора завода по строительству.

Потом он переехал в Ижевск, писал книгу об Усть-Катаве (не знаю, чем закончилось). Мы с ним переписывались.

Так вот, по имеющимся у меня сведениям, максимальные наводнения были в 1862, 1882, 1902, 1922, 1943, 1964. Период в двадцать - двадцать один год соблюдался точно. Три последних я хорошо помню. Все они были летом. Все начинались с дождей, которые шли непрерывно, не менее 4-5 дней. Все эти наводнения были разрушительны, приносили большие убытки и даже жертвы. Так, в 1862 году, Катав и Юрюзань прорвали все три плотины (Катав-Ивановск, Усть-Катав, Юрюзань). В Катаве вода снесла несколько фабричных зданий, около 200 домов с надворными постройками. Были и человеческие жертвы, в числе других погибло целое семейство.

Июль 1922 года. Я мальчонка, мне - девятый год. Идет непрерывный мелкий дождь. "Спорый", как его называют. Идет, не прерываясь ни на минутку. И день, и два, и три. На пятый день дождь прекратился, но пришла вода. В солнечную теплую погоду началось наводнение. Вода затопила не только наш дом, ушла и дальше по улице за десятки домов. Во дворе глубина ее - полметра, потом метр еще и больше, примерно 1, 5 метра. Отец увел корову на Шиханку. Все, что плавало во дворе, (дрова, бревна) сколачивали между собой, закрепляли. Вода появилась в комнате (больше четверти), поплыли табуретки. Все, что в подполе и на полу, (продукты, сундуки и прочее) подняли на подставку. Завод затоплен полностью. Цехи под водой. Остров отрезан быстро несущимся по канаве и по улице Юрюзанским потоком. Затоплены сотни, если не тысячи домов.

Отец на воротах сделал метку об уровне наводнения. Она "дожила" до наводнения 1943 года и примерно совпала.

Убыток на заводе был, видимо, большой. Помню, что французский мост подмыло, он покосился и еле удержался. Висел "на ниточке" - на трех опорах - долго, кажется, не один год, и только потом его восстановили.

1943 год. Война. Я работаю начальником цеха 15, куда входят электростанция и работающие еще локомобили, паровая машина, дизель, котельная, подстанция, высоковольтные электросети, все отопление завода, все водопроводы, компрессорная, все воздухопроводные сети, гидростанция с четырьмя турбинами, плотина.

...Конец июля, идет дождь 3-4 дня. Вода в пруду начала прибывать. Связываюсь с энергетиком Катавского цементно-металлургического завода - там тоже вода в пруду прибывает, и ее усиленно начинают спускать (вода от Катава до Усть-Катава по весне, первая, идет 24 часа, а летом - 12 часов). Докладываю нашему главному энергетнику Палладию Федоровичу Билибину и директору Александру Васильевичу Куранову (они оба брянские, поведения наших рек не знают), что вода поднимается, что возможно наводнение, что мы начинаем готовиться к приему большой воды и выпускаем ее из пруда, а, значит, начинаем затоплять территорию завода. Не очень верят. Во всяком случае, особого внимания на мою тревогу не обращают и, наоборот, говорят: "Ни в коем случае не затопляйте завод. Запрещаем!" (А как же. Я понимаю. Работаем на фронт: дорог каждый час работы, каждый станок). Главный инженер завода Алексей Сергеевич Спиридонов говорит проще: "Расстреляем!"

Что делать? Переселяюсь на плотину - вода растет. Из Катава вести идут все тревожнее. Несмотря на окрики начальства, открываем все новые и новые щиты. Категорически заявляю директору, что завод будет затоплен и что необходимо все электрическое, портящееся от воды (моторы, пускатели, инструмент) по мере затопления цехов, поднимать выше.

К 4 августа завод был затоплен полностью и остановлен. Стояли котельные, электростанция, все цехи. А вода все прибывала. Ходили мы от цеха до заводоуправления и до проходной по груды в воде, по натянутым веревкам. Уже установилась жаркая погода. Электроэнергии нет. На электростанции весь первый этаж в воде. А ведь это самое высокое место на заводе.

5 августа. Мы сидим на плотине. Осталось поднять последний нижний щит-никак не строим, заржавел, забило илом. А вода прибывает и начинает в районе гидростанции перехлестывать через плотину. Это был самый

критический момент. Наконец, мы оторвали и подняли последний щит, и уровень воды остановился на одном месте.

Неизменным он был в пруду сутки при полностью открытых щитах. Кстати, о щитах одно соображение. Когда-то в 1912 году владелец завода - Южно-Уральское металлургическое общество - переделывало плотину, меняло водоспуск. Тогда было очень умно и расчетливо (директор Г. А. Шефер) построено 10 шлюзов, которые закрывали щиты в два ряда. Это, видимо, обеспечивало максимальный пропуск воды, и еще имелся небольшой резерв. В 1940 году заводу потребовалось увеличить вводный из пруда водопровод. Директор В. Г. Шабров, его заместитель по строительству И. В. Мельников один 10 - й разрез водоспуска заняли под водопровод, а спуск воды таким образом снизился на пять процентов. Осталась площадь водоспуска 199, 5 кв. м. И вот наводнение 1943 года этого водоспуска еле еле хватило, чтобы пропустить всю воду. Нависла прямая угроза разрушения плотины.

Максимум наводнения, после которого вода стала убывать, пришелся на 5 августа. Дождь давно кончился. Стояла жаркая погода. В этот день я ненадолго вырвался домой. Дома все плавает, как в памятном 1922 году. Дочь отправили на Шиханку. Имущество на подлавке. Табуретки плавают. Подпол под водой. Затвор всплыл, и, бродя в воде, можно оступиться и провалиться в подпол. Ходим в резиновых сапогах. На улице против дома был базар - там рыбаки к базарным ларькам привязали сети и пытаются ловить рыбу.

Через три дня вода ушла. Мы на заводе. По мере освобождения от воды все чистили, протирали, и 7 августа пустили электростанцию. 8 августа завод почти полностью работал. Бед, конечно, вода наделала немало. В нескольких местах были размыты железнодорожные пути, в том числе высокая насыпь главного выездного пути на Французский мост.

Уплыло сколько-то нефти из хранилищ нефтекачки. Унесло пиломатериалы, дрова. Смыло где-то забор. Что-то повредило в цехах. Повсюду настигло ила, грязи, и все надо было чистить.

Ущерб было много. Но все-таки главное: завод в три дня восстановили, и он начал давать продукцию фронту по-прежнему. Примерно также было в Катав-Ивановске, Юрюзани. Все три плотины были сохранены.

И вот наводнение 1964 года. Я уже работал в Златоусте -36 Первым секретарем горкома КПСС. Июнь. Шел 2-3 дня бесконечный дождь. Хотя и завод, и город у нас расположены вне опасности, но я рассказывал директору А. Г. Потапову об истории наводнений и говорю: "Жди воды."

Мы успели кое-где поправить дамбу реки, где вода пришла. Наводнение по уровню воды было таким же. В Юрюзани прорвало плотину (не смыло, а прорвало в районе водоспуска). Остальные плотины устояли.

Усть-Катавскому заводу опять досталось больше всех. Урон там был большой. Завод стоял около месяца ...

НАШЕ ХОЗЯЙСТВО

В Усть-Катаве лишь перед войной было построено, кажется, всего два 8-квартирных дома, а так все жилье было частным, не считая небольшого поселка, который был построен до революции заводладельцами и франко-бельгийским акционерным обществом для руководящих работников завода за Французским мостом (название моста отсюда же). Поселок называли колонией. Он до сих пор существует как поселок инженерно-техничес-

ких работников завода - Первомайский. Только в годы войны было построено до десятка двухэтажных деревянных брусчатых и засыпных домов.

Жилищное строительство по существу в городе началось в 60-70 годы. Мы же росли в частном доме. Отцу с матерью принадлежал дом с усадьбой (полуусадьбой или усадьбой на два дома и двух братьев Алексеев Петровичей) по улице Социалистической. Там я родился и вырос. Там же женился. Там родилась дочь. Там умер отец. Сестра Мария вышла замуж за Григория Ивановича Филичкина, и вскоре они построили свой, примерно такой же дом, где жили всю жизнь, где Гриша умер, где родились, выросли четыре дочери - Нина, Лена, Валя, Людмила.

Наша усадьба занимала 25-30 соток. Из них половина была под двором с избой, навесом ("поветями") конюшней. А половина - под огородом. В огороде-баня, рассадник (для выращивания капустной рассады). Он строился на столбах 1, 5-2 метра от земли. Сруб - метр на метр, вокруг подмости из досок, чтобы можно было подойти к рассадке, лестница. В огороде: огурцы на навозной грядке, морковь, свекла, капуста.

С 1923-1924 года отец начал выращивать помидоры. До этого их в Усть-Катаве вообще не выращивали. Первым в городке начал их разводить сосед Павел Вишняков (при царе он служил в гвардейских войсках в столице, откуда привез семена, а мужик, видно, был пылливый). Отец взял у него семена и мы тоже стали разводить помидоры.

В огороде обязательно садили горох и бобы для ребятишек. Подсолнухи. Маки. Немножко картофеля (в основном он в поле), по бокам грядок - редька. С краю, в тени от сарая, кончики грядок занимались под табак. Отец обязательно выращивал его для самосада. Он всю жизнь курил самосад, а потом и я. В войну это была великая ценность. Я обычно носил его полные карманы и давал закурить направо и налево, за какие-то производственные дела. С тех пор и сейчас у меня хранится полведра самосада отцовского - как память, как сувенир ...

Воду для полива (а поливать приходилось в хорошую погоду каждый день, особенно капусту) носили из речки ведрами но в 1939-1940 году отец вырыл колодец, и поливали из него.

В огороде была баня. Она топилась по-черному, была очень жаркой. Ее обязательно топили раз в неделю. В начале 20-х годов отец несколько раз гнал украдкой самогон - мы дежурили. Пробовали первач зажигать - горит. Украдкой потому, что было строго запрещено, а, видимо, надо было к каким-то праздникам. Было это 2-3 раза. Позже никогда самогоном не занимались.

Во дворе - скотина: корова (всегда одна), 4-6 овец, свинья одна, десяток-пятнадцать кур. Лошадь не держали никогда. Конечно, и за этим надо было ухаживать (сено дать, пить вынести, навоз убрать, двор подмести, зимой снег убрать). Нас с Машей заставляли делать, и это запомнилось. Обязательно заставляли нас принести воды, дрова помочь распилить, расколоть, а во время заготовок - в курене поработать. Летом работы особенно запомнились. Конечно, все делалось в соответствии с возрастом.

Лет с 8-9 отец стал брать меня на сенокос. Сначала весной для очистки участка от хвороста и осенью - посмотреть стога, поправить изгородь, слазить на стог, если надо, поправить его верхушку. Лет с 10-12 я уже участвовал в гребле сена. Как правило, стоял на стогу при его метании, а лет

с 14-15 начал косить. Помню, в начале отец нам с Марией делал маленькие косы, любовно насаживал, любовно точил.

А, в общем, все лето было связано с сенокосом. Иногда мы косили на Мокрой горе, иногда в Топориной, иногда на Шишках (между первой и второй Шишками), а было как-то: снимали землю под сенокос у башкир.

В целом сенокосы запомнились, как золотая, счастливая пора ...

Что касается дров, то эта работа всегда казалась нудной. Пилишь, бывало, шаркаешь пилой по бревну (это как правило, приходилось мне делать с Марусей или с отцом), а сам мечтаешь: вот бы придумали такую машину, чтобы она р-р-раз - и всё распилит. Я всегда вспоминаю об этом, когда вижу, как мотопила разделяет сейчас лесины во дворах или у ворот частных домов и в Усть-Катаве, и в деревнях. Ручной пилки дров что-то давно уже не видно...

В доме было так. Через крыльцо и холодные сени заходишь... прямо в горницу. Справа - узкий (метровый) переулочек за печью и кухня. Печь - посреди избы, занимает примерно одну треть ее. Слева в горнице кровать. Потом большой портняжный стол отца. Я на нем сижу, ноги калачиком и что-нибудь читаю, что попадет под руку. Отец шьет полушубки. Швейная ножная машина. Пахнет овчиной. Справа деревянная перегородка с прорезью - дверью в кухню. Печь большая, зимой всегда жаркая. Сверху каменная плита всегда раскаленная. На печь можно забраться 4-5 ребятишкам. А лечь - вполне втроем. На печи валенки, неизменный валик для катания белья, лучина для растопки. На потолке около печной трубы много усатых тараканов. Там, всегда нам, ребятишкам можно поиграть, спрятаться. Изба была не штукатурена.

Два раза в год (к Пасхе и к Рождеству) - избу скоблили. Для нас, ребятишек, это был праздник. Приглашались на "помощь" (вроде субботника) 2-3 знакомых женщины. Потолки и стены смачивали с лесов и скоблились. Были для скобления специальные ножи-косыри. Теперь таких нет. Занимала эта операция целый день. Зато изба принимала праздничный вид.

Белые стены и потолки (между бревен проглядывал мох) вкусно пахнут древесными стружками. Потом, в двадцатые годы, потолок покрасили голубой масляной краской. Потом, в тридцатые, оштукатурили и побелили стены. Полы всегда были крашенные.

Полати у нас всегда были маленькие (от двери над коридорчиком вдоль печи) для хранения валенок и прочего. (Я любил на них залезать - прятаться). У соседей же полати висели прямо над горницей и предназначались для спанья. Они как бы расширяли печь (была еще больше, чем у нас). И прямо с печи, кому не хватало места, можно было перебраться на полати. Но у них семья - больше 10 человек...

Были у нас керосиновые лампы: 5-линейная, стоячая, переносная и 7-линейная, подвесная - побольше, ее зажигали по праздникам. А когда нет керосина - такое частенько бывало, - жгли лучину. Она всегда была заготовлена на печке, за трубой, из смолья. Помню, подруги Маши что-нибудь вяжут, а я свечу лучиной. Электрорампочку (угольную) провели где-то в 1925-26 годах. Пригласили электромонтера Герасима Иванцова, и он провел.

Помню, как государственная торговля только начала зарождаться. До этого была частная. Иногда в таких частных лавочках встречались неожиданные для того времени вещи. Например: винные ягоды (сушеный инжир), или рожки (которых я с детства так нигде больше и не встре-

чал). Частные купеческие лавочки постепенно вытеснялись кооперативными. Это потом уже пошла государственная торговля, сначала появились кооперативная. Ведал ею Церабкооп, членами которого наши родители сначала состояли.

Что в торговле? До 1930 года в основном частники торговали мукой. Хлеб пекла мамаша сама. Примерно два раза в неделю. Летом обязательно в лесу заготавливали хмель для дрожжей. Мы, ребятишки, в этом всегда участвовали. Мяса, молока, масла, овощей - этого в государственных магазинах не было. Все было свое, доморощенное. Если и покупали иногда мясо, то только на базаре. В магазинах покупали в основном промтовары, да и они во многом были свои: полушубки, тулупы (это обязательно у каждого). Шапки, варежки, носки, чулки - свои. Белье, как правило, собственного пошива, иногда и из собственной ткани. Ткали из льна. Лен - маленькие, голубенькие цветочки. Сами сеяли (и мы как-то сеяли). Осенью выдирали с корнем. Вязали снопики. Потом обмолачивали вручную (семена на масло). Были в поселке давилы. Ходили туда давить масло. Жмых брали себе.

Лен вымачивали, сушили, мяли. Были ручные мялки. Чесалки. Прялки, ткалки. Тканое полотно расстилали где-нибудь на лужайке-отбеливали. Все делали сами. На все был инструмент. Ткацкий станок долго был жив у сестры Марии Алексеевны.

ВСЕ МЕНЯЛОСЬ НА ГЛАЗАХ

Все лето, как только сойдет снег, и до заморозков ходили босиком. Только уже куда-нибудь далеко или в школу - обуваешься. Детство босиком - это одно из приятных воспоминаний. Ну, наколешь иногда голые пятки, ну обрежешь - не беда, проходит очень быстро. Конечно, по лесу, особенно по сосновому, ходить колко, но ходили, особенно в ближайший лес. Ходили мы больше за Колонию, на скалы, к станции. Любили лазить по скалам, по пещерам (там две пещеры), ходили к Сорочьему, к Провальной яме, к Смирному мосту. Шли на Прямую гору, к Холодненькому, в Топорину, на Мягкую... Тогда казалось далеко. Конечно, никаких автомобильных дорог не было. Частенько пасли овец на Шубинской: интересно было наблюдать, как овцы любят есть и ищут грибы. Попадалось много змей - гадюк - и просто в лесу, и на покосе, но меня они ни разу не укусили.

Примерно полжизни, в моем представлении, транспорт - это лошадь, хотя лошадей у нас не было.

Лошадь в санях, и в тарантасе, и в телеге, и чаще всего в коробе - это в детские годы повседневность. С Панькой (мой двоюродный брат), мы верхами и лошадей в лес угоняли (в ночном бывали, но редко, обычно приходили ночевать домой), и купали их в речке, где поглубже, и еще куда-то ездили.

В хозяйстве лошадь нужна всегда: и на покосе поработать, и сена привезти, и дров, и картошку в огород и с огорода, урожай и навоз вывезти, и снег иногда, и льду привезти в погреб. Это холодильник такой на лето устраивали: погреб почти доверху весной набивали льдом с реки, и его на все лето хватало продукты хранить: молоко, мясо и т. д. А кто занимался посевами, тот без лошади никуда.

До моего отъезда из Усть-Катава в 1949 году лошадь и на заводе была главной. Был конный двор. Были сотни лошадей. Постепенно гру-

зовые перевозки все же вытеснялись машинами. Легковой же транспорт был лошадиный.

Перед войной появилась на заводе легковая машина ЭМКа (одним из первых ее шоферов был В. В. Прохоров), но я не помню, чтобы она работала. Все на лошадях. С 1939 года директор завода В. Шабров, заместитель директора А. Иванов, начальник ОКСа И. Мельников, я, начальник цеха, а потом начальник снабжения, частенько по делам выезжали верхами. Как-то летом 1940 года ночью пронесся метеорит на северо-восток (в сторону Минки). Мы вчетвером, утром, (было воскресенье) выехали его искать. Проехали Минку, чуть не Владыкино, Посташ (или Босташ-гора), почти километров 60, ничего, конечно, не нашли, вернулись, лошадей измаяли.

Как-то ездили верхами в пионерлагерь и дальше. Мы с Ивановым однажды проехали по маршруту Вязовая-Юрюзань-Катав-Усть-Катав (готовились к приему эвакуированных в начале войны) за 8-10 часов.

Надо сказать о дорогах. Автотранспорт-то появился, а дорог долго никаких, кроме грунтовых, в округе не было. С большим опозданием начали строить у нас дороги.

Было так: от Усть-Катава до Карабаша летом 1955 года мы переезжали с имуществом на двух грузовых автомашинах двое суток с ночевкой в Кувашах. На дороге между Кувашами и Златоустом летом мы видели, как утонула лошадь. Да, на дороге. Застряла с телегой и, как ее хозяин ни бил, не могла вытащить телегу, упала в оглоблях.

О дороге Уфа - Челябинск, которая строилась долго - с 60-х до 70-х годов - разговоров было уйма на всяких активках и конференциях, вплоть до наказа депутату Верховного Совета Пастухову Б. В.

Так же примерно развивался и массовый воздушный транспорт. Это сейчас дело привычное: проще всего летать самолетом. Первый раз я летел из Москвы в Челябинск в декабре 1954 года на ИЛ-14. Перелет занял весь день с двумя посадками. Это сегодня из Москвы до Челябинска можно добраться за 2 часа. А как-то мы из Москвы до дома добрались почти за три часа (от Челябинска до Тюбеляса тоже самолетом - был рейс). Только на железной дороге за многие годы в пассажирском сообщении почти нет изменений. А за последние годы обслуживание даже ухудшилось.

Телефон, радио, телевидение развивались так же бурно, стремительно, прямо на глазах.

Телефон, конечно, родился давно. Мы им начали пользоваться с квартиры с 1938 года, и за это время не очень уж много изменений произошло. Об этом вспоминаешь обычно, когда пытаешься связаться с Катавом. И до войны так было, и сейчас наалёкаешься досыта, пока не переговоришь.

Хотя, конечно же, прогресс и в телефонной связи произошел, и немалый. В 1951 году я уехал в Москву и оттуда позвонил в Усть-Катав. Отвечал отец. Слышимость была отличной, и он долго не верил, что я говорю из Москвы. Все пытался выяснить, не разыгрываю ли я его, и потом все ахал: вот дожили - с Москвой запросто можно разговаривать.

Радио родилось у меня на глазах. Первые пробные радиопередачи мы в Усть - Катаве слушали где-то в начале 20-х годов. Сначала нас, ребятшек кучками, иногда даже за плату пускали в закрытое помещение, чтобы послушать голос из черной трубки, называвшейся репродуктором.

Было это на "той" нагорной стороне, в доме, где до недавнего времени была аптека, а тогда было что-то вроде клуба, и на втором этаже организовывалась первая библиотека. Потом репродуктор выставили на улицу, и слушать радио собиралась толпа. И только к 30-м годам была проведена радиотрансляционная сеть по квартирам. Мой дядя Михаил Ильич Воротников - до смерти своей (умер в конце 30-х годов) не верил в радио и все говорил, что это "жид" из-под крыши говорит в трубу, а народ обманывает. Первый радиоприемник - большой полированный ящик - купили только в 1956 году, в Карабаше, а первый транзисторный приемник мне подарили по службе в 1967 году.

Ну а теперь о телевидении.

Как-то по телевидению сообщили, что первые телепередачи у нас в стране проведены в 1937-1938 годах (в первых телепередачах участвовал В. П. Чкалов). Я услышал о телевидении и смотрел опытную передачу (вернее, такую попытку) в начале 1936 года в г. Славуте УССР. Тогда я служил в армии, в погранохране. В составе начальства или работников отряда оказались энтузиасты телевидения. Они и пытались принимать опытные телепередачи (откуда велась передача, не знаю). Я как-то в выходной день попал на такой сеанс приема. Была затемненная комната. В ящике что-то мелькало. Вот и все. Первое в моей жизни телевидение...

По-настоящему оно родилось у нас после войны. В 1952 году, когда мы жили с семьей в Москве на Красной Пресне, в доме, где на 40 квартир общий коридор и кухня, мы увидели первые регулярные телепередачи. Кто-то из соседей купил телевизор, и мы бегали его смотреть. Это были уже настоящие телепередачи, хотя все было в диковинку.

Когда с 1955 по 1958 годы я работал в Карабаше, в Челябинске группа энтузиастов пустила в работу телецентр. Сначала давали свои передачи. Потом через Свердловск стали принимать и передавать Москву.

Какой-то строгой централизованной государственной системы развития телевидения не было (она, может быть, и была, но периферию она никак не устраивала).

У нас на периферии всё держалось очень долго на энтузиазме.

Что проявит настойчивость, энергию, найдет деньги, материалы и прочее, тот что-то сделает. Такую настойчивость мне пришлось проявить в Карабаше, чтобы построить ретранслятор и ловить Челябинские передачи.

Когда я приехал в Златоуст-20, работы по телевидению были в зачаточном состоянии. В самом городе, на самой высокой точке, по инициативе главного энергетика завода Созинова была поставлена вышка 10-20 метров. С нее пытались поймать Уфу или Челябинск, но не удалось, и ни одного дня она не работала. Убрали ее после 1975 года.

На горе Шуйде группа энтузиастов Юрюзанского завода во главе с Тихомировым (был главным инженером, а потом директором завода), а в кооперации с ним наши заводчане - энтузиасты (Горобинск, Созинов и др.) поставили маленькую вышку (15 - 20 м) и с нее начали ловить Уфу и вести передачи. Передатчик был слабенький. Сигналы до города еле доходили, качество плохое. В составе инициативной группы был инженер Юрюзанского завода В. И. Овчинников. Он с группой рабочих был непосредственным исполнителем, монтажником электросхем, настройщиком и де-

журным ретрансляционной телевышки. Потом его вместе со штатом взяли на завод в г. Златоуст-36, затем перевели в штат отдела радиовещания и телевидения горисполкома, а уже после 1975 года - в состав Челябинского областного управления связи.

Прежде чем развернуть работы здесь, на старом месте, на Шуйде, я подумал об интересах Катав-Ивановского района: мы могли бы привлечь его предприятия, их деньги, их силу и, может быть, выбрать другую гору, удобную для всего района, в том числе для Катав-Ивановска и Усть-Катава. Поехал в Катавский район к первому секретарю Н. А. Арсеньеву. Говорю ему: "Давайте строить вышку вместе". Он: "Что ты! Нам бы овес убирать да картошку вырыть. А ты - телевидение. Нет, до этого мы еще не доросли".

И начали мы продолжать развитие на Шуйде.

Самая большая трудность была затащить сваренную вышку на гору. Помню: когда тащили туда конструкцию, "порвали" несколько тракторов. В 1960 году вышка была поставлена, оборудование смонтировано, и ретранслятор пущен.

Все последующие годы что-то делалось по улучшению телевидения. Вспоминаю, сколько было забот и хлопот, чтобы построить тот ретранслятор, который мы сейчас имеем... Все, что связано с дальнейшим строительством и развитием телевидения в городе у меня подробно изложено во II-ой книге "Записки деда".

Немного о здравоохранении

Когда я работал в Карабаше в 1956 году, жизнь заставила меня три дня посидеть и покопаться в городском архиве. И вот, что я там нашел.

За 1910-1911 годы (я пересмотрел эти годы) выживало только 20% детей до одного года, а 80% умирало. Это, конечно, можно найти и в литературе, но здесь я сам! Сам и выписывал и считал все рождения и все смерти. Все акты о смерти записывал поп в церковной книге (и никаких врачебных свидетельств), и все записи были примерно такими:

- умер от родимчика;
- умер от животика;

- умер от внутренностей. Вот на таком уровне здравоохранение у нас (по крайней мере, на Урале) бывало повсеместно.

Я помню, что в 20-х, 30-х годах одной из самых страшных болезней был туберкулез. Если человек заболел туберкулезом, он был обречен. Так было до того момента, когда открыли пенициллин. Совпало это примерно с годами войны. И не только туберкулез. Таким же роковым было крупнозное - двухстороннее воспаление легких. В 1943 году мы с трудом спасли от него моего зама по 15-му цеху Иванова М. В., только тем, что сумели достать немножко пенициллина. До сих пор М. В. Иванов живет в Волгограде.

От туберкулеза перед войной умер директор Усть-Катавского завода молодой специалист Логинов Н. В. и его жена, моя соученица, и какая-то моя дальняя родственница, Галя Сазикова, подруга, тоже моя соученица. Жидкова А. А. умерла где-то в конце войны, да мало ли. Обычными заболеваниями были оспа (я и сам ею болел), скарлатина, коклюш, которые сейчас или полностью или почти полностью изжиты и позабыты.

О таких болезнях, как рак, инфаркт, инсульт мы узнали только в 50-х, а может быть 60-х годах. А раньше рак для нас существовал только теоретически.

Когда я работал в исполкоме горсовета Златоуста-36 в 70-х годах, я сделал анализ причин смертности по городу за несколько лет (опять копался лично в ЗАГСе). Цифры немножко колебались по годам, но в общем-то картина получилась примерно такая:

- 1/3 смертей падала на различные механические причины (производственные и дорожные травмы, убийства, самоубийства утонул, убило грозой и т.д.);

- 1/3 падала на рак и 1/3 на сердечно-сосудистые заболевания. И лишь очень немного - мизер - на прочие болезни.

Детская смертность (до 1 года) составляла 1%, максимум 2%. Намечалась с годами тенденция снижения смертей от раковых заболеваний (до 25% в отдельные годы). Очень изменилось, улучшилось здравоохранение. Где-то с 70-х годов все большую роль в здравоохранении стала приобретать профилактика заболеваний, предупреждение их, чего раньше не было совсем. Обследование на туберкулез - флюорография, на рак - онкология и т. д. Профилактории, санатории, дома отдыха, диетпитание и прочее - все это признаки развития, улучшения, прогресса здравоохранения. И недаром выросла вдвое и больше продолжительность жизни людей (главным образом за счет резкого снижения детской смертности).

Сейчас, мне кажется, что врачей и медперсонала у нас даже больше, чем надо. В самом деле. Сидел я как-то в очереди у процедурного кабинета поликлиники и от нечего делать (по привычке) стал считать проходящих мимо (2-ой этаж поликлиники. Кабинет 29) людей в белых халатах. Мои такие подсчеты были неоднократными (статистика - мой хобби) и получилось, что за час мимо меня (мимо двери. Мимо какой-то точки) проходит от 100 до 200 человек. За час! Чего они ходят!? Чего мельтешат?! Делать им нечего или их очень много? Не знаю. Но сдается мне, что это признак и какого-то излишества в персонале и показатель низкого уровня организации их работы.

Вспомнилось мне, как в 1946 году я первый раз был в ЦК партии. Поднялся на 5-й этаж. Хожу - ищу комнату. Спросить в таком огромном здании некого - никого нет. Никто никуда не бегаёт, не ходит. Нашел я комнату, захожу - меня ждут: сверили часы: - минута в минуту. Это четкость.

У нас в медицинских учреждениях такой четкости нет.

Прогресс в медицине, конечно, большой, но недостатков, видимо, еще больше.

Немного о бытовом обслуживании.

Его раньше, да и такого понятия просто не было. Был дядя Петя (как Петруха) сапожник, которого можно иногда упросить отремонтировать сапоги и был дядя Алексей (как мой отец), которого можно упросить сшить полушубок или шапку. И все. Какая-то сеть (артели инвалидов) начала организовываться перед войной и только 60-70-е годы стала строиться сеть предприятий бытового обслуживания.

У нас в городе Златоуст-36 сначала какие-то мастерские у завода, потом у горисполкома (ГКХ) и только в 60-70-е годы стало что-то строиться. Появилась отчетность по бытовому обслуживанию, появился учет о выполненных услугах на душу населения (конец 60-х годов), появилась раскладка по видам услуг. В конце 70-х годов в стране были организованы мини-

стерства бытового обслуживания по республикам (РСФСР) и управления по областям.

Бытовое обслуживание населения начало расти, развиваться, как система.

О том, что строилась у нас из объектов бытового обслуживания, как они развивались, я подробнее напишу, когда буду писать о городе. А сейчас пока скажу, что развитию этого дела в 60-70-е годы уделялось очень много внимания.

Я держу в руках 3 текста моих выступлений в Совете Министров РСФСР по бытовому обслуживанию. Все на совещаниях методической группы Совмина РСФСР. Одно это перечисление выступлений в Совмине РСФСР говорит о большом внимании и в центре, и на местах развитию бытового обслуживания населения.

А оно быстро двигалось и развивалось несмотря на застойный период (очень модные ныне выражения), поверьте мне. Цифры тогда были такие: 1964 г. - оказано услуг на душу населения в городе на сумму 12 руб. 74 коп. (отчетность начиналась в городе с 8 рублей);

1967 г. - 23 рубля 96 копеек;

1975 г. - 44 рубля 59 копеек;

1977 г. - 49 рублей 09 копеек - это высшая в то время цифра среди наших городов. Это показатели работы предприятий бытового обслуживания.

Мы в городе развивали предприятия с некоторым опережением, с запасом на будущее. Так было с прачечной, с химчисткой, с РСУ, со станцией техобслуживания автомашин и т. д.

Так было с развитием автохозяйства у города и на заводе, так было со строителями. И ничего худого я в этом не видел.

Но вот в конце 70-х и 80-е годы наши цифры по городу по бытовому обслуживанию стали браковать (Володин В. К. - КПСС, Потапов А. Г.).

- Де - эти цифры дутые;

- Де - у нас услуг меньше и т. д.

Что-то изменилось в учете, в подходе. Как-то изменилось все и на деле.

Стремление к дальнейшему развитию бытового обслуживания, энтузиазм постепенно снизились, бурного дальнейшего развития и стремления к нему не стало. В это время я уже не работал, был на пенсии.

Январь, 1982 г.

УРОКИ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Весна 1929 года. В апреле я вступил в комсомол. Школа-семилетка закончена. Ура! Я взрослый человек (мне еще нет и 16 лет)! Учиться в Усть-Катаве больше негде: ни техникума, ни десятилетки нет. Ехать в другой город на учебу не собираюсь. Надо идти работать.

И здесь я узнал, что есть на свете безработица. Оказывается, при отделе кадров завода есть (существовала еще в 1929 г.) биржа труда, и на нее ежедневно ходит довольно много людей, которые должны отмечаться и которые ждут работу. Начали ходить и мы, выпускники семилетки: я, Гриша Ананьин, Миша Зиновьев, другие.

Ежедневно ходить и ежедневно отмечаться. Однако, наше положение подростков оказалось лучшим, потому что на нас уже тогда была установ-

лена бронь: не менее 20 или 30 процентов общего числа принятых на работу должны составлять подростки. А в сентябре 1929 года вдруг нас начали набирать в ШУМП - школу УЧЕНИЧЕСТВА МАССОВЫХ профессий.

Это была основа ремесленного училища в Усть-Катаве. Раньше была организована школа ФЗУ в Катаве-Ивановске. В 1928 году ребята меня туда сманили, я ездил и даже был принят, а потом что-то не понравилось, и я сбежал с теми же ребятами домой пешком, и после этого еще один год проучился в 7 классе.

Директором и первым организатором ШУМП был Николай Карпович Бахарев. Школа размещалась в одноэтажном здании, где потом долго была поликлиника, а позже горсовет. Было создано 4 или 5 групп. Мы с Гришей попали в кузнечное отделение. При кузнеце была создана группа учеников во главе с мастером (к сожалению, фамилию его не запомнил). Закрепили за нами 5 - 6 мест (горн, наковальная, кадка с водой, уголь, набор инструмента - кувалда, молотки, щипцы и т. д.), и мы работали там по 4 часа в день, а вторую половину дня учились. Что учили, убей, не помню, а вот что и как учились ковать, это помню сравнительно неплохо.

Перво - наперво надо было отковать и сделать кузнечные щипцы. Это как бы классическая работа. Сначала отковываются лапки-такая фигурная деталь. Потом к ним кузнечным способом привариваются ручки. Именно кузнечным способом. Так как об электросварке мы еще не слышали. Самым эффективным делом в кузнице была тогда ручная кузнечная сварка вагонных колес. Мы очень любили на нее смотреть. Сами же потом из инструментов делали молотки, секачи и т. д. А затем уж ковали и несложные изделия - детали для производства.

Запомнился мне один случай. В кузнице стояло десятка полтора - два паровых молотов разной мощности (1, 2, 3, 5 тонн). На них ковали разные детали для вагонов. В обеденный перерыв мы - несколько учеников кузнеца - быстренько закусили принесенным из дома и бегали по кузнице, играли. Я залез в кабину молота и, балуясь, повернул рычаги. Молот заработал, забил по пустой матрице-наковальне и загрохотал на весь цех. Обычно молот бьет по красному размягченному железу, умело, в меру, сколько нужно. А здесь во всю силу - по наковальне. Я перепугался, кое-как выключил молот и выскочил из кабины. А в это время из столовой уже бежали кузнецы. Потрясли меня изрядно, особенно наш мастер. Для меня остался уроком на всю жизнь.

Так учеником кузнеца я проработал и проучился один учебный год - до июня 1930 года. Учились мы на пару - с двоюродным братом Иваном Петровичем Гулиным. Из этого времени учебы запомнился один весенний день 1930 года. Тогда в Усть-Катаве решили покончить с религией. Я уже писал, что в городке работали две церкви: на той стороне реки - это рядом с нашей школой (она недавно восстановлена), и "новая" - на площади, где сейчас Дворец культуры, вернее, площадь у входа в его парк. Нас построили и подвели к первой церкви. Там уже собралась толпа народа. С церкви сбрасывали кресты и колокола - ее закрыли. Толпа (старухи, старики)охали стонали, молились но все прошло четко и быстро.

Потом строем пошли ко второй церкви. Там такая же толпа. И так же четко всё произошло. В один день церковей не стало. Первая долго служила как магазин. Вторая была переоборудована в клуб, и этот единственный центр культуры города просуществовал до тех пор, пока не был построен новый Дворец культуры - до 1952 года. Там все те годы было единствен-

ное место, где собирались люди: и кино, и концерты, и спектакли (а их ставили часто, драмколлектив был очень сильный), и всяческие собрания, в том числе и партийные. Помню, директором клуба была Лидия Владимировна Иванова. Она с мужем Аркадием Николаевичем Ширяевым жила там же. На втором этаже, сбоку у входа, была приделана маленькая комнатка.

Не могу не написать о людях церкви. В первой церкви был старенький поп Николай. Он ушел на пенсию и тихо дожил в Усть-Катаве.

В "новой" церкви попом был молодой красивый мужчина, с черной как смоль, бородой - отец Александр. Его церковные власти отозвали, и он куда-то уехал.

В начале лета 1930 года мы заканчивали первый год обучения в ШУМПе, и все шло в норму, как вдруг... В городок приехал директор техникума из Златоуста Артемьев с тем, чтобы на месте набрать студентов техникума и здесь же провести экзамены.

Такое было время. Создавались новые вузы и техникумы, чтобы увеличить вдвое удельный вес ИТР в крупной промышленности к концу пятилетки, обеспечить среди них рабочее ядро не менее чем до 65 процентов.

Главное, что нам надо было защитить - это рабочее происхождение и ничем не запятнанную рабочую честь родителей.

Мы, некоторые ученики ШУМПа, тайком от руководства школы по вечерам после основных уроков сдавали экзамены и были зачислены студентами техникума. 1 сентября, вместо того, чтобы явиться в ШУМП, мы оказались в Златоустовском техникуме. Всё это было сделано украдкой. Когда об этом узнал наш директор Н. К. Бахарев, он, говорят, страшно бесновался, писал письма, требовал нашего возвращения и нескоро успокоился, а мы стали учиться в техникуме.

УЧЕБА В ТЕХНИКУМЕ

Сентябрь 1930 года - июнь 1933 года. Для меня - это период становления человека из мальчишки во взрослого. Потом уже начинается самостоятельная, "взрослая" жизнь.

Приняли нас с Гришей на кузнечно-ковочное отделение. Через год его ликвидировали, а нас перевели на теплотехническое. Его я и закончил.

Приехали. Поместили нас в общежитие на горе за станцией Златоуст, в бывшем военном городке, в бараке. Это километров 8-10 от техникума. Далеко. Был введен специальный поезд "Ученик", который ходил два раза в день от города до станции. Часто бегали пешком через станцию и гору Косотур.

О быте.

Сначала - бывшие военные казармы, двухэтажные нары. Все ветхое, полуразрушенное.

Быстро обовшивели. Запомнилась картинка. Зимним вечером сидим посреди барака у горящей "буржуйки". Света нет. Сидим полуголые и бьем вшей и "травим" анекдоты.

Сравнительно быстро эта часть быта поправилась. Был организован быт-коллектив. Вносили в общую кассу по 30 рублей. Правление их распределяло, решало, как расходовать. Стало лучше. Через 3-4 месяца организовали быткоммуну. Я в нее тоже вошел.

Нас перевели в общежитие - выделили дом по улице Ленина, 47-бывший дом какого-то управляющего. Это уже в городе. Условия создали отличные по тем временам.

Принцип коммуны такой: все вносят все, что у них есть: деньги, продукты, все, что присылают из дома, стипендии. В общем, все без утайки. Было нас человек 30. Председатель правления коммуны Воробьев, завхоз Гладышев с Вязовой. Были Мочалов Н. С., Брагин П., Демченко К. И.. Правление решало, куда и сколько расходовать: на столовую, в кино (а кому-то с девушкой), кому штаны купить, кому шапку. Так прожили мы полгода, а потом коммуна распалась. Случилось вот что. Гладышев на наши деньги купил 2 пуда муки и увёз голодающей семье на Вязовую (кажется, к Первомаю). Разоблачили. Гладышева исключили из партии и из техникума. Сейчас я понимаю, что для создания коммуны не было никакой материальной базы. Это просто была отрывка военного коммунизма. Но тогда это мне было невдомек.

Питание.

Студенческая столовая. В основном - перловая крупа и в каше и в супе. Шрапнель, как мы ее называли. Хлеба по ломтику. Иногда его просто не было. Бывало, неделю хлеба не видели. Конечно, голод, но это не тот голод, что мы пережили в 1921 году.

Какое-то плохое, нерегулярное снабжение, но было. Государство распределение взяло в свои руки, и оно более или менее регулярно осуществлялось. Эти голодные времена мы ощутили на всем протяжении учебы и первый год работы в Кусе после окончания техникума.

Первые 2-3 месяца мы по существу не учились - достраивали техникум. Он из двухэтажного был достроен в четырехэтажный.

Учеба.

Помню, что мы ходили из класса в класс, учились по "лабораториям". Хотя какие лаборатории? Осталось впечатление, что теоретическая учеба ничего для жизни не дала, ничего в памяти не осталось, что для практической работы в Кусе, Усть-Катаве ничего не пригодилось. Хотя понимаю: учеба поднимает общий интеллект человека. Она помогает ориентироваться в сложных вопросах жизни, в производстве, находить нужные решения, быстро ориентироваться в книгах. Из учебы осталось в памяти, что мы делали дипломные проекты маленьких (15-30 тыс. кв.) электростанций. Тогда это казалось грандиозным. Недавно попал в руки этот мой дипломный проект электростанции. Кажется детским лепетом.

Больше всего запомнилась практика. Их помню четыре по 2-3 месяца (вообще-то было больше). Завод имени Ленина в Златоусте. Сначала мартовский цех. Зима. На улице холодина. У печи - жар. Учились кидать в печь с лопаты флюс, приправы всякие. Однажды ночью сбежали вниз, к рекуператору, пригрелись там в тесноте, задремали. У моего пальтишка сгорела вся спина до самой рубахи. Так с голой спиной утром по морозу и бежал домой.

Потом мы работали учениками насосников у гидропроцессов в штамповочном цехе (штамповали снаряды).

Завод имени Сталина в Златоусте (металлургический). Здесь мы были на практике в котельной электростанции. Запомнилось, что в котельной с большими котлами, с цепными решетками, с углеподачей уголь кидали на решетку вручную, лопатой. А подвозили его на лошадаках в коробах прямо в цех. На наш вопрос начальнику цеха Гусеву, почему так? - он отвечал невнятно, что, де, в проекте была ошибка, что, де, работа углеподачи нерентабельна и т. д. Как потом рассказывали, это было чистейшее вредительство. В конце 1932 года или в на-

чале 1933 была раскрыта и разгромлена вредительская организация на электростанциях (это такое же крупное дело, как "шахтинское" в 1927 году). Как нам объяснили тогда, шла жесткая классовая борьба. Бывшие хозяева и хозяйчики, буржуазные специалисты объединились в различные организации, партии, союзы и занимались вредительством, пытались подорвать Советскую власть. В числе электростанций в этом шумевшем деле была и Златоустовская станция, а среди организаторов и Гусев.

Вредительство или нет, но я бы не потерпел такой низкой организации труда и такого бескультурья в работе так же, как не терпел этого позже, когда был начальником электростанции в Усть-Катаве в 1937-1944 годах.

И ещё одна практика запомнилась. Январь - март 1933 года в Магнитогорске. Мы были на практике сначала на электростанции. Участвовали в подготовке к пуску, в проведении испытаний одного из турбоагрегатов. Работами руководили немцы. Холеные, высокомерные, барстванные, никак не стоявшие рядом с нами - рабочим классом. Эти специалисты жили в особо созданных условиях, в специально построенном для них городке.

После электростанции мы практиковались на турбовоздуховодной станции при доменном цехе. Были пущены уже две доменных печи. Строились еще. Воздуходувки мощные: большие котлы с пылевидным топливом, мельницами угля, огромной углеподачей.

Жили мы в бараке. В двух комнатах человек 30 - весь курс. Ходили на работу пешком. Мороз страшнейший с ветром (воробьи на лету замерзают). Иногда бежишь - сидит на земле человек: не то замерз, не то отдыхает.

Прикрепили нас изголодавшихся к ИТРовской столовой. Кормили здорово, но... не было денег. Выкручивались так: купим пайку хлеба (шахтерские 1000 г) и тут же у магазина продадим (кажется за 30 руб.) И так через день: раз сам съешь пайку, раз продашь, а деньги на столовую.

После практики уже дипломная работа и выпуск.

Надо сказать, что последний год учебы в техникуме я был секретарем комитета комсомола техникума. Признаться, совсем не помню, какими делами занимались мы в комитете. Наверное, текучкой.

И так я закончил техникум и получил диплом, получил направление на работу (июнь 1933 года). Но прежде чем уйти из этого времени, уйти из темы, считаю необходимым остановиться на одном вопросе - об обстановке, о классовой борьбе.

У нас в техникуме были преподаватели супруги Альтер (он) и Балбер (она). Они преподавали у нас политэкономии (он) и философию - диалектику (она). После уроков (лекций, занятий) мы обычно кучкой окружали Балбера, и продолжались неофициальные беседы. Помню, в этих беседах Балбер нам говорила по большому секрету, что Сталин не правильно занимает пост генсека, что Ленин (в известной теперь записке съезду) предупреждал (в качестве завещания), что Сталин груб, нетерпим, невежлив, капризен, жесток, что надо найти способ перемещения Сталина с должности генсека. Это теперь, после 20-го съезда, после того, как письмо Ленина было опубликовано, особенно теперь, в 1988 году, стало вроде бы всё ясно. А тогда. Ох, как не просто было слышать и воспринимать такие сообщения. Они воспринимались не как слухи, даже не

как сенсация, а как большая, жгучая тайна, которая должна была сразу же умереть.

И вот эта "тайна" преследовала меня всю жизнь, никак не забываясь до XX съезда партии и даже нынешнего, 1988 года. Даже жене своей - Верре - ни разу об этом не говорил.

В тот же период (30 год) я был послан как комсомольский активист и присутствовал во вновь построенном клубе завода имени Ленина на каком-то собрании партактива, где шла горячая внутрипартийная дискуссия. О чем - не помню. Помню только, что собрание было очень горячим, что был представитель Уралобкома (тогда была еще Уральская область) тогда его "заклевали", здорово поколотили.

Через несколько лет секретаря Уралобкома Кабакова, а потом и секретаря Челябинского обкома партии Рындина посадили и уничтожили как врагов народа. Были репрессированы и многие из окружения Кабакова и Рындина.

Это была одна из последних внутрипартийных дискуссий с партийной оппозицией. Помню также, что Альтер (наш преподаватель) тоже числился к какой-то оппозиции.

Теперь о Сталине, о своем отношении к нему. Я рос, развивался, зрел, начал зрелую жизнь при Сталине, в годы Сталина. Не только я, наше поколение выросло под влиянием полного господства Сталина в партии, в государстве, в наших умах.

Тысячу раз прав К. Симонов, когда писал в своих записках (см. "Уроки правды", "Наука и жизнь", №4, 1988 г.): "... я был человеком своего времени и тогда, летом 1941 года, читая этот приказ ставки, под которым стояла подпись Сталина, не меньше других верил, что люди, упомянутые в нем, действительно виноваты во всем, что им приписывают".

Мы слепо верили Сталину, и очень не просто сейчас изменить эту веру. Нужны не только факты, не только время, нужны видимо, новые люди, новое поколение, чтобы это сделать.

Мы знали по фамилиям и фотографиям всех членов Политбюро, всех наркомов, всех руководителей. Но Сталин был выше всех! Он был непрекаем и в жизни партии и страны, и в теории. Это по его книге "Вопросы ленинизма" и особенно "Краткий курс истории ВКП(б)" мы изучали азы политики, были воспитаны. В кратком курсе - Сталин и на Кавказе, и в Туруханске, и в Царицыне.

Больше всего он "один" вершил революцию (так же, как Брежнев сыграл "решающую роль" в разгроме фашизма на Малой земле, сумел стать четырежды Героем Советского Союза, и уже в 1978 году награжден орденом Победы, хотя по статусу этот орден никак к нему не подходил).

По сталинской теории классовой борьбы получалось, что по мере того, как мы - общество - все ближе подвигаемся к социализму и коммунизму, классовая борьба в стране все больше разгорается. Уже тогда это положение вызывало у нас вопросы, непонимание и, мягко говоря, недоумение. Почему? Социализм победил, общество стало бесклассовым, а классовая борьба все разгорается?

А как она шла у нас эта классовая борьба? Революция и гражданская война - это понятно. А классовая борьба? Борьба с вредительством - это тоже понятно. На борьбу со всевозможными оппозиционными группами и течениями внутри партии мы смотрели как на борьбу мнений, может

быть, как на драчку за власть, но уж не как на классовую борьбу, ведущую к процессам, репрессиям и расстрелам. Это не было понятно.

Кулачество ликвидировалось полностью, и даже физически. Вряд ли был оправдан необходимостью такой вид борьбы. Наверное нет. Меня коробили такие методы борьбы с кулачеством. Так же, как и борьба с религией, когда в один день, по одной команде были порушены церкви - единственные центры культуры нашего народа, культуры многотысячелетней, хотя, может быть, и враждебной Советской власти.

Вот этот мотив - враждебность Советской власти, видимо, был решающим и оправдывающим во всех действиях.

А потом началось: "Враги народа". Это не просто эпизод. Это даже не компания. Это эпоха повсеместного истребления кадров. Повсеместно. Везде. Это время, когда катился каток репрессии и подминал всех под себя.

В 1935-37 годах я служил в армии, в погранохране. Где-то в 1936 году начали забирать командиров. Утром встанешь-командир новый, старого забрали как врага народа. На другой день-опять забрали, опять новый, и так во всех подразделениях "враги народа".

В феврале 1937 года я с делегацией пограничников ездил из Рыбницы в Киев приветствовать от имени пограничников Всеукраинский съезд Советов, который принял Конституцию УССР. Это последний съезд Советов Украины. Больше не было. Появился Верховный Совет УССР. В президиуме съезда мы видели всех видных деятелей Украины того времени: Петровского Г. И., Коссиора (1 секретаря ЦК КП Украины), Постышева П. П. (2 секретаря), Любченко (председателя совнаркома), кажется Чубаря, и многих, многих других. Было много военных: Тухачевский, Гамарник, Уборевич, Якир и др. Вскоре после возвращения в Рыбницу из газет мы узнали, что все они были арестованы как враги народа. Не был посажен только Петровский Г. И., а Постышев П. П. был снят с работы и направлен в Куйбышев, а там уж через 2-3 месяца тоже арестован (Любченко застрелился, так же как и застрелился позже Орджоникидзе).

Когда я вернулся из армии в Усть-Катав, увидел там такую же картину. В декабре 1937 года поступил на завод, а в январе был на собрании партийно-хозяйственного актива по подведению итогов работы за год. Директор сделал доклад, а в перерыве его забрали. "Враг народа". Больше его никто не видел. На заводе таким образом забрали 2, а то и 3 слоя директоров, главных инженеров, механиков, заместителей директоров, начальников цехов.

В райцентре - Катав-Ивановске забрали 2 слоя всех секретарей РК ВКП (б), всех руководителей райисполкома, редакторов газет и т. п. И все "враги народа"! Забирали немало и рядовых. Из всех репрессированных вернулись единицы (в Усть-Катаве Векшин И. И., в Катаве Акшенцев и Муравлев) и то только те, из которых не смогли выбить признания (по словам Муравлева).

Позже, уже в 1960-61 г., когда после XX съезда партии шла реабилитация репрессированных, Тимофеев М. А. - начальник отдела КГБ в городе меня по долгу службы ознакомил с некоторыми делами (в том числе Катавских районных руководителей). Дела эти очень примитивны и как две капли воды похожи. В тоненькой папочке два заявления, что, де, знаю, что он враг народа, или, что знаю, что он был эссером. И все. Никаких фактов, никаких доказательств, без всякой выдумки, по-солда-

фонски. Этого было достаточно, чтобы людей, как правило руководителей, назвать врагом народа и осудить.

Я просмотрел 10-15 дел. Все они написаны как будто под диктовку и подписаны двумя лицами. Назову фамилии подписавшихся под заявлениями. Первый - это Гулин Н. И., сын Усть-Катавского торговца (его уже лет 30 нет в живых). Второй - тот самый поп расстрига Симонов, о котором я уже писал. И все. В делах нет больше никаких доказательств. Никаких документов. Все заявления подписали только эти двое. Других я и не видел.

В общем, это страшное время, время горя, стыда, страха, позора нашего народа.

В годы войны гонка "за врагами народа" приутихла, а ведь потом опять начала возрождаться, и так до смерти Сталина.

Долгое время среди народа бытовало (а может быть и сейчас еще кое-где бытует), что Сталин, де, не виноват, что виновато его окружение - Берия и др., что за всем Сталин не мог уследить и т. д. И при Хрущеве и особенно при Брежневе за фигуру Берия с удовольствием сватились и пытались все объяснить, все свалить на одного Берия. Но это же совершенно неправильно! Это сейчас стало ясно, что Сталин ушел из-под всякого контроля, что он не только сам ушел, но и увел из-под всякого контроля НКВД и сделал его своим орудием жестокости и мнительности, а органы насытил угодниками, нечестными людьми (конечно же, через Берия и др.) Напомню, что наркомы государственной безопасности в те годы были Ежов Н. И. (рекламировался как "железный нарком", нарком "ежовые рукавицы"), Ягода, Абакумов, а потом уже Берия. Всех их постигла одна участь, одна карьера-свалка истории. Первых двух уничтожил сам Сталин. Он уничтожил всех, кто был с ним не согласен.

Сейчас часто публикуются материалы о том, как Сталин расправлялся со своими политическими противниками.

В моей памяти, например, остался тот факт, что Сталин поддерживал Лысенко Г. В. в его борьбе против "вейсманизма-морганизма", а противник Лысенко-Вавилов Н. И. был расстрелян. И подобных фактов, неправданных расстрелов было много. Конечно, я не берусь оспаривать или исследовать какие-то теоретические положения Сталина, но методы его борьбы с теоретическими противниками коробят, никак не могут быть оправданы.

Много пишут сейчас о той зловещей роли, которую сыграл Сталин в наших катастрофических поражениях в первые месяцы Великой Отечественной войны, в огромных потерях людских и материальных, которые понесла наша страна в годы войны. Здесь и бессмысленное, бездумное истребление руководителей армии и войсковых частей, которое как смерч прокатилось по стране перед войной (да и в промышленности тоже). Видимо, из-за сталинской глобальной подозрительности и его боязни заговоров, которых не было.

Здесь и непонятное, преступное недоверие Сталина ко всем сигналам разведки (нашей и не только нашей), военных и гражданских руководителей. Здесь и нежелание видеть и понять логику того, что надо быть наготове, а может быть, упредить (как пелось во всех довоенных песнях). Понятно, что это исходило из стремления оттянуть войну, ее начало как можно дальше, и в то же время непонятна преступная слепота Сталина. Он потом объяснял нападение немцев и наши поражения в первые месяцы вой-

ны "внезапностью". Но ведь никакой внезапности не было. Хотя мы - народ наш - войны не хотели, но знали, что она будет, война вот-вот начнется. Признаков этого было много.

Итак, я считаю, что жестокость Сталина перед войной (да и после), которая повлекла огромные жертвы народа, что промахи Сталина перед войной и в начале войны, простить нельзя. В то же время продолжаю считать, что Сталин многое сделал для развития страны в предвоенное время и для организации в конечном счете победы над фашизмом в 1941-1945 годах. Этого никак нельзя сбрасывать со счета и забывать. Здесь роль Сталина огромна. При всех недостатках сталинизма, при всех ошибках Сталина, которые нельзя простить, из его времени надо взять все ценное, все хорошее, что нам может в дальнейшем потребоваться. Люди помнят, что Сталин умел держать дисциплину, умел заставить себе подчиниться. Я против репрессий!!! Но порядок - то должен быть! Дисциплина должна быть! Во всем: в выполнении законов, планов, договоров, графиков, сроков, своих обещаний и обязательств и т. д. Должна быть дисциплина в соблюдении качества, технологий, чертежей и т. д. Эту дисциплину должен кто-то установить, контролировать, требовать! Этого жду не только я, этого ждет народ. Особенно импонировало то, что перед войной, в 1939, 1940 годах, были приняты меры по резкому укреплению трудовой дисциплины и порядка на предприятиях. Прекратились всякие прогулы, опоздания, перебежки с предприятия на предприятие. Был введен жесткий порядок: если человек прогулял или опоздал на 20 минут, его увольняли с предприятия, безоговорочно. Если мастер или начальник цеха пытается прикрыть прогул или опоздание, его тоже увольняют, тоже безоговорочно. И никто помочь не может. Это я сам видел и испытал, работая начальником цеха и начальником отдела завода.

Вот такие жесткие, поистине "сталинские" меры быстро навели порядок на производстве, во всем хозяйстве. Мы очень жалели, что во времена Брежнева такого порядка не было, что дисциплина и порядок на производстве были крайне запущены, резко упали. Это было резким диссонансом и еще более повышало, усиливало авторитет Сталина в руководстве страной. (Вот-де при Сталине порядок так порядок был, а сейчас что? Нужна-де-железная рука в руководстве и т. д.). При Сталине слов "прогульщик", "пьяница", "алкоголик", "лодырь" в обиходе не было.

При Брежневе на производстве появилось (и сейчас еще есть) много болтающихся, не работающих, бездарно и бесполезно проводящих время лодырей, пьяниц, болтунов, демагогов, не признающих дисциплину.

Вот, кажется, и все об эпохе Сталина и после него. Наконец, я завершу этот раздел записок тем, что перенесу сюда запись своей мысли 10-летней давности. Эта мысль не претендует ни на оригинальность, ни, тем более, на истину. Она просто фиксирует то, о чем я думал 10 лет назад (еще при Брежневе). Тогда же, 10-20 лет тому назад, отношение к действительности в обществе выражалось главным образом в виде анекдотов, своего рода ироническое отношение к действительности. Кстати, о Сталине анекдотов почти не было. Были они о Хрущеве и особенно о Брежневе.

Итак, цитата из моих записей 1980 года: "Непомерная жестокость одного, административный зуд реорганизаторства второго, безграничное тщеславие и первоочередная забота о собственном престиже, о том, чтобы захватить все мыслимые награды, чтобы почаще самодовольно выпячи-

ваться у фото- и телеаппаратов у третьего все это не могло не дать своих негативных результатов". Это понятно, о наших первых руководителях (1980 год). А недавно мне очень понравились стихи, прочитанные Плисецкой по телевидению. Не могу не привести их: "Гол с подачи Буряка забивает Балтача. Это личная заслуга Леонида Ильича".

Это очень здорово и очень точно выражает ироничное отношение со стороны народа к Л. И. Брежневу, его попыткам выпячивать себя во всем. Это вполне можно было принять за попытку Брежнева возродить культ личности, который после Хрущева и после XX съезда возродить было уже нельзя!

ТЕПЕРЬ О КУСЕ

После окончания техникума нас направило на работу в Кусу на машиностроительный завод с курса двоих: меня и Демченко Константина Ивановича. До нашего приезда в Кусу в июне 1933 года здесь были лишь два молодых специалиста, приехавших годом раньше. Это Киселев Василий Васильевич и Кучин Анатолий Андреевич. Оба доменщика, оба техника, оба холостяки. Киселев - начальник доменного цеха, Кучин - его заместитель. Оба они катавские.

В том же 1933 году в Кусу прибыли тоже техники - Карманов Василий Иванович (из нашего техникума) - машиностроитель, а также Павлинин Н., Горшенин В., Чебыкин Н., Кутузов В., и Елыков Г. Потом через год приехали Москаленко Родион Иванович - теплотехник, Коннов Володя, Штессель Абрам Яковлевич. Еще позже Суше - энергетик и др.

Чем запомнилась Куса? Маленький симпатичный городок, очень симпатичные люди. Особенно нравился их мягкий выговор.

Производство. Нас направили в пархоз сначала мастерами, потом теплотехниками (я-то уехал в армию, а Костя Демченко работал до самой смерти, где-то до конца 70-х годов: начальником цеха, главным энергетиком, заместителем директора по строительству). В цехе -2 локомотива ("Ланц", "Бадения") и паровая машина воздухоудка, 2 шуховских маленьких котла, 2 гидротурбины, - вот и вся техника.

Завод выпускал экономайзеры для котельных (литые), ребристые трубы, топки (литые), художественное литье. На заводе была домна какая-то уникальная, выпускала высококачественный чугуны на древесном угле.

Незадолго до нашего приезда (за 3-5 лет) домна испытывалась на выплавку этого высококачественного чугуна. Приезжал академик, кажется, Павлов, а может кто другой. При нас домна часто вставала из-за недостатка топлива. Ее научились останавливать и вновь пускать без "козла" (ранее считалось, что "козел" при остановке домны неизбежен). Частые остановки и пуски домны я запомнил потому, что котлы пархоза работали на доменном газе. Когда домну пускали, то из газопроводов воздух выжимался газом, чтобы не образовывалось взрывоопасной смеси - газ + воздух. Когда такая смесь все-таки в трубках оставалась, то получались хлопки-микровзрывы. Газ был ядовит, удушлив. Когда газ шел наружу, заполнял цех, котельную, мы не знали, куда деваться. Из котельной уходило нельзя и оставаться нельзя. Поскольку газ распространяется низом, все старались залезть повыше. Кто не успевал, отравлялся. Такие отравления были нередки. Особенность: если человек хватил газку, он старался спрятаться от него пониже, залезть под стол, под скамейку, то есть в самую гущу газа. Это и было самым опасным - хана, если просмотрели челове-

ка и он сам лезет под газ. Так при одном из пусков домы за 3-5 лет до нас погиб отец моей жены Веры. Он работал доменщиком. Так на моих глазах отравился старший кочегар пархоза Полевщиков М. (родился на станции Зима), но его, к счастью, откачали, спасли.

Жили мы сначала в общежитии, питались в рабочей столовой (очень плохо) и дома. Помню, что мы ели в основном хлеб, селедку, чай. Конечно, на всё карточки. Хлеба на карточки хватало. О мясе, консервах, колбасе не помню. По-моему, их просто не было. Обычно на карточки выкупали селедку и складывали в общежитии на подоконник. Было так: сверху стопки селедка подсыхает, а снизу подгнивает. Перевернешь стопку - и опять хорошо.

Где-то в сентябре 1933 года я поехал на побывку домой в Усть-Катав и там застрял. Пошел на завод, поступил на работу в пархоз к Умнову Александру Дмитриевичу. Как он принял меня без документов, не знаю. Помню, что проектировал отопление маленькой котельной около цеха №6 (там была потом компрессорная). Где-то через полмесяца одумался. Вернулся в Кусу (диплом-то ведь там, на заводе). Приехал. Меня стали прорабатывать, такой-сякой, сделал прогул, хотел удрать - исключить его из профсоюза, отобрать диплом! Вызвали меня на профсоюзную секцию - НТС (научно-техническая секция) с целью проработки. Неожиданно для меня выступил на собрании мой товарищ Костя Демченко: "Да знаете ли вы, что Миша домой в баньку ездил да еще мое белье прихватил, чтобы мать постирала?" И раскрыл всю нашу бытовую неустраиваемость: как мы плохо живем, как мы голодаем. Что началось! Все молодые специалисты (а нас и было-то меньше десятка) взбунтовались, разбушевались на собрании. Кончилось тем, что за невниманье к молодым специалистам кому-то всыпали, кому-то объявили выговор. Обо мне напрочь все забыли. Срочно стали делать баню (переоборудовать из кинотеатра). Мы с Костей делали проект отопления бани. Нас, группу молодых специалистов, прикрепили к столовой партактива (была такая в городе). Директор - Пантелеев Михаил Васильевич - очень хороший человек, старый большевик (мы с ним встречались потом в 1946 или 1947 году. Он приезжал на завод в Усть-Катав в качестве зам. директора чебаркульского металлургического завода, я был парторгом ЦК ВКП(б) на заводе), главным инженером завода был Герасимов Владимир Павлович, заместителем директора завода - Турукин Петр Иванович. Так вот, директор выделил из своих средств дотацию на питание молодых специалистов. Для нас началась лафа - не жизнь, малина. Питали нас не просто хорошо - здорово. Прибегаем, например, стайкой на ужин и официантке говорим (нас уже всех знали): давай на всю катушку, по всей повестке", то есть все, что есть в меню. А было всегда много - 7-10 блюд. Все съедали и уходили, а касса за нами записывала. Директор все оплатит, что бы мы не наели. Так было до тех пор, пока я не уехал в армию, - в конце 1935 года.

Время проводили весело... Там я познакомился со своей будущей женой - Верой Андреевной Чистяковой. Она работала секретарем-машинисткой партбюро завода (секретарь Решетов Николай Михайлович), потом секретарем комитета комсомола завода. Познакомились в клубе (клубике) завода. Веселая, рыженькая, конопатенькая, худенькая девочка из тех, что обычно верховодят.

Познакомился с ней первый и начал "ходить" с ней Костя Демченко. Жили мы вместе с Костей уже на частной квартире, в запрудной части

города у Ершовой Марии Ивановны. Она одна, свой дом. Это улица на берегу пруда. Позже с нами жил Москаленко Родион Иванович (это через год, когда его к нам назначили). Целый год мы с ним спали на одной койке, пока я не уехал в армию.

Вера жила неподалеку, через квартал (она, мать, бабушка, Алексей, Мария). Клавдия жила в Златоусте - училась, Рая в Златоусте работала в газете "Пролетарская мысль", в 1943 году умерла. Петр - инженер, директор золотых приисков в городе Ис на севере Свердловской области. Он погиб на фронте в начале войны. В Кусе жила своей семьей старшая сестра Веры Тоня. Неподалеку на горке у них свой дом. Муж Михаил Иванович Ермаков (его убили в начале войны) и четверо детей: Виктор, Валерий, Анатолий и Нина. Наши пути в жизни много раз переплетались со всеми сестрами, братьями и племянниками Веры.

Так вот, Костя Демченко познакомился и "проводил" Веру. Однажды на несколько дней Костя уезжал в Уфу к родственникам. Уезжая, он полусерьезно мне сказал: "Миша! Поручаю тебе Веру! Смотри за ней! Провожай! Не давай, чтобы ее кто-нибудь у меня не отбил!" Я выполнил его поручение. В первый же вечер была вечеринка на квартире у Веры Агафоновой. Я проводил Веру. Дружба переросла в любовь. Я съездил в армию, вернулся в Усть-Катав. Она работала в горкоме комсомола в Златоусте, в обкоме комсомола - заведующей отделом. Училась в школе ЦК ВЛКСМ (Н. К. Крупская была у них лектором). Опять работала в обкоме комсомола, а в 1938 году оказалась моей женой в Усть-Катаве. Но об этом позже.

Костя женился на сестре Марии Ивановны - тоже Мария Ивановна. Взял ее с сыном Рафиком. Муж у нее умер. Рафик тоже умер где-то перед войной. Мария Ивановна умерла значительно раньше Кости (в 50-60-х годах). Он долго жил один. Детей у него не было.

В Кусе жили мы весело! Очень! Молодость! Из увлечений летом был волейбол, спорт. У клуба (клубика) была волейбольная площадка - одна на весь город. Мы около нее и собирались по вечерам - играли на "высадку". Немножко занимались спортом. Немножко начал и выпивать, мне кажется, в меру. Во всяком случае, никогда не в ущерб делу, производству.

Вера, помню, все пыталась приобщить нас к политграмоте, тянула нас в кружки истории партии.

Запомнился мне из жизни в Кусе случай, как мы Салыка "пымали". Жил у нас напротив сосед-вор, бандит, конокрад. Его всегда боялись, говорили о нем со страхом. Он сидел много раз в тюрьме... Однажды зимой он опять появился: то лошадь уведет у соседа, то корову.. Однажды мы шли с вечеринки (с нами - Павлинин, Чебыкин, Горшенин, Ельков, Кутузов, они жили рядом) и решили Салыка подкараулить. Ходил слух, что он опять шарит по соседям. Этот слух подогревал, в частности, опять-таки наш сосед, дежурный шита в нашем цехе, Гагарин: "Вот бы поймать-де. Я бы отдал - де" и т. д.

На перекрестке нашей улицы и переулка, выходящего на пруд, мы устроили засаду. Я спрятался за большой камень у своих ворот, ближе всех к пруду, ребята - за углами домов. Надо же! Смотрим - идет с пруда, идет мимо меня в сторону перекрестка. Я пропустил его и выскочил сразу: "Сто! Руки вверх!" Ребята с таким же криком выскочили и окружили Салыка. Он немножко пробежал и остановился (потом оказалось, что он

выбросил в снег обрез). Ребята все понемножку успокоились и ушли по домам, а мне одному поручили отправить Салыка в милицию. Я один и повел его через пруд в заводскую часть города. Около пяти часов утра еле достучался до дежурного милиции и передал ему Салыка, а сам пошел домой, залез на печку и старался согреться - знобило.

Часов в 7 утра меня будят и суют мне на печку обрез - нашли на месте, где поймали Салыка. Он нас испугался и выкинул обрез в снег.

Потом нашли и патроны, которые он украдкой выбрасывал по пути в милицию. Я опять пошел в милицию и сдал обрез. Салыка посадили. Осудили. Нас потом милиция долго оберегала (Косте, кажется, выдавали даже оружие). Оказалось, Салык таился не дома, а у Гагарина, того самого соседа, который больше всех кричал. У него прятал ворованное, даже ворованную лошадь держал.

Через несколько лет я встречал Салыка. Он работал в пархозе кочегаром. Костя был начальником цеха. До сих пор не понимаю, как это Салык - здоровый мужик - поддался мне, мальчишке (мне было 19 лет), пошел со мной, не сбежал, не стукнул меня, подчинился. Или испугался очень? Или думал, что я вооружен, а засада была организована милицией? Или не боялся, потому что фактов, улик против него не было (от оружия избавился). Ходили слухи, что он связан с милицией и, видимо, на что-то надеялся.

Из жизни в Кусе запомнил многих людей. Прокофьев Василий Давыдович - старый коммунист. Его жена тоже старая коммунистка, зав. детским домом. Он зам. начальника пархоза. Наумов Леонид Иванович - наш начальник цеха. Он из советских инженеров, приехавших значительно раньше. Худой, какой-то болезненный. Погиб на фронте. Уренцев - главный энергетик. Старик, из старых инженеров. Глазунов Петр Павлович - мастер. Шатров Михаил - машинист. Галкин Саша - машинист локомотива. Варганов Михаил - мастер. Его посадили при мне еще как бывшего эсера. Чистяков Миша - кочегар. Помню Юткина Гришу - секретаря комитета комсомола завода. Его посадили в 1934 году. Из девчат помню Машу Пургину (потом - Штессель, потом Абраменко. Сейчас в Свердловске). Галю Абалкину - сейчас жена Кучина. Они в Славянске. Катю Уланову. Симу Каменских - (умерла). Была позже председателем совета ветеранов в г. Кусе.

Из кусинских времен запомнилось первое звуковое кино. Вернее, первая звуковая картина "Путевка в жизнь", мы смотрели ее, когда жили еще в Златоусте, а вот "Чапаев" - это наиболее впечатляющая и запомнившаяся кинокартина - вышла, когда мы жили уже в Кусе. Звукового кино в Кусе еще не было, и "Чапаева" мы ездили смотреть в Златоуст. Ездили коллективно. Сидели на полу битком набитого кузова грузовой машины. Нас трясло и било. От нечего делать мы с Кучиным А. играли в шахматы. Вслепую. Помню, что партии до конца доигрывали. Дорога эта на Златоуст была самая короткая. Конечно, никаких автобусов. Да и дорога-то была, так сказать, самобытная. Никто и никогда ее не поправлял, не ремонтировал. Машины, правда, пролазили. Иногда приходилось ездить с попутками, но очень редко. Все больше пешком. Иногда за один день туда 30 км и обратно. Пустяк. Рядом. Обычное "официальное" сообщение - железная дорога. Три-пять километров до железнодорожной станции. Два раза в сутки пассажирский поезд Кузино-Бердяуш. Пересадка в Бердяуше - и ты в Златоусте.

Наибольшая дружба у меня сложилась с Кучиным Анатолием Андреевичем, возможно, на почве шахмат. Любили шахматы, очень часто играли.

О шахматах стоит рассказать подробнее. Начал играть в школе-семилетке, увлекался в Кусе и позже. Вся жизнь. Еще в школе по учебникам Рабиновича и другим понял азы теории. Немножко разобрался в дебютах, наверное, это чуть-чуть помогало. С Анатолием встречались частенько, проводили за шахматами вечера. Бывало и так: после работы звоню:

- Ну что, заходить?

- Заходи, сыграем.

- Бутылочку по пути взять?

- Захвати.

Иногда идешь так: захватишь по пути, да не одну, а две на всякий случай - и на весь вечер. Наиграемся до сыта, иду домой, а из дома опять по телефону: - Ну давай еще сыграем. Ставь. Расставляем доски с шахматами - он свою, я свою и еще часа два-три по телефону двигаем фигуры и разбираем варианты, пока телефонистке не надоест. Надоест - нашумит на нас и выключит. Тогда уже все. Спать.

Играли мы и в городских турнирах. Он бывал сильнее. Обычно он первое место занимал, я - второе.

Помню, однажды применил я против Кучина в турнире новинку - дебют Рети. Он его раньше не разыгрывал, и это оказалось неожиданностью. Партия получилась упорная. Я его зажал. Играли 3 дня - два раза откладывали. Решало - у кого слабее нервы. Они слабее оказались у меня. Я первый рискнул разрядить обстановку. Он воспользовался и выиграл.

Вот этот мой характер - не до конца быть упорным в шахматах, не ставить себе цель: во что бы то ни стало выиграть - был у меня всю жизнь. Мне как - то казалось интереснее поиграть, лучше позащитаться, чем нападать (нападать я тоже любил), какие-то мысли, идеи проверить, чем во что бы то ни стало выиграть. Хотя, конечно, я бывал всегда не прочь выиграть и защищался всегда упорно в шахматах, цеплялся за малейшую возможность. Любил защищаться, выискивать малейшие возможности на это у соперника.

С Анатолием мы расстались, когда я ушел в армию. Успели его женить на Галине. Потом встречались много раз. Я бывал у него в Кусе и в Катаве. Он бывал у меня в Усть-Катаве - вместе приезжали к отцу. Потом встречались в обкоме партии, в гостинице. Сейчас переписываемся - они в Белгороде.

Еще о шахматах. Они оставили в жизни очень большой след. Играл я и в Усть-Катаве после армии. Участвовал в турнирах, побеждал. Выиграл однажды шахматную доску (приз) и сейчас она цела. Остались от Усть-Катавских турниров записи шахматных партий. Лежат. Не выбрасываю.

Однажды, будучи секретарем РК ВКП(б) в Катаве, я поехал отдыхать в Кисегач. С полсрока. Когда осталось отдыхать 10 дней, новая партия отдыхающих затеяла шахматный турнир. Втянули и меня. Я сыграл 5 или 6 партий, а завтра надо было уезжать. Осталось еще 8 человек. Поскольку я все 6 партий выиграл, все стали просить: "Давайте сыграем". Я посадил всех 8 человек и сыграл с ними одновременно, как сеанс. Все выиграл. Первое место завоевал - и утром уехал.

По случайности жена моя Вера сразу же поехала на тот же курорт. Она захватила конец турнира, объявила себя женой "чемпиона" и получила приз - пирог с капустой.

Этот турнир с сеансом одновременной игры мне запомнился. Он был, наверное, высшим всплеском в моей шахматной "карьере". В официальных оценках я выше 3 разряда не поднимался. Он мне присваивался много раз подряд, хотя в жизни мне приходилось встречаться и с первым разрядом, и с мастерами, и даже с гроссмейстерами. В 1952 году Высшей партийной школе в г. Москве организовали шахматный кружок (учеба, тренировки, турниры). Руководил им известный тогда шахматист международный мастер Кан. Мы с ним играли. Я даже выигрывал, делал ничьи).

В школьных турнирах я обычно занимал средние места - не очень уж старался, жалко было расходовать время. Однажды Кан организовал встречу с В. Смысловым. Это было, наверное, в 1953 году, когда Смыслов выиграл (где-то в Италии, кажется) турнир претендентов и право играть на первенстве мира с М. С. Ботвинником. Он его тогда выиграл и стал чемпионом мира.

Пришли они вдвоем со своим секундантом - Сало Флором. После речей состоялся сеанс одновременной игры на 20-25 досках. И я сел. Сеанс проходил так: шел Смыслов, а за ним на подстанции от него - Флор. Оба делали по очереди ходы, не сговариваясь. Такой тандем. Слабых, видимо, в нашей группе играющих было много. Вскоре все повывлетали. Осталось 2-3 человека и я среди них. Был момент, когда ходы повторились 2 раза и у меня за спиной начали шушукать: "Ничья, ничья". Подошел Флор, услышал и говорит: "Ничьей не будет" и сделал выигрательный ход (было мое преимущество). Он и Смыслов тянули время. Затягивали партию. Когда все остальные проиграли и мы со Смысловым остались один на один, я, конечно, проиграл. Вот такая встреча с гроссмейстером-чемпионом мира.

Помню также, что мы встречались с Корчным. В Челябинске был полуфинал первенства СССР (это было в 1957 году). В судейской коллегии был Костя Гольшови, он пригласил Корчного ко мне в гостиницу "Южный Урал". Играли, но не в шахматы, а в преферанс.

В шахматы играл много и в Карабаше и в нашем нынешнем городе. Играл и играю сейчас. Много и охотно играю в преферанс. Начал в Усть-Катаве в годы войны. Особенно много играл в Москве - в ВПШ, на курортах, в Карабаше и здесь, в Златоусте-36. Была у нас команда - Расшепкин ("бригадир"), Зудов, Денисов, Грозовский и др. У нас даже свои, нигде не встречаемые условия сложились.

АРМИЯ

Из Кусы шумно, с вечеринками проводили меня в армию. Было это в ноябре 1935 года. Служил в армии с 1935 по 1937 год пограничником в погранохране. Сначала Славута, 20 славутский погранотряд (граница с Польшей). Потом в комендатуре - это 10-20 км от границы и на заставе. Недалеко расположена Шепетовка. Бывал там эпизодически. (Был и в доме-музее Н. Островского). На заставе охраняли границу, как раз там, где служил знаменитый Карацупа, задержавший 15 или 20 нарушителей. Выходили на охрану по одному, по два человека. Вначале жутко было лежать одному, особенно ночью. Кругом шорохи. Кажется, что кто-то ползет, лезет, пытается нарушить границу или на тебя напасть. Потом быстро свыклись.

Однажды упустил нарушителя. Лежу в пойме речки Горынь в канаве под мостиком, а через мостик тропа пограничников. Подошел очередной

дозорный, лег рядом (полежит и дальше пойдет. Так полагалось). Вдруг слышим, впереди от деревни к нам, в сторону границы по канаве кто-то пробирается. Шушит трава. А вдоль канавы изгородь-лошадиный загон. Лежали, слушали - медленно тянется время. Я от нетерпения оставил напарника, "Лежи, поддержи", а сам полез навстречу. Нарушитель, видимо, услышал, замер. И я замер. Лежим неподалеку друг от друга. Я не выдержал, и крикнул: "Стой, кто идет!", а сам лежу. Он тоже не выдержал, вскочил, и я увидел силуэт человека без шапки, в расстегнутой косоворотке - за изгородью. Я кричу: "Стой, стрелять буду." Он упал в траву, зашуршал и пополз. Я вскочил и выстрелил (дескать, задержал), а сам бегу к нему. Нет. Как в воду канул. Я еще раз выстрелил ("упустил").

В деревне рядом в клубе шла вечеринка, гармошка играла. Все вдруг прекратилось, и народ высыпал весь к нам на выстрелы. Конечно, никого не нашли. Он смешался с толпой и тоже, видимо, искал. В общем, упустил. Пришлось давать объяснение. Лейтенант (кажется, уже были лейтенанты) уговорил меня написать в объяснительной, что мне показалось. К счастью, этим объяснением "показалось" все кончилось. Могло быть значительно хуже (времена были очень строгие). Видимо, все это было в начале, до принятия присяги.

Потом зачислили меня в конный взвод. Жили мы уже не на заставе, а в комендатуре. И что больше всего мне запомнилось из этого времени, так это лошади!

Лошади! Какие это умные животные и какие у них разные характеры. Нет двух одинаковых. Одна лошадь ласковая, другая злая. Одна ленивая, другая хитрая. Попадались всякие. Был у меня Заруба. И ленивый, и хитрый конь. Не однажды по тревоге (а давалось 1-2 минуты, чтобы проснуться, одеться, добежать до конюшни, оседлать, выехать на плац, и встать с конем в строй), схватишь седло и пытаешься быстро оседлать, а он придавит всей тяжестью своего тела к стенке (стойка была крайняя), прижмет и держит. Все уже выехали, ждут, а он ни туда и ни сюда. Как бы шутит и как бы ему лень.

А то в походе: все идет ничего, и вдруг захромает и начнет отставать. Подхлестнешь - опять идет. Потом опять хромает, причем хромает то на одну, то на другую ногу.

На выводке - площадка для чистки лошадей на улице-привязь и ряд цимбалин. Между ними стойки для лошадей. У каждой свое раз определенное место-всегда все лошади и солдаты-соседи одни и те же. Все привыкли, изучили друг друга. А чистили лошадей по три часа ежедневно (3 раза в день по часу).

Стоял всегда на чистке конь. Привязывался напротив. Как его не привязывали, как ни затягивали на уздечке узлы-все равно отвяжется и убежит побегать по двору, и это видно, что в шутку, играючи. Не один он любил поноситься на просторном дворике, куда выводили десятки коней. Отвяжется он, или сам-губами, зубами распутает узел у поводка, или соседние лошади помогут расстегнуть уздечку, но убежит обязательно.

Рядом стояла кобыленка Груда. Черная, нервная. Злющая. Хватала зубами и била ногами - передними и задними. Однажды при нас она убила своего хозяина - наездника кавалериста, который был уже демобилизован, должен был уехать домой и зашел в конюшню с ней проститься. Зашел неосторожно в стойку и пытался похлопать ее по крупу, а она или от неожиданности, или еще что, ударила его задними ногами и убила.

Так вот, я стоял рядом со своим Зарубой рядом и долго пытался приучить ее комочками сахара. Приучил, и когда мне надо было сменить лошадь (моего Зарубу зарубил командир отделения, а она освободилась), я взял Груду.

Как зарубил? А очень просто. Заруба не любил ходить на рубку лозы, все время пытался увильнуть от лозы в сторону. Это так: взмах вправо - лоза срублена, влево - срублена и т. д. Командир отделения на меня: "Что это ты не можешь справиться с лошадью. Дай-ка я". И сел. Поехал, стал рубить, а конь в сторону. Размахнулся сержант и рубанул, но не по лозе, а по коню. Так и отрубил Зарубе маклак. Пришлось лошадь списывать, а мне пересесть на Груду. Взял я Груду, потому что долго ее приучал, хотел ее испытать и показать свою волю, а еще - к ней никто, никогда на осмотрах не подходил - ни старшина, ни ветеринар. Они всегда проверяли качество чистки (особенно хвоста и гривы), а ее смотреть боялись. Груда оказалась еще и очень честолюбивой: никогда, ни за что не хотела, чтобы кто-то шел впереди ее - только первая! Устает, выдыхается, изнемогает, но первая. За три месяца, что я на ней ездил, она только один раз пыталась стукнуть меня копытом передней ноги по лбу (грязь на лбу осталась, но лоб она не задела) и сломала ногу моему приятелю по отделению, который неосторожно подъехал сзади, чтобы встать в строй рядом после очередной рубки.

Служили мы в районе речки Горынь, по которой проходила граница. Когда было на границе спокойно, а чаще всего было так, мы иногда на речке рыбу ловили бреднем. Речка узенькая. Забрешь - глянь, уж на том берегу. А там Польши, польские солдаты могут стрелять (граница по середине реки). Скорей назад, на свою половину. Забавлялись в свободное время стрельбой из малопульки.

Как-то поступило сообщение, что в Ровно - он в Польше напротив - было беспокойно и шли даже какие-то бои. Границу перешла группа вооруженных штатских людей (их ждали и интервировали). Вообще переходов было много, главным образом штатские, в т. ч. крестьяне, но были, видимо, и из числа шпионов-диверсантов: подтянутые, видно, что военные.

Ходили туда и наши специальные люди. Пойдет и говорит: "Вон тот домик (напротив городок Острог). Увидите, что зажегся огонек, значит все в порядке, я на месте. Успокойтесь".

Как-то в комендатуре некоторое время служил в охране домзака (тюрьмы). Насмотрелся там на перебежчиков. Их всех интервировали. Самое тяжелое было ночью. Кругом высокий забор. Во дворе тюрьма. Вокруг нее мы ходим. Окна все светятся, все видно. Запомнилось: идишь и на ходу засыпаешь. Вот такой непреодолимый сон уж очень запомнился.

Где-то через год службы нас человек 10 солдат отправили в другой - второй Рыбницкий пограничный отряд. Это город Рыбница на Днестре. Напротив была Румыния. Ей тогда принадлежала Бессарабия.

Ох и нагляделись мы тогда через реку на румынских солдат и на их порядки, вернее беспорядки. Идет солдат расхлестанный, разболтанный. Винтовку или штык тащит, или она у него по земле волочится. Увидит девчонку в поле, винтовку бросит и за ней. Офицеры дерутся. Солдат бьют. Река Днестр рядом, а купаться солдатам не разрешают. Натаскали воды в корыто к избушке (это у них вроде заставы), и в этом корыте поплещутся. Мы-то купались свободно.

Определили нас во взвод связи. Жили или в казарме при отряде или недолго в отдельном каком-то доме на берегу Днестра около сахарного завода. От него, помню, запах, вонь. В городок нас иногда пускали. Врезалось в память: воскресенье, городской сад, музыка играет, танцы, а мы, кучка солдат, ходим по аллее и восхищаемся - удивляемся: сад-то грушевый! Висят сплошь груши спелые, наливные, и никто их не трогает. Вот нам бы такой сад на один вечерок на Урал! Уж мы бы ему показали. Все груши мы оборвали бы за один вечер.

Зиму 1936-1937 гг. я был телефонистом, сидел на коммутаторе. Обыкновенный коммутатор на 200 номеров. Соединяешь и разъединяешь номера по звонку-зуммеру. Все знаешь. В курсе всех дел в округе и даже у соседей в отрядах справа и слева. Хочешь не хочешь, волей не волей, а слушаешь, о чем говорят (обрывки разговоров всегда слышишь). Одновременно был я внештатным помощником командира взвода по политчасти, помогал проводить политзанятия. Позже, к концу службы, осенью 1937 года избрали меня секретарем комитета комсомола отряда, освобожденным. Объем большой. Отряд занимает около 100 км границы; 3 комендатуры, 20 застав. Ездил иногда по ним, занимался чем-то. Чем занимался, какую пользу приносил, не помню. Наверное, никакой.

С весны 1937 года сформировали у нас команду по ремонту линий связи, и мы за лето прошли, проехали, проревизировали, отремонтировали все линии связи вдоль границы до комендатуры, от комендатуры к заставам. Где столб сменим, где к нему пасынок поставим. Заменяли на столбах битые изоляторы, а на проводах-скрутки. Нас человек 30, с нами лейтенант. Пара повозок, кухня, палатки, инструмент. Объехали по сути половину Молдавии. Впечатления на всю жизнь. Как богата земля молдавская, как она родит, как хорош климат! Едешь по полю - оно огромное, километры. Сплошная пшеница, или кукуруза, или подсолнух. Если надо - а надо проследить за проволокой, проверить состояние столбов, - то идешь вдоль линии по посевам и полям как по лесу. Особенно по подсолнухам или кукурузе. Единственный ориентир - провод, который идет от столба к столбу! По нему и ориентируешься, иначе заблудишься. Пешком по подсолнуху без топора не пробьешься. Надо прорубаться. Да и на лошади верхом проехать очень трудно.

Было несколько раз: переезжаем с места на место, видим-роща слив. Заброшенная. Хозяйина нет. Видимо, был когда-то хутор. Останавливаемся у этой рощи и живем с неделю, работаем с линией связи. По вечерам - слива в любом виде: варенном, сыром. Залезешь на дерево, нарвешь пару ведер - и компот вместо чая. А однажды остановились лагерем на опушке ореховой рощи-около 10 га грецких орехов. При ней лесник, он наблюдал за порядком. Нас предупреждал, чтобы не хулиганили, чтобы зря деревья не ломали. Орехов, конечно, поели вдоволь, они уже поспевали.

Если ляжешь отдыхать под ореховое дерево, обязательно разболится голова - столько от него идет фитонцидов.

Проходили наши пути-трассы и по садам, и по виноградникам, и по селам. Конечно, изобилие овощей и фруктов, конечно, баснословно низкие цены. Самая большая цена на виноград - 20 коп., яблоки - 10 коп., помидоры - 5 коп. за килограмм. Продавать, нигде ничего не продают. Бери так, сколько съешь, с собой ничего не уноси. Это такой порядок во всех колхозных садах и не только в колхозных. В селе зайдешь в хату, спросишь: "Дайте напиток." Говорят: - Пей вон из бочки, что стоит в се-

нях, и ковш есть." А в бочке вино. Виноград давят ногами в корыте (топчут). И это не анекдот. Сам видел. Потом сок сливают в бочки. Считают: сок в кадушке день стоит - градус, ещё день - ещё градус. Так получают вино. Пьют его вместо воды от мала до велика: и мальчишки, и девчонки, и деды, и старухи. Главная проблема в селе - иметь бочки. Место безлесное. Бочки-страшный дефицит. За пустую 40-ведерную бочку дают 40 ведер вина.

Служил я в команде и землекопом -копал ямки, и монтером (лазил по столбам, менял изоляторы), и учетчиком. Одно время был повозочным. Ездил через день в отряд за хлебом и продуктами. Была у меня пара лошадей - одни глаз на двоих (одна кривая, другая слепая).

В феврале 1937 года (это точно помню -100-летие со дня смерти А. С. Пушкина) в составе делегации пограничников выезжали мы в Киев. Это был съезд Советов - последний съезд Советов Украины, который принял Конституцию. Жили мы в Киеве несколько дней -ждали своей очереди. Жили на Подоле. Осматривали Киев, были в Киеве-Печерской лавре и т. д. О том, что были на последнем заседании съезда, я уже писал.

Через два года службы я, как имеющий средне-техническое образование, был демобилизован, а остальные мои сослуживцы продолжали служить по 3 года.

УСТЬ-КАТАВ

После армии приехал я в своей кавалерийской шинели (сохранил), в форме, со шпорами в Усть-Катав. Меня на станции встречали на лошадке (на дровнях с коробом) Григорий Иванович Филичкин (зять) и отец. Рано утром приехали домой и, не раздеваясь, с ходу, отец на радостях чуть меня не отравил. Вместо водки налил по ошибке стаканчик уксуса. Хорошо, что у меня была привычка взять в рот содержимое, а потом уж глотать. И я не проглотил. Точно такой же случай был со мной на похоронах отца в феврале 1954 года.

Отдыхал дней 20, потом поступил на завод. До завода ездил в Кусу. По-виделся с друзьями (Демченко К. И., Кучиным А. А., Москаленко Р. И. и др.). Веры не было, она в это время училась в Москве в школе ЦК ВЛКСМ. Конечно, я это после узнал. Все подробности она мне рассказала.

На вагоностроительном заводе в г. Усть-Катаве (там я проработал с 1937 по 1949 год, в том числе всю войну -наиболее трудный, сложный и ответственный период жизни) меня направили к главному энергетика заводу Шаброву Владимиру Георгиевичу (мы потом всю жизнь с ним семьями дружили. Он мой одноклассник, был женат на Карповой Юлии Ивановне -моей однокласснице по школе-семилетке в г. Усть-Катаве).

Шабров уговаривал меня идти работать в отдел главного энергетика, я отказался. Настоял, чтобы меня направили в цех.

В цехе (пархоз, потом №15) назначили меня мастером (с полмесяца был стажером). Начальником цеха был Начатой (где-то в начале января 1938 года его арестовали как врага народа), потом Рябов Александр Николаевич.

Цех какой? Котлы, "стерлинг" и "фицнер-гампер" - два по 400 кв. м., паровая турбина АЕГ - 750 кв. Отдельно котельная - два шуховских котла по 100 кв. м. Паровая машина - большая дура -150 л. с., два локомотива (Мальцева, и кажется, Ланц. Он крутил напрямую прокатный стан). Дизель 400 сил, который практически почти не работал, был всегда

неисправен. 4 гидротурбины, из них три по 150 кв. и одна постоянного тока 75 кв. Кажется, вся энергетика, никакой внешней связи, никаких внешних линий подпитки электроэнергией со стороны нет. Только в 1946 году или 1947 году была построена ЛЭП-10 из Юрюзани (там ТЭЦ на 30 тыс. кв).

Эта пестрая разнокалиберная энергетика была мала, часто выходила из строя. Да еще угля (челябинский почти исключительно) хронически не хватало. Частенько поэтому приходилось выключать потребителей или цеха, или, а это в первую очередь, освещение города.

Я быстро рос: мастер, начальник смены, зав. котельными, зам. главного энергетика, начальник цеха (это к концу 1940 года).

В котельных цеха в первую очередь занимались ликвидацией аварийности. Котлы "стерлинг" и "финцер-гампер" все время выходили из строя из-за топок. Топки цепные типа ТИ все время зашлаковывало. Они были по бокам обрамлены чугунными неохлаждаемыми панелями, которые часто перегорали, отпадали. Приходилось на ходу освобождать решетки от угля, а частенько даже лезть в раскаленную топку под прикрытием мокрой кошмы (часто лазили в такую огненную топку слесари Кувайцев Иван Егорович, Сазиков Иван Васильевич, Чернов Иван Константинович. Не один раз лазил в топку с ними и я. Главное, чтобы снизу обдувал холодный воздух).

Дело мы исправили тем, что по бокам топки провели трубы водяного охлаждения и к ним крепили панели. Два раза в год котлы очищали от накипи - 1 Мая и 7 ноября. Всем праздники, а у нас авралы. Опять лезем в горячий котел. В эти же дни ревизировали и турбины, и все хозяйство. Химчистка была построена только в годы войны.

Это первое, чем мы занимались. Как-то аварийность, а она была очень большой, постепенно изжили, снизили.

Второе - это расширение цеха. Был построен третий котел -Бабкок Вилькоккс (а потом уже и 4-й). Перед войной сумели достать, "пробить", охлопотать турбину ОК-3000 кв. За ней в Ленинград на Кировский завод я ездил раза 2-3. Пустили ее где-то в 1940 году. Потом уже во время войны - еще одну на 2000 кв.

Все хозяйство: пар, отопление завода, вода, воздух, электроэнергия, даже плотина и пруд были в одном цехе - в пархозе.

Люди пархоза! Они запомнились мне на всю жизнь, как никто другой из многочисленных людей, встречавшихся на жизненном пути.

Кроме названных мною раньше слесарей Кувайцева И. Е., Сазикова И. В., Чернова И. К. помню слесаря Алексея И., Филичкина И., машинистов турбины Мельникова Александра Сергеевича, Карауловского Якова, кочегаров Гулина Даниила Петровича и Рябова Григория Федоровича, водосмотра Бахарева Ивана Михайловича, электриков: Пигалова, Сазикова, Филичкина Дмитрия Михайловича, мастеров и старших мастеров: Кувайцева Михаила Ивановича, Катунькина Григория Михайловича, Куликова Степана, Шумоскова Дмитрия Маркеловича, Филичкина Валентина, Кувайцева И. М. и многих других. Все они, конечно, разные: кто умный, кто не очень, кто хитрый, кто скрытный, кто прямой, кто страшно хозяйственный, даже скупой, кто-душа нараспашку. Но все они отличались высокой дисциплинированностью, преданностью делу и ответственностью за свою работу, честностью и высоким профессионализмом, сознательностью. Никто не работал халатно, спустя рукава. У

нас в коллективе никогда не было алкоголиков, прогульщиков - об этом мы не слышали. Большинство названных мной (кроме отдельных) были старше меня. Все они (кроме одного-двух) уже умерли (прошло уже около 50 лет или более), но все хорошо запомнились и стоят как живые перед глазами. О многих я мог бы рассказать подробности из жизни, из встреч.

Не помню, чтобы в цехе были люди, имеющие специальное образование да и в ОГЭ их были единицы. До войны это были Буслаев Иван Петрович (после Шаброва он - главный энергетик, а сначала войны до 1942 года - начальник цеха), Умнов Александр Дмитриевич - старый инженер, Кайро Текля Викентьевич - инженер, Мельников Александр Николаевич. Об Умнове и Кайро стоило бы рассказать особо. Они этого заслужили.

Был в цехе недолгое время заместителем начальника по электрической части инженер Ершов Леонид Иванович, перед самой войной Губенко Василий Иванович - инженер по турбинам. Почти сразу его взяли в РК ВКП(б) и всё.

Это костяк цеха. Таким же был костяк завода. Я писал о себе, что быстро рос. А как же иначе? Людей-то грамотных, со специальным образованием - техников было мало, а инженеров ещё меньше. А тут еще репрессии. Из инженерно - технических работников завода они вымели десятки и десятки людей.

Шабров В. Г. при мне был главным энергетиком (недолго). Потом его назначили начальником производства, потом-председателем завкома профсоюза, потом-главным инженером и немного спустя - директором завода. И все это за 2-3 года. За период с 1938 по 1940 годы сменилось 3-4 директора завода.

Показательно, что перед самой войной Шабров В. Г., Северин - главный приемщик от НКПС, я, жена моя Вера, Зиновьев М. П., Карандашова М. и еще кто-то были членами РК ВЛКСМ, т. е. такими молодými, комсомольцами мы были в то время, начиная с директора завода.

Из молодых специалистов, которые появились на заводе в одно время со мной (или немного раньше, или немного позже), были Знаменский К. И., Сидякин Д. Ф., Воронцов В. Н., Энтина В. Н., Северин, Лукьяненко Н. В., Широкий Ф. Д., Селюто В. М., Селюто Аня, Стрельников В. А., Ершов П. И., Киржнер Д. В., Шинкаренко П. И., Бастрыков М. В., Пигалов Ф. П., Кувайшев Г. И., Пигалов М. Н., Карандашова М., Зиновьев М. П. и др. Это почти все, что были на заводе.

Прежде, чем закончить писать о людях, замечу, что всю жизнь меня не отпускал, преследовал один наказ. Как-то отец зашел домой с работы с Симбиркиным Григорием Михайловичем. Они вместе работали в кладовой вагонно-сборочного цеха. Я был, кажется, еще студентом. И вот в застольном разговоре за рюмкой вина Григорий Михайлович мне говорит: "Миша, люби людей. Всюду, где бы ты ни работал, уважай и люби людей".

И вот этот простенький, бесхитростный разговор, наказ почему-то врезался мне в память, не забывался, был одним из моих жизненных принципов. К сожалению, я не сумел передать, привить полностью этот принцип моим близким, и они не всегда за ним следовали.

Завод, видимо, как и вся страна, переживал острый недостаток топлива. Наше топливо - челябинский уголь. Часто совсем плохой, малокалорийный, плохо горит. Было праздником, когда к нам в котельную попадал карагандинский. На заводе же - не у нас в цехе - очень редко

можно было встретить уголь кузбасский и еще реже донецкий. Так было все время перед войной, во время войны и после нее. По всей стране был лозунг "Использовать местные ресурсы, местное топливо".

Занимались поиском ресурсов и мы. Первое - это древесные опилки и стружки из цеха №4 и лесопилки. Их мы сжигали с удовольствием, часто в смеси с челябинским углем, чтобы лучше горел. Но это пустяк, мало очень. Потом мы разыскали залежи торфа в районе подсобного хозяйства. Организовали торфоразработки. Резали торф. Складывали кирпичиками, сушили, возили к котлам на лошадях. Но этого мало было (торфа мало). Переделывать топки котлов на шахтные, приспособлять их к сжиганию торфа не было никакого смысла, резона. Искали торф в округе еще. Я лично на границе с Башкирией (деревня Ишимбаево) нашел обширное торфяное болото с глубиной залегания торфа до 2-2,5 метров. Но оказалось, что торф сгорел - был подземный пожар, когда - никто не помнит и осталась одна зола. Привлекал я для поисков торфа Хрусталева Степана Михайловича. Это мастер-печник котельных (он мой дядя - брат матери).

Потом поступила заявка на то, что в районе Янгантау есть уголь. Опять от моего родственника - двоюродного брата Ивана Егоровича Ананьина (о нем я писал, он был партизаном-подпольщиком при Колчаке).

Взял я машину полторку (был зам. главного энергетика), Ивана и поехали. То, что сейчас можно проехать и вернуться за день, мы проехали за 3 дня. Были у Янгантау и ниже по Юрюзани до Ежовки. Нашли, но не уголь, а горючие сланцы. Набрали их полмашины. Привезли. Пробовали сжигать в топке котла-горят. Плохо, но горят. Отправили образцы в свердловский геологический центр. Получили оттуда анализы. Сланцы, калорийность 1,5 - 1,8 т. калорий. Разрабатывать их, конечно, никто не стал. Сейчас там, кажется ищут нефть. Во всяком случае, в районе Аркаула и ниже выход сернистого газа на реке я находил и видел не один раз (во время рыбалок).

Возвращаюсь к торфу. Мы его пытались сжигать в качестве небольшой добавки к углю (без переделки топок) и перед войной, и в годы войны. В 1943 году зимой в районе было мобилизовано несколько сот лошадей. В коробах сплошной непрерывной вереницей возили торф к шуховским котлам. Пытались им вместо угля топить завод. Ничего не вышло.

Запомнилось, что главный инженер завода Спиридонов Алексей Сергеевич (полковник) нажимал на нас и в пылу гнева заявил мне: "Расстреляем!" (де, саботируем). Но и из такого нажима необходимого тепла завод все равно не получил. Кстати, эту угрозу (именно "расстреляем") я слышал не один раз.

Однажды от него же летом 1943 года во время наводнения, когда мы затопили завод (не могли не затопить) - "расстреляем!"

И еще осенью 1949 года, когда я работал уже секретарем Катав-Ивановского РК ВКП (б), внезапно выпал снег и завалил около 100 га картофеля в колхозах. Первый секретарь челябинского обкома ВКП (б) Белобородов позвонил и справился, сколько у нас осталось неубранного картофеля. Когда я ему доложил, он заявил: "Если не уберете, расстреляем". Так нужна была сводка. И мы из-под снега картошку убрали (перемешали снег с грязью) и сводку послали. А снег потом растаял. Модное это слово "Расстреляем" было в те времена.

Возвращаюсь к предвоенному периоду. Как-то в субботу, в конце первой смены (1940 год) я был на компрессорной станции. При мне про-

изошла авария. Полетел компрессор, самый мощный, один из двух, поршневой. Станция давала сжатый воздух по всей сети завода. Он шел в основном на клепку вагонов (вагоны делали клепанные, а не сварные). Завод встал. Производство остановилось. А что произошло? Лопнул шатунный болт. Полетели подшипники. Погнуло шатун. Разбился поршень. Выбил крышку цилиндра. В общем - хана.

Вызвал нас Шабров. Что делать? Опять срываем план заводу. Я говорю: "Отремонтруем". "Когда?" - говорит. "К понедельнику", - говорю, - при одном условии: дайте на воскресенье завод в мое полное распоряжение" (по нынешним понятиям в аренду). И он согласился.

Привлекли к работе в субботу вечером, ночью и в воскресенье литейный цех (отлили вновь поршень прямо по-старому, без модели) и кузницу (отковали шатун) и залили баббитом подшипники. Привлекли и механический цех, и транспорт, в общем, всех кого нужно. Лили, точили, подгоняли, слесарили, но все сделали и в 7 часов утра в понедельник компрессор пустили (пришел Шабров).

Помню, когда отлили поршень, в литейном цехе и еще красным взвалили его на телегу, чтобы гнать в механический цех, сожгли телегу. Но все вовремя сделали! Это была победа! Это был маленький триумф! Это было что-то похожее на современную аренду (конечно, без всяких денежных экономических отношений).

В общем, план выпуска вагонов выполнили.

В партию я вступил (кандидатом в 1938 году, а в члены - в 1940) и бывал на всех партийных собраниях в клубе - церкви. Запомнилось, что почти на всех собраниях обсуждался один вопрос: почему срывается, не выполняется план производства. Всегда, как правило, все сваливалось на снабжение. Бедный начальник снабжения завода Советкин всегда был виноват, всегда бит. Его даже было жаль.

И вот в марте 1941 года вызывает меня Шабров и назначает начальником отдела снабжения. Вера (я уже был женат) - в слезы, а я - руки по швам. Не принято было в те годы отказываться от предлагаемой работы.

Пришел я в отдел снабжения, сел в своем кабинете и стал думать - с чего мне начинать. Увидел кнопку, нажал. Пришла секретарша. Прошу: "Расскажите, кто в отделе работает? Какая структура?" Рассказала. Узнал, что есть такие-то группы, в них такие-то работники. Начал их по одному приглашать. В общем с нуля.

Работа была большая, сложная, ответственная. Но "изюминку" я нашел и почти сразу. Оказывается, все, что завозилось, доставалось на заводе, расходовалось без всякого контроля. Все началось с литейного цеха. Приходят выписывать баббит на заливку вагонных подшипников (шел Б-16). Работник, который ведал цветными металлами, стал возмущаться: "Мы же вчера вам все выдали". Я стал разбираться. Да, на всю программу, сполна выдано. Отказали.

Начальник цеха Лукьяненко Николай Васильевич - к Шаброву с жалобой: "Не дают, срывают программу". Я объясняю и говорю: "Не дам, если вы не наложите взыскание на Лукьяненко за разбазаривание баббита". Посопровивлялся Шабров, покричал на меня, но, поскольку я уперся, выговор Лукьяненко он объявил.

Вскоре такая же история повторилась со швеллерами. Начальник швеллерного цеха Попов Иван Васильевич - тоже на меня жаловаться.

Опять не дали. Потом брат его, Николай Васильевич - уже начальник болтового цеха - то же самое. И пошло.

Навели порядок с учетом и расходом материалов. Не стали материалы разбазаривать. Их стало хватать. Планы выпуска продукции завод стал выполнять. При моей работе в отделе снабжения срывов в выполнении планов не было.

Конечно, не только это решило обеспечение завода материалами (а их много всяких: и металлы, и краски, и топливо, и т. д.), но и этот момент запомнился. Он оказался в то время решающим.

Во многом дело зависело от людей. Были тогда в отделе такие знатоки своего дела - профессионалы, как Полковников Данил Михайлович (зам. начальника. Потом зам. директора литейно - механического завода в Катаве), Симбиркин Иван Михайлович, Золотов, Кучин Женя (Евгений - мой соученик по 7 классу) и др.

Из отдела снабжения меня перевели уже, когда шла война (в августе 1941 года). Но об этом позже.

Сейчас самое время рассказать о свадьбе, о то, как мы с Верой поженились, тем более, что совсем недавно мы отметили свою золотую свадьбу.

Держу в руках свои письма конца 1937 - начала 1938 года (Вера их сохранила) и вспоминаю. Первую половину 1937 года я готовился к демобилизации из армии, а Вера работала в обкоме комсомола зав. сектором в отделе рабочей молодежи, потом зав. отделом пионеров и тоже готовилась ехать на учебу в ЦК ВЛКСМ (школа деткомдвижения). Сначала мы переписывались, а потом я ее потерял. Приехал из армии, а ее нет ни в Кусе, ни в Челябинске. Где-то осенью 1937 года она оказалась в школе ЦК ВЛКСМ. О времени учебы у нее остались богатые воспоминания. На курсах лекции читала Н. К. Крупская. Осталась фотография, где курсанты с ней сфотографировались. Рассказывала, как где-то на балу танцевала с Серго Орджоникидзе.

Оказывается, она была членом участковой избирательной комиссии, когда впервые избирались депутаты в Верховный Совет СССР. Баллотировались у них Пичугина и Булганин. На их участке был прописан и голосовал И. Сталин. Когда он голосовал, их всех - членов комиссии, кроме 2-3-х под благовидным предлогом (на обед) удалили. Я голосовал в Кусе, куда ездил после демобилизации из армии. Наконец, мы списались, и Вера при возвращении из Москвы (конец февраля или начало марта 1938 года) заехала в Усть-Катав. Я уже работал. Городок ей, кажется, понравился и она по приезду в Челябинск начала работать и готовиться к поездке ко мне в Усть-Катав.

Летом 1938 года меня взяли на сборы в военные лагеря (г. Чебаркуль). Командиром у нас оказался Решетов Н. М. - кусинец, бывший при Vere и при мне секретарем парткома завода. Как раз в это время шли бои на озере Хасан и мы ждали мобилизации. Уж после лагерей, осенью 1938 года я заехал за Верой, и мы поехали в Усть-Катав. Где-то в сентябре 1938 года у нас была свадьба, а зарегистрировались в ЗАГСе мы лишь 22 октября 1938 года.

На свадьбе, кроме наших (Филичкины, Черновы, Ананьины, Воронниковы) были из Кусы мамаша Веры - Анна Андреевна и сестра Тоня с мужем Ермаковым Михаилом Ивановичем. Он воевал на озере Хасан. Успел вернуться. Интересно и весело рассказывал о Хасане (как нашему солдату при операции пришли японскую ж...).

От дней свадьбы осталось одно досадно-смешное недоумение: как это я не догадался на дни свадьбы-женитьбы попросить отпуск - отгул, хотя бы на 2-3 дня. Догадался об этом через десятилетия. Запомнилось: работал зав. котельными в пархозе. Всегда что-то не ладилось в цехе. Прибегу на перерыв чумазый, грязный, а у нас гости гуляют, пляшут, пьют - меня женят.

И стали мы с Верой жить да поживать. И прожили уже более 50 лет вместе. И дочку Ольгу вырастили, замуж выдали, и она уже к пенсии готовится. У них с Рудаковым Виталием Андреевичем одна дочь - Кира в Москве учится, другая - Алина седьмой класс заканчивает.

Вера в Усть-Катаве начала работать секретарем машинисткой у главного инженера завода Макарова (помню только его ярко-малиновую рубашку), потом зав. машбюро, потом зам. председателя завкома (председатель Шурупов Иван Иванович). В 1939 году организовала и была первым зав. пионерским лагерем завода в деревне Орловка. С начала войны и до конца (до 1947 года) была зав. карточным бюро завода. Потом опять, пока не уехали из Усть-Катава - начальник пионерского лагеря.

ГОДЫ ПРЕДВОЕННЫЕ

Войны никто у нас не хотел. Народ не хотел. И Сталин, наверное, не хотел. До того похоже не хотел, что начал принимать желаемое за действительное. И никому не верил - только себе. Отсюда и пошло: "Внезапное нападение" - так сказал Сталин. А вообще-то никакой внезапности не было. Мы войны не хотели, но мы ее ждали. Ждали, что она вот-вот начнется. Что она лишит нас мирной жизни, что придется воевать, защищаться. И в 1940, и в 1939 годах и еще раньше были введены значки ГТО, ГСО, "Ворошиловский стрелок" и к ним нормативы. Считалось у нас, молодежи, обязательным эти нормы сдать и значки получить. Строились парашютные вышки. Проводились многочисленные военные учения с населением, учились бегать в противоборазвах. Мы в Усть-Катаве в 1939 - 1940 годах не один раз всем заводом выходили на "военные маневры". В 1940 году, например, мы "воевали" с городами Катав и Юрюзань по всем правилам военной науки. Я был начальником конной разведки, Попов Иван Васильевич, начальник цеха - наш командир. Сошлись мы в "решающей схватке" рано утром на казенной поляне у хребта Каменного (все это очень походило на годы гражданской войны).

Нет! Война внезапной не была. Это неправда.

КАК ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

Я был в Москве - утрясал план снабжения завода металлом на III квартал 1941 года. К середине недели все, вроде, утрясли, увязали, в Главметаллосбыте. Можно разъезжаться по домам, а нас не пускают. В четверг (19 июня), болтаясь по Москве, я зашел в какой-то клуб и попал на платную лекцию. Какой-то "ответственный" лектор говорит: "Войны мы ждем со дня на день, с минуты на минуту."

В ночь с субботы на воскресенье я был на аэродроме, провожал директора завода. Вернулся к себе в Перловку (где жил) только утром. И тут около 12 часов утра в воскресенье 22 июня разбудило радио. Выступал Мо-

лотов. Началась война. Я - сразу в Москву. Воскресенье 22 июня, день, и даже ночь на 23 июня, пробыл в городе, даже опоздал на электричку и до 6 часов утра проходил (проболтался) по улицам Москвы. Видел первый вечер и первую ночь военной Москвы. Она была уже затемнена. Показалась мне очень высокой организация. По домам и подъездам всюду дежурили жильцы, и даже, кажется, задерживали и проверяли документы у подозрительных. Утром 23 июня в Главтрансмаше, где мы были, начальник отдела снабжения Георгиевский нам сказал: "Ну вот, понятно, почему мы вас задержали? А теперь заново будем составлять планы снабжения на III квартал с учетом военного времени." Только потом, к середине дня, были объявлены указы о мобилизации (надо явиться в ближайший военкомат). Мы рванули домой, и к вечеру 23 июня с большим трудом из Москвы выехали.

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ НА ЗАВОДЕ

На Усть-Катавском вагоностроительном заводе, как, видимо, и на большинстве предприятий страны, работал спеццех. Он был так засекречен, настолько засекречен, что о том, что он делает, знали только директор, да I спецотдел. Не говоря уж о том, что я - начальник отдела снабжения завода - о цехе ничего не знал, им не занимался. Даже главный инженер завода в цех тоже не имел доступа.

Начальником цеха был Лихорадов. Он первый стахановец вагоностроения (кажется токарь) с Калининского вагоностроительного завода. Дела в цехе, оказывается, шли плохо, еле-еле. Шабров (директор) где-то в августе вызвал меня и назначил начальником цеха. Но о работе в цехе - позже. А сейчас несколько слов о дальнейшем. Шабров получил сообщение о том, что к нам эвакуируется завод "Арсенал" из Брянска и что его надо принять и разместить. Собрал нас. Мы всерьез обсуждали, как будем делить завод. Мне поручили достать леса для строительства разделительного забора. И я его достал. Что-то, думали, оставим себе, что-то отдадим брянцам. Эта наивность рассеялась, как только приехали брянские руководители завода с бумагами. Все отдали брянцам! Полностью закрыли производство трамваев и вагонов. Оставили только спеццех, для фронта! Только для фронта! Никакой мирной продукции. Так был перестроен завод, как и страна.

ЭВАКУАЦИЯ

Итак, в середине июля 1941 года все наше внимание было обращено на эвакуацию. Надо было своевременно четко принять, разгрузить, распределить и направить в дело эвакуируемые к нам эшелоны. Пошло по 2-3-4 эшелона в сутки. В основном с брянским заводом "Арсенал". Но не только с ним. Пришли эшелоны с мытищенского вагоностроительного завода, а весной и летом 1942 года - со сталинградского завода "Баррикады". Пришло в июле-августе 1941 года несколько вагонов с ленинградского вагоностроительного завода им. Егорова.

Эшелоны шли неспециализированные, вперемешку: и люди, и станки, и материалы, и заготовки, и полуфабрикаты, почти готовые изделия. Видно, грузили что быстрее и что удобней (а может, что под руку попадет). Мне пришлось главным образом заниматься материалами, а потом людьми. Станки - те сразу гнали на завод, иногда вместе с рабочими. Находили им место (иногда что-то выбрасывали), ставили и сходу пускали в ра-

боту. А людей надо было разместить, расселить по квартирам. Никто их, конечно, не ждал, и никаких свободных квартир в городе не было. Делали просто: ставили в шеренгу прибывшие семьи и вели их на очередную улицу. Подходили к очередному дому и появившейся на стук, хозяйке представляли очередную семью.

Я не знаю случая, чтобы кто-то отказался принять эвакуированную семью, высказал несогласие.

Таким методом мы справились с первой задачей размещения эвакуированных, а городок в короткое время по населению вырос в 2 раза. Также были уплотнены ближайшие села Орловка, поселок Вязовая, разъезд Минка и частично город Катав-Ивановск. Рабочих стал возить специально выделенный поезд: Катав-Ивановск - Усть-Катав. Как -то строить и хотя бы расширить временное жилье - это было уже потом.

О БОСЯКЕ ИВАНЕ

Однажды, принимая эшелон эвакуированных, я обратил внимание на здорового, даже могучего - кровь с молоком - мужчину средних лет, который, сойдя с вагона, стоял особняком, без семьи, без вещей, одетый в легкую, рваную куртку. Спрашиваю: "Кто такой?"

- Иван я. Приехал с эшелонем.

- А где работал?

- Нигде не работал. Босьяк я, алкоголик.

- Как же попал в поезд?

- А все едут и я поехал. Не оставаться же с немцами.

- Ну и что же дальше?

- А как все. Буду работать.

Поместили его на квартиру к Воротниковым. Предложили явиться в отдел кадров. Так уж получилось, что через несколько дней я стал начальником цеха, того самого спеццеха. Смотрю, присылают в цех этого самого Ивана-босьяка, "Дайте, -говорит, -мне работу попроще и потяжелее, чтобы кости трещали". Поставили мы его бомбы возить от операции к операции. Работал, как вол, за троих, не признавая никаких смен. Пить бросил. Вообще, за войну я не слышал слова "алкоголизм", "прогул". Не было этого.

Смотрю, через некоторое время Иван домой перестал ходить. "В чем дело?" - спрашиваю. "Стесняюсь, - говорит, - обовшивел я весь". Помогли мы ему сменить костюм, дали рубашку, носки, старые сожгли. Холодно стало - зима пришла. Смотрю, опять Иван спит в цехе на печи, где песок сушат для пескоструйки. Потом докладывают: заболел Иван и умер прямо в цехе, на печке. Так из цеха его и схоронили и фамилии его никто не запомнил.

Когда я был в Москве перед войной, то жил в Перловке на квартире присланного нам зам. директора завода Иванова Алексея Петровича. До этого он работал на Мытищинском вагоностроительном заводе. При мне они с Лизой (Елизаветой Илларионовной, женой) приехали за вещами. Мать - старушку оставляли в Перловке. При мне устроили вечеринку-проводы. И я на ней был. Пригласили 2-3 пары сослуживцев с Мытищинского завода. Среди них Елиокумс Исаак Борисович.

Расспросов и рассказов об Усть-Катаве на вечеринке было много.

Все расспрашивали: "Неужели у вас запросто бродят медведи?" И все

удивлялись, что я пью водку (специально для меня взяли пол-литра водки, остальные пили сухое и портвейн).

Так получилось, что в эвакуацию одними из первых в Усть-Катав приехали с Мытищинским эшелонем Елиокумсы. А вскоре его прислали ко мне в цех №20 замом (я назначен начальником в августе 1941 г.). Мы как раз начали разворачивать производство в этом бывшем спеццехе, где царил перед войной страшная секретность и сонная, неторопливая жизнь.

Выпускали 100 - килограммовые фугасные бомбы. Помню, что к ноябрьским праздникам мы увеличили производство раз в 10 и получили премии. Замом у меня был Прохоров Аркадий Андреевич, а тут прислали еще Елиокумса да Ломова (тоже из Мытищ, бывший директор ФЗУ). Стало у меня три зама, хотя никого я не просил. Мы уже начали выпускать М-13 (одну деталь-стакан снаряда для "Катюш"). Это параллельно с фабами да еще с хабами. Елиокумса мы поставили заниматься М-13, но он предпочитал делить талоны на дополнительное питание и промтовары. Дело с М-13 шло со скрипом, и нас вызвали с отчетом на заседание парткома. Отчитывался Елиокумс. Его сильно поколотили и подготовили взыскание - строгий выговор за срыв графика выпуска М-13. Я взял Исаака под защиту, быстренько в цех, и пока Елиокумса не было, убрал его стол, который стоял в одном кабинете с моим, и велел его поставить рядом со станками, прямо в цехе - де, занимайся производством. Дело с выпуском М-13 мы наладили.

Потом бывшего нашего директора завода Шаброва Владимира Георгиевича назначают зам. директора по боеприпасам. Директором завода №13 им. Кирова (так он стал называться) был назначен приехавший из Брянска Куранов Александр Васильевич - полковник, депутат Верховного Совета СССР, имел орден Ленина. По тем временам - ого какая величина для Усть-Катава, да и для всего района. Главный инженер - Спиридонов Алексей Сергеевич - тоже полковник. Начальник производства - Соболев Николай Николаевич (будущий директор). Все они брянские с "Арсенала". Парторгом ЦК ВКП(б) - секретарем парткома приехал Власов Александр Васильевич, который работал до этого инструктором ЦК ВКП(б). Секретарем комитета комсомола то же была прислана из ЦК ВЛКСМ Пустовойтенко. Председателем завкома профсоюза был Шурупов Иван Иванович. В общем, Шаброва назначили зам. директора по боеприпасам. А выпускал боеприпасы один наш 20 цех. Заготовки, поковки, литые, инструмент, нам поставляли другие цеха. Сидеть Шаброву было негде (кабинета не было), и стол его поставили ко мне в кабинет (а кабинетище было огромное). Мы с ним распределились: Шабров занимается всеми внешними делами, обеспечивает цех поковками, заготовками, литьем, инструментом, оборудованием, я занимаюсь цехом, обеспечиваю выпуск продукции. И так год до июня 1942 года. Работы хватало обоим. Цех был огромный - до 1000 человек народа, и продукции выпускали много. А тут еще суровейшая зима 1941-42 гг. Все замерзло, особенно в корпусе №2, по величине таком же большом, как и основной корпус №1. Переоборудовали его из склада боеприпасов, и был он очень холодный.

Тут самый раз отступить и рассказать о том, как размещался эвакуированный из Брянска завод. Нам повезло. На старом Усть-Катавском вагоностроительном заводе корпуса стояли в линию на равном расстоянии друг от друга и с обеих сторон были связаны траверсными тележками для перевозки вагонов и трамваев.

Для организации новых цехов потребовалось только возвести крыши между корпусами и поставить торцевые стены. Ни фундаментов, ни основных стен строить не надо - они готовые. Так очень быстро организовались, строились и начинали работать новые цехи. И не ожидая окончания работ по строительству крыши, станки, необходимое оборудование ставили в будущих цехах и запускали в работу прямо под открытым небом.

Так было построено четыре цеха, а уже после расширялись старые и строились новые. Расширены были цех 20, литейный, инструментальный, кузнечный и др. Завод привез с собой из Брянска и сразу начал выпускать ЗУ-13 (зенитные установки, но без пушек), минометы и еще что-то. Потом освоил и стал делать танковые пушки для Т-34, сначала 75 мм, а потом уже 85 мм, которые били немецких "тигров", прошивали их навывлет.

Чтобы не возвращаться, напишу сразу, что испытание пушек, их отстрел производился с начала и до конца войны на месте. Прямо из завода пушки стреляли в гору-скалу за речкой через спускной канал от пруда в реку, в скалу "Могильная". На скале стояли домики - жили люди, а чуть дальше - кладбище (отсюда и скала "Могильная"). Часто от обстрела скалы стекла в окна домиков вылетали, и завод их то и дело вставлял. Но что делать? Так было всю войну. Конечно, под постоянным обстрелом жить было тяжело и неудобно, но время такое, необходимость.

Еще о производстве. Характерны были 2 момента:

1. Качество. Приемка была военная и никакого снижения требований к качеству продукции не допускалось. Например, мы в цехе не только тщательно окрашивали и снаружи и внутри бомбы, которые сразу же "тепленькими" летели на головы немцев, но и тару, в которую эти бомбы упаковывались, хотя мы эту тару назад никогда не получали. Так было даже в самые тяжелые напряженные на фронте дни.

2. Графики выпуска продукции были строжайшими. Они, как правило, подписывались Сталиным от имени ГКО (на основную продукцию). Было так: в определенные часы на завод подавались вагоны под продукцию. Попробуй вовремя не погрузи и сорви график Сталина! Ой, как этого боялись! А потом (к середине и концу войны) на заводе был создан 2-3 дневной запас продукции, и все шло нормально.

И еще один производственный эпизод вспоминается. Получилось так, что с приездом эвакуированных, на заводе обособилась, создалась своя местная Усть-Катавская "республика" (что вы хотите - местничество куда не денешь) - это наш 20 цех. К нам в цех ринулись, "сбежались", стянулись многие бывшие руководящие работники вагоностроительного завода и даже района. Было время, когда в цехе скопилось и работало до десятка бывших директоров, главных инженеров завода, начальников цехов, других бывших ответственных работников. В цехе в начале войны работал Скрябинский Степан Назарович - бывший директор Катавского цементного завода (начальник ООТ цеха). Помню Сушева Д. Ф., Лопатова П. И. и других.

Что-то вроде такой же "республики" было и в железнодорожном цехе, где работали в основном тоже устькатавцы (Воробьев Г. А., Ананьин М. П.). Работали люди на заводе по 12 часов, без выходных и без отпусков. Только к концу войны стали давать два выходных в месяц.

Как не рассказать об этих людях? Работали как черти, не жалея себя. Запомнились мне Струначев В. В., Шафенков М. А., Знарк П. И., Садов

Н. К., Майборода, Хрусталева М. И., Бритченко В. И. и многие другие. Не один раз останавливались мы с Соболевым Н. Н. (начальником производства) в сторонке и наблюдали, буквально любовались работой токаря нашего цеха Андрейчикового Василия Павловича. Работал он четко, размеренно, экономно, ни одного лишнего суетливого движения, а главное - все быстро.

В войну родился у нас на заводе молодежный цех №17 - цех мелких деталей - в каком-то здании, предназначавшемся деревообделочному цеху. Состоял цех исключительно из подростков и "фабзайчат". Комсоргом в ФЗУ был тогда Фомиченко Константин Иванович - будущий секретарь обкома ВЛКСМ, секретарь обкома КПСС, второй секретарь ЦК КП Киргизии, посол СССР в Эфиопии и Монголии.

Начальником цеха был Авдеев А., а парторгом Мельников Д. М. Они, как клушки с цыплятами, возились с ребятишками, устраивали для них подставки у станков. Цех никогда отстающим не был.

7 ноября 1941 года было очень холодно (-50°C). Завод работал полным ходом. Отдыхающая смена вышла на демонстрацию, я забежал в цех. Все четко работает. Смотрю, по заводу катают состав в вновь прибывшими по эвакуации станками. Взял рабочих, один вагон со станками отцепили, закатали в цех, разгрузили и стали устанавливать станки. С демонстрации зашел в цех - некоторые станки уже работали. Дают детали. Хорошо! Идет главный инженер.

-Что это? - говорит.

-Станки, - говорю, - разгрузили, поставили и пустили в работу.

-Ах, сукин сын! Они же в другой цех предназначены. А потом:

-Ну, молодец! Работай, на подходе еще эшелон, обойдемся.

Так дрались мы за наращивание темпов работы.

В трудовой ритм завода все мы втянулись. В цехе у меня стояла койка, а я бывало по 5-7 дней не ходил домой - некогда, хотя жил с заводом рядом.

Никак не забыть октябрьские и ноябрьские дни 1941 года. Немцы подошли к Москве. Радио в кабинете всегда включено. Гремит. Тревожно. Грустная музыка, старинные русские патриотические песни прерываются только волнующим голосом Левитана: "Родина в опасности!" "Немцы под Москвой!" И волнующими всех сводками с фронта. Для того, чтобы подзарядиться, подтянуть кого-нибудь достаточно было зайти в кабинет, привести с собой этого "кого-нибудь" и послушать радио.

Сняли меня с должности начальника цеха № 20, а Шаброва В. Г. с должности зам. директора по боеприпасам одним приказом 22 июня 1942 года.

Главный инженер Спиридонов А. С. (Куранов был в командировке) и представитель наркома (кажется, Каневский) вызвали нас и объявили об этом. А случилось вот что.

5 июня 1942 года с самолета сбросили нам (заводу) чертежи на новое изделие, которое дали нашему цеху. Изделие называлось М-30.

К невысокой цилиндрической части из толстого стального листа приваривалась сверху стальная литая головка, а снизу - конус тоже из стального толстого листа. И сверху и снизу отверстия с резьбой (нижнее равное по резьбе нашей М-13). И все. Все, вроде, просто. Изюминка заключалась в том, что изделие испытывалось на прочность и герметичность пневматическим (воздушным) давлением на 50 атмосфер и потом гидравлическим (водяным) на 150 атмосфер. А у нас на заводе ни

воздушных, ни водяных насосов, способных создать подобные давления просто не было. Их надо было срочно разрабатывать и сделать.

Был дан график ГКО за подписью Сталина на первый день сделать 1 штуку, на 2 день 5 штук, а потом 10, 30, 50 и 100 штук и к концу месяца выпускать по 300 штук в сутки. За это время (с 5 по 22 июня) мы успели сделать, сдать приемке, отправить в Свердловск на полигон и получить оттуда результаты испытания двух вагонов изделий. Выпускали их что-то около 200 штук в сутки, но в график -300 штук-войти никак не сумели. Нас приказом по заводу сняли с работы за невыполнение графика выпуска изделий.

Спрашиваю: "Кому сдать дела?"

Говорят: "Елиокумсу. Зайдите, скажите и вон из цеха, чтобы Вас там больше не было".

Собрали мы ИТР цеха, объявили о приказе, взяли 0,5 литра водки (талоны-то на водку распределялись в цехе) и пошли с Шабровым ко мне домой. До этого я 7 дней не был дома (жил в цехе). Мать сварила чугунок картошки, мы выпили водку и завалились спать. Проснулся я на третьей сутки и спрашиваю: "А где Шабров?". "А он ушел", - говорят. Быстренько я поел, собрался на завод. В цех, конечно. Прихожу, а на воротах у входа висит приказ по заводу. Де, Елиокумс при назначении начальником цеха обещал немедленно войти в график выпуска М-30, но обещание не выполнил, цех в график выпуска изделий не вошел, а наоборот, их выпуск снизил. Итог - снять Елиокумса с работы. И смех, и грех. Трех дней не побыл Исаак начальником цеха и уже сняли. Таковы были времена.

Начальником цеха был назначен Шилов - бывший главный технолог завода. Но и он пробыл в этой должности не более 2-3 месяцев. И он был снят за невыполнение графика. И только Рузин, назначенный после Шилова с должности начальника производства, пробыл начальником цеха 20 до конца войны, хотя и при нем первоначальный график-300 изделий в сутки так и не выполнялся.

Из цеха я пришел с Спиридонову и спрашиваю:

- Куда мне? Прошу отправить на фронт.

Он:

- Нет, на фронт не пойдешь. Иди работать в производственный отдел.

- Не пойду. Я теплотехник, и если не посылаете на фронт, давайте работу по специальности.

Шабров уехал в Москву в старый наркомат, а меня направили к главному энергетнику Билибину Палладию Федоровичу (хороший мужик, добродушный человек, но особенностей Усть-Катавского завода не знает). Он меня направил в цех 15 (пархоз). Начальником цеха был Иван Петрович Буслаев. Назначили меня начальником смены. Все на месте, а я подменным: кто заболел, что случится - я подменяю. Так пару месяцев. Цех и людей знаю отлично, плаваю, как рыба в воде на любом участке.

Где-то в августе Куранов А. В. вызывает и дает задание: "Поезжай в командировку в Москву, зайдешь к наркому (нарком был Устинов Д. Ф.), возьмешь у него письмо-предписание и в Тулу за паровым котлом. Получишь его и привезешь. К зиме котел надо установить".

Взял я Якова Бахарева! (слесарь-машинист турбины, могучий человек, бывший моряк), взял на всякий случай денег 10000 рублей (конечно, на заводе в подотчет. Сейчас даже не понимаю, как мне дали такую сум-

му наличными). Взяли мы с Яшей с собой мешок картошки и поехали на станцию. С большим трудом попали на поезд. Дорогой оказалось, что у Якова ботинки трут ноги, и он на какой-то станции купил галоши и в них все время шлепал в вагоне, а потом по Москве и по Туле.

В Москву мы приехали утром в воскресенье. Вышли на вокзал с мешком картошки, и нас зацапал милиционер - "спекулянты?" Мы его еле убедили, что мы командированные с Урала. Потом мы пошлепали по Москве искать квартиру. Был у нас адрес устькатавца Скрябинского (брат Степана Назаровича), который работал в НКВД. Вот она наша провинциальная нравственность - заехать к каким-то дальним землякам.

Нашли мы его где-то в районе Садовой-Самотечной (по Москве шлепали пешком с мешком картошки у Якова на спине). Зашли в квартиру, а там по какому-то поводу "гуляют". Компания подвыпивших друзей. Отвели нам комнату, наказали, чтобы не высовывались, и мы закрылись в комнате. Отдохнули немножко и пошли смотреть Москву. Яков в галошах шлепает. Пытались 2-3 раза в ресторанах поужинать, но не тут-то было. Нужны карточки, во-первых. А потом, нас просто в рестораны не пускают (в галошах). Вернулись домой голодные, переночевали, а утром в наркомат.

Быстро получил я письмо Устинова Д. Ф. директору Тульского завода Рудневу - отдать нам котел и отправить его (помог зам. наркома Рябиков). И поехали в Тулу. В Туле - сразу на завод к Рудневу (завод №66, который был эвакуирован и работал в Златоусте. Руднев был потом председателем комитета по новой технике при Совете Министров СССР). Руднев говорит: "Ну что ж, берите". И повел меня в котельную. А котел (Бабкок-Вилькоккс, 400 кв. м) стоит в ряду других, которые работают, высочайший, с 5-этажный дом. "Вот, - говорит, - берите". "А как же, - говорю, - его демонтировать, вывезти, погрузить на ж. д. платформы?". "А это не мой вопрос, - отвечает. - Берите, грузите, везите. Людей на заводе у нас нет". Завод немножко, что оставалось от эвакуации, работал. Он ремонтировал стрелковое оружие, которое привозили с фронта. А фронт был рядом. Тула находилась в полукольце вражеских войск. Над городом летали непрерывно немецкие самолеты-разведчики. Они никогда при нас не бомбили и по ним тоже не стреляли. Летали свободно, как будто войны и нет.

Кстати, по городу стояли баррикады. Главная улица с трамвайным движением перегорожена в 3-4 местах. Трамваи ходили. Ходили и автобусы. Мы даже сумели съездить в Ясную Поляну, которая была рядом и от немцев была освобождена. Жили мы в заводской гостинице. Так вот, Руднев говорит: "Пойдем, покажу". И мы пошли по пустынному заводу. Работа кое-где. Завел он меня в подземный тир, где опробовали оружие после ремонта. Вот это место было оживлено и грохотало!

Уговорил я Рудневу только на то, что он разрешил брать на временные тяжелые работы отработавших смену, при их, конечно, согласии с оплатой наличными.

Вот где пригодились мои деньги 10000 рублей! Вся работа по демонтажу котла мы делали с Яковым, а на тяжелую работу нанимали; приглашали, упрасивали персонал: кочегаров, водосмотров, слесарей, и я сразу же с ними расплачивался наличными. Разобрали мы кладку, сняли необходимую арматуру, перерезали и выбросили водогрейные трубы, сняли пароперегреватель.

Механическую топку бросили - она приспособлена к подмосковному углю.

Сняли барабаны. Все вытащили на улицу, и погрузили в вагоны и отправили. Заняло это 4 ж. д. платформы. На всю операцию с поездками ушло меньше месяца. Мне казалось, что это очень мало и очень быстро. Да так оно и было.

Приехали домой, встретили вагоны и начали монтировать котел на месте, которое было заранее подготовлено в цехе. Меня назначили ответственным за монтаж и пуск котла. Топки у нас не было (старую мы бросили в Туле, она нам не подходила), а новую механическую топку разрабатывать, проектировать, чертить было некогда.

ОГЭ завода взял это на себя-молодцом оказалась Кайро Текля Викентьевна (когда я приехал в Усть-Катав из армии, она уже работала в ОГЭ. Муж ее был арестован, как враг народа. Одна, кажется, с двумя маленькими ребятами, она работала очень мужественно и очень полезно). Прямо с учебника срисовала она топку (да и не ТИ, как были у других котлов, а какую-то другую), разработала детали, сделала эскизные чертежи. Прямо по ее эскизам механический и литейный цехи изготовили детали топки, и мы стали собирать ее.

Собрали, стали пускать, а топка не идет. Разобрались, оказалось, что револьверные колосники топки (а их что-то около 12 тыс. штук) поставили неправильно-задом наперед. Пришлось срочно, чуть ли не украдкой снимать эти 12 тыс. колосников и ставить заново, правильно. В общем, к зиме мы котел смонтировали и пустили. Сразу после этого меня назначили начальником цеха 15. Бог мой! Дела в цехе запущены, да не по чьей-то халатности, а от того, как тяжело и трудно было работать в то время. Главная трудность была в том, что хронически не хватало топлива-челябинского угля, да и тот был очень плохой, плохо горел.

КАК ЦЕХ СОЖГЛИ

Энергокольца у завода никогда не было. Электроэнергия, тепло - всё свое. Никакого запаса топлива - работали с колес. Часто приходилось выключать электроосвещение города и останавливать цеха, чтобы дотянуть до следующего эшелона топлива и не заморозить станцию.

Однажды морозной зимой 1942-43 г. г. угля у нас оставалось на 2 часа работы, а очередной эшелон был на подходе. Поскольку я несколько суток не спал, главный энергетик Билибин П. Г. отослал меня отдохнуть, оставил за меня своего зама, Лугового. Около часа ночи меня разбудили-аварийная ситуация. Оказалось: не очень опытный зам. не решился во время отключить цеха завода, допустил, чтобы топливо все до последней лопаты сожгли, а очередной эшелон с углем, которого мы ждали, застрял на соседней станции. Возникла угроза заморозить теперь уже полностью отключенный завод и саму электростанцию. Тогда все! Хана полная! Прибежал я в цех. Что делать? Дрова, опилки, стружка - что было, все сожгли. Неподалеку стояло 2-этажное деревянное здание. В нем были размещены ремонтные службы, сапожная мастерская, какие-то конторки вспомогательных цехов.

Я предложил разобрать здание, распилить и сжечь в котельной, чтобы поддержать и спасти от разморозения и электростанцию и завод. За два часа здание разобрали, распилили, раскололи, перетащили на руках в ко-

тельную электростанцию и сожгли. Благо сотни людей в цехах без дела.

Электростанция, котельные, сети отопления по цехам завода были сохранены. Через два часа подошел уголь, а к утру завод работал уже нормально. Это был, пожалуй, самый критический момент в моей жизни. Больше таких трагических моментов в жизни электростанции не было. Это не значит, что прекратились отключения в подаче электроэнергии на освещение города и в цеха. Частенько были эти отключения города и цехов. А по цехам так была установлена своего рода очередность (отключался не весь завод, а части цехов и по очереди).

Причины были разные: и перебои с подвозом на завод топлива (и мы, наученные горьким опытом, вынуждены были резервировать часть топлива на холостой ход станции, завода), и не успевали погрузить уголь в бункера котлов-котлы работали без всякого запаса, и уголь очень плохо горел. Топочные решетки все время зашлаковывало. Чтобы поддержать работу топков и интенсивность в работе котла, непрерывно в ручную через неприспособленные для этого топочные окна уголь приходилось шуровать на движущейся решетке обычной кочергой (у котла две топки, значит с двух сторон). Первоначально по молодой неопытности я частенько хватался за кочергу, но быстро понял, что от этого работа котельной и станции не улучшится. Все это оборачивалось в конечном итоге снижением давления пара и снятием нагрузки. Это натолкнуло меня на мысль, заставило принять драконовские меры. Я достал сирену и поставил ее в котельной, а кнопку у машиниста турбины. Если давление пара снижалось до 10 атмосфер (номинальное давление в котлах у турбин -12 атмосфер), то машинист нажимал на кнопку сирены и давал предупредительный сигнал. Если же оно опускалось еще ниже, до 9 атмосфер, то машинист включал сирену и не имел права выключать ее, пока давление пара не поднимется до нормы, а дежурный электрошита снимал часть нагрузки. Сирена была исключительно злой, редела на весь завод, и мало было приятного, мягко говоря, находиться в это время в котельной. Обычно кочегар или его помощник при этом бежал к машинисту турбины умолять его, чтобы сирену выключил. Зная это, я сидел рядом с машинистом и запрещал ему выключать. Вой сирены по всему заводу приводил к тому, что все, кто был на заводе -главный энергетик, его заместитель, директор завода, главный инженер, начальник производства, - бежали в котельную: "Что случилось?" А потом, видя, что "только" падение давления пара, умоляли включить обесточенные цеха. Я был неумолим: "Пока не поднимут давление пара до нормы, нет!"

Такие варварские методы, конечно, физически изматывали людей, но свое дело сделали и как-то упорядочили работу электростанции.

Не только эти факты говорили о плохой работе электростанции. Мне сразу, как начал работать начальником цеха, пришлось констатировать, что смены от мастера к мастеру передаются небрежно, что запасы угля в бункерах котлов на смене всегда на нуле. Разгружался уголь вручную в бункер котельной для подачи экскаватором наверх. Работа тяжелая. Работали на разгрузке только женщины, и всегда в начале смены бункера котлов были пусты. Зола из-под котлов вывозилась вагонетками тоже вручную. И начало смены всегда характеризовалось тем, что бункера до отказа забиты золой, и она спускалась прямо на пол зольных помещений, а потом уже вручную погружалась лопатами в вагонетки, что вдвойне тяжелей. Котельные, как правило, при смене от грязи и пыли не убирались.

Посоветовались мы с мастерами, ИТР, и ввели обязательную пятибалльную оценку отдельных участков работы и обязательный доклад мастеров и начальников смен начальнику цеха в конце смены. Оценок было 5 или 6 и ставил их я сам в присутствии сдающих и принимающих смену, в том числе отключение нагрязок, давление пара в котлах, наличие запаса угля в бункерах котлов (чтобы было не менее половины бункера), наличие золы в зольнике и на полу (чтобы не было ни одной лопатки), чистота (чтобы были обмыты кожуха топок, подметен пол, не валялось нигде тряпок). Принимал смену, выставлял оценки, выводил средний бал. И так ежедневно.

Частенько перед передачей смен я обходил котельную, станцию, тщательно все осматривал и говорил: - А у вас тряпки грязные валяются за дымоходом "Стерлинга". - Где? Не может быть. Пойдемте. И мы всем составом шли в котельную, лезли наверх и тряпки эти находили. Или: А у вас не вся зола убрана. И находили в зольниках несколько лопаток неубранной золы, шлака. Достаточно было одного-двух раз, и больше подобное не повторялось.

В конце месяца выводились средние цифры по баллам и, в зависимости от них, выплачивалась заработная плата мастерам и начальникам смен. Я не помню, за какой счет это оплачивалось, наверное, по каким-нибудь премиальным деньгам. Но было так, и разница в зарплате была ощутимой, а главное сказывалось это на работе.

Постепенно, не вдруг, но оказалось, что мы перестали выключать цеха и снимать нагрузку, научились держать в норме давление пара, иметь переходящий запас топлива, вовремя и полностью очищать зольники. Ко всему этому нужно еще добавить, что в углу заводского двора в заброшенном сарае лесопилки я обнаружил сваленные в большую кучу книги. Сначала думал, что там есть художественная литература, есть детективы. Оказалось, что это свалена в беспорядке техническая библиотека Мытищинского завода. Привезли, разгрузили и забыли. Никому не надо.

Со своими мастерами цеха и другими ИТР мы перебрали эту кучу книг, выбрали все, что касается теплотехники, энергетики и перетащили в цех. Так оказалась у нас хорошая цеховая библиотека (стояла у меня в кабинете). Стали мы ее почитать (часто коллективно), использовать на оперативках, на пересменках. Попалась нам брошюра о том, как Форд на своем заводе в котельной поддерживал чистоту, как ежедневно, где надо, подкрашивал оборудование, и какая большая польза-выгода от этого у него получилась. Все это мы зачитывали, обсуждали, и нам понравилось. Завели мы порядок: в котельной не просто мести пол и мыть металлические части и кожуха котлов и топок, а и красить их ежедневно (а иногда и ежемесячно) черным лаком (где-то брали, наверное, в цехе 20 то, что шло на покраску авиабомб, лак №67).

Позже мы взяли за правило периодическую покраску оборудования по всему цеху. Для мытья оборудования, промывки окон по всей котельной (окна были высокие - 15-20 метров, во всю стенку котельной) провели воду, сделали перед окнами переходные легкие площадки в 2-3 ряда.

И это еще не все. Где-то в начале 1943 года на завод приехал секретарь обкома КПСС по электростанциям (были и такие. Были секретари по каждой отрасли промышленности) Бояршинов. Я его знал издали, т. к. он за 2 или 3 года до нас закончил тоже теплотехническое отделение нашего техникума. Он был потом начальником Челябинского.

Что он делал на заводе, о чем совещался с директором, не знаю. Когда мы с ним и с Билибиным П. Ф. обошли станцию, он собрал нас и организовал "накачку". Де у нас грязно (подшипник турбины проверил перчаткой), де культура у обслуживающего персонала станции низка (при нашем появлении ни машинист турбины, ни дежурный эл. щита не встали со стульев, продолжали сидеть). В общем, разное хотя и не очень серьезный, но на меня подействовал. Я долго думал и составил проект "морального кодекса энергетиков завода". Преамбулой моего кодекса было - энергетик должен быть на голову выше любого работника завода.

Работник электростанции (а я писал для них) должен отличаться от других работников завода четкостью, подтянутостью, дисциплиной, порядком. Всего кодекс состоял из 10 конкретных пунктов, и среди них:

- ходить на работу только бритым,
- быть застегнутым на все пуговицы,
- все заплатки на одежде должны быть пришиты,
- в присутствии вышестоящих начальников без их разрешения не курить;

- при появлении вышестоящего начальника для тех, у кого сидячая работа (машинист турбины, дежурный эл. щита и др.), вставать и т. д. Всего 10 пунктов. Мы их подробно обсудили. Выказались "за" и "против" и одобрили. Мы - это ИТР цеха вместе с другими ответственными работниками (ст. кочегары, машинисты и другие). Я отпечатал свой "кодекс" и пошел к директору. Куранов внимательно прочитал, одобрил, но подписать отказался. Де-подписывай сам, своим приказом. Я к главному энергетiku. Он тоже отказался. Тогда я утвердил этот кодекс приказом по цеху, и он начал действовать. Действовал он здорово. Не было ни одного случая, чтобы кто-то возражал, пренебрег "кодексом", нарушил его. По крайней мере так было до середины 1944 года, когда я ушел из цеха на работу в партком. И позже, когда я приезжал на завод и заходил в цех из Катава и из ВПШ (середина пятидесятых годов) ребята при моем появлении вскакивали с места и прятали за спину папироски - кодекс продолжал действовать. Такая была подтянутость среди работников цеха.

Вот эти командно-административные, нажимные методы вместе с организационно-воспитательными мерами в тяжелейшие годы войны и в цехе и на заводе, и, видимо, в стране несомненно помогли преодолеть огромные трудности и победить в жесточайшей схватке с немецко-фашистскими захватчиками. Это однозначно. Я думаю, что без этих методов мы не смогли бы справиться с трудностями войны, которые на нас обрушились, ни в цехе, ни на заводе, ни в стране в целом.

К концу 1943 года мы полностью отладили работу цеха, и, что греха таить, иногда в ожидании смены (а смена-то длилась 12 часов), чтобы присутствовать при ее передаче, мы с замом Костей Макаровым (он был моим коллегой, умер в 1946-47 годах) иногда урывали полчаса, закрывались в кабинете и успевали перекинуться шахматами.

К концу 1943 года (3 или 4 квартал) наш цех получил первое место в соревновании электростанций Советского Союза. Была выдана первая премия. Чтобы закончить разговор о 1942-43 годах, надо рассказать о го-лоде.

Я уже писал что все снабжение с начала войны было строго ограничено и переведено на карточную систему. Лучше было нам, устькатывцам, потому что почти все мы имели подсобные хозяйства (огород, картошку,

корову, иногда свинью). Совсем плохо было эвакуированным, которые не успели или не хотели обзавестись огородом. Дело усугублялось тем, что в 1943 году сильные ливни и наводнение затопили многие огороды, и картошка на них погибла. У нас было два огорода (работал в основном отец-пенсионер), и оба они погибли полностью. Погибло в городе примерно половина огородов. Отец уже глубокой осенью ходил по убраным полям подсобного хозяйства и накапывал с них 1-2 ведра картошки, приносил домой. Этим как-то нашу семью поддерживал. А так люди оставались без картофеля. И так-то было голодно, а с осени 1943 года голод усилился. На заводе массовым явлением стала дистрофия. Она стала угрозой, кое-где стали умирать люди.

В цехах, кто поинициативней, стали искать меры борьбы с дистрофией. Кто хвою отваривал и поил людей этим отваром, кто отрубил доставал, желуди, еще что-то. Я сходил на хлебозавод и договорился там, чтобы нам каждую смену давали на цех два ведра дрожжей.

Эти два ведра дрожжей каждую смену уборщица приносила на себе (на коромысле) в цех и ставила ко мне в кабинет. Я собирал уходящую смену, сам пил кружку дрожжей и заставлял остальных. Противные дрожжи, но пили. И так всю зиму. От дистрофии мы спаслись, устояли, а там помогла весна 1944 года.

А как мы сделали душевую в цехе для своего завода?!! В 1943 году во всем заводе не было ни одной душевой. В городе ни одной общественной бани. Только частные в индивидуальных домохозяйствах. Помыться людям, особенно приезжим, командированным, эвакуированным, да и просто после работы, абсолютно негде. Мы с Костей Макаровым в котельной, за котлом "Стерлинг" соорудили душевую. Какой успех! Круглые сутки она работала. Бегали со всего завода (если были пропуска, в цехе пропускная система), особенно дирекция завода. Однажды у нас мылся уполномоченный ГКО на заводе Дукельский.

Кто-то по ошибке отключил холодную воду, и он как ошпаренный (буквально) выскочил голый в котельную и завопил. Чуть позже мы в другом здании сложили душевую из кирпича. Она была из 2 отделений с раздевалкой, и даже с зеркалами, полотенцами и т. д. Мы организовали при ней экстренную стирку и сушку белья, пока человек моется, все будет выстирано, высушено и выглажено, то было чудо-сервис для тех времен. Что с ним, с этим "чудом", произошло дальше, я не знаю, из цеха ушел.

В начале 1944 года впервые за всю войну было разрешено провести отчетно-выборные партийные собрания, я оказался на партийной работе.

Было это так. Меня, как одного из хороших начальников цехов, ввели в состав парткома. Также ввели в состав главного технолога завода Корниенко В. К. Неожиданно для всех были забаллотированы при выборах секретарь парткома-парторг ЦК ВКП(б) Власов А. В. (я его встретил потом случайно в Совете Министров РСФСР, работал он там инструктором в каком-то отделе) и Фельдман (она). Встала дилемма: кого избрать секретарем парткома, кого заместителем. Секретарем избрали Корниенко (он работал главным технологом завода), меня избрали замом. До июля Куранов меня не отпускал с должности начальника цеха, лишь потом под нажимом РК ВКП(б) я оказался на работе в парткоме. Фельдман, как и Власов, тоже уехала (она была из Брянска).

Начал я работать. Ничего особенного не запомнилось из работы. Текущие дела. Помню, что обком партии выдвинул лозунг, и мы его проводили в жизнь - "Каждой семье вырастить по 100 кочанов капусты". Помню, что осенью 1944 года решали вопрос охраны огородов-картофеля. Выкапывали у многих. Много приходилось заниматься сбором и отправкой теплых вещей и подарков солдатам-фронтовикам. Занимались сбором средств-личных сбережений для помощи фронту.

По примеру колхозника Головатого много собрали в 1943 и 1944 годах. Например, главный инженер завода Спиридонов А. В. "купил" для фронта танковую пушку.

Начали что-то строить. Занимались улучшением автотранспорта на перевозке леса. Занимались много соревнованием в цехах, подведением итогов, сбережением металла и т. п.

Обычная рядовая работа партийных работников. На уборке урожая я частенько бывал уполномоченным РК ВКП(б) в колхозах, в частности, в Орловском колхозе (был он им. Ворошилова). Выезжал туда с бригадами рабочих по уборке, по севу. В колхозе была бедность. Мужиков почти не было (инвалиды), одни бабы. Помню, сеяли в 1945 году овес аж до 10-15 июня. Он, наверное, не созрел. Весна была сырая. Все тонет, даже трактора. Машин мало. Много делалось вручную (уборка, например серпами). Свое подсобное хозяйство тоже в тяжелейшем состоянии, а все надо.

Запомнилось, что занимались комплектованием Уральского добровольческого танкового корпуса. Это начало еще в 1943 году.

Однажды в 1943 году я по каким-то домашним делам ездил в Кусу. Попал там на проводы сформированного, кажется, батальона (может роты) Уральского добровольческого танкового корпуса. Был на вечере проводов танкистов. Вечер был в школе на мысу. Застолье, весело, много народу. Помню на этом вечере видел знаменитую колхозную трактористку Дарью Гармаш. Это коллега известной до войны Паши Ангелиной - первой колхозной трактористки, депутата Верховного Совета СССР. Как она попала в Кусу с Украины (тогда оккупированной) не знаю.

Потом и у нас шло комплектование. Однажды, в конце партсобрания, в клубе-церкви объявили запись добровольцев-коммунистов (я еще в парткоме не работал). Долго никто не откликнулся на призыв со сцены. Потом поднял руку и взял слово, вышел и попросил его записать первым Елиокумс Исаак (тот же, он же работал зам. начальника ОРСа у Пономарева К. Н.). Дело сдвинулось. Начали записываться, потом запись в добровольцы продолжалась уже после собрания.

Исаак же в армию не попал. Долго потом хлопотал он и достал-таки справку о непригодности к службе по состоянию здоровья. Об этом все знали, и много было разговоров.

Кстати, о Пономареве К. Н. Был хорошим начальником ОРСа. Однажды прокуратура на него завела уголовное дело по каким-то пустякам (не продал штаны прокурору). Я работал уже в парткоме. Пришел он ко мне, объяснил, стал просить, чтобы дело закрыли. Главный мотив - не надо позорить перед братом. Этим можно брату повредить, он брат-работал в ЦК ВКП(б) на ответственной работе. Это Борис Николаевич Пономарев, будущий секретарь ЦК партии и член (или кандидат) Политбюро ЦК ВКП(б). Я звонил прокурору и дело закрыли.

К этому же времени (к началу работы в парткоме) относится случай со временем начала партийных собраний. Они всегда у нас опаздывали с

началом на 30-40 минут. Опоздания, разболтанность, обязательные разбирательства в конце собрания опоздавших, неявившихся и т. д. всем надоели. На первом же собрании, которое мы с Корниенко проводили после выборов, я предложил поступить по-ленински ("чтобы начинать вовремя надо... начинать вовремя"). Помню это явилось маленькой "бомбой". Очень многие опоздали, в том числе и директор завода, член парткома Куранов.

Все пригнувшись, осторожно пробирались на свои места. А собрание уже шло.

Вот этот случай-прецедент - "чтобы начинать вовремя надо начинать вовремя" запомнился и остался у меня руководящим принципом на всю жизнь. Где бы я после этого не работал - я никогда от этого принципа не отступал. Начинать точно в назначенное время. Уважать, экономить время и свое, и чужое. О первом принципе - "любви людей" - я писал раньше.

Пошел 1945 год. Я работал в парткоме. Работа шла, война катилась к концу. Это все чувствовали.

Удивительно, какое единодушие, единство, единое настроение и единый интерес были у народа в то время. Наконец, открылся 2-й фронт, и с Запада наступали англо-американцы. Война подошла к Берлину, завязалась на его улицах. В обстановке близкой победы был отпразднован Первой 1945 года.

8 мая я, как частенько, по долгу службы ездил в РК ВКП(б) в Катав. Там нас предупредили: сегодня на ночь радио не выключайте, слушайте важные вести из Москвы. Мы дома легли спать с включенным репродуктором радио. В 3 часа утра 9 мая оно вдруг заговорило голосом Левитана. Победа. Все вскочили. Жена побежала будить соседей, которые радио еще не слышали. Я стал быстро собираться на завод. Смотрю (а на улице уже начало светать), люди бегут в сторону завода. Среди них промелькнули 2-3 трубача и барабанщик со своим огромным барабаном. Без всякого предупреждения все поняли, что потребуется оркестр.

Пришел в партком. Там уже люди. Созвонились с Курановым о проведении митинга. Пошли к нему с Корниенко договариваться о деталях.

Завод, конечно, уже не работал. В 6 часов утра в самом большом цехе устроили импровизированную трибуну из автомашин и провели митинг. На митинге был весь завод - работающие и не работающие смены. Это был праздник со слезами на глазах. Слезы радости и слезы горя, у многих были погибшие.

Говорили речи, пели, смеялись и плакали. По заводу объявили выходной день. Этот праздник победы запомнился как самый светлый, самый радостный. И сейчас он нами, людьми того поколения воспринимается и отмечается как самый радостный день в жизни.

К Победе относится один любопытный эпизод. Еще в самом начале войны механик цеха №6 Сидякин собрал свою ремонтную бригаду и они сговорились: каждый месяц в получку собирать - откладывать какую-то сумму денег (по пятерке, по десятке - не знаю), сварили металлический ящик - копилку, и приварили его к ферме посередине цеха, ежемесячно складывать в эту копилку собранные деньги. Договорились вынуть эти деньги при достижении победы и... вместе пропить. Так и сделали. После митинга копилка была вскрыта и значительную сумму, которая скопилась, бригада с шумом пропила, прогуляла, отметила День Победы.

Этот случай говорит о том, как велика у людей была вера в то, что мы, народ наш в конечном итоге обязательно победим, победим непременно!

После разгрома Германии и объявления дня Победы война еще не кончилась. Предстояла еще скоротечная война с Японией. В ней тоже, конечно, были жертвы. Многие устькатавцы тоже там воевали - но это уже не то. Радостное ощущение победы народ не покидало.

Эшелоны с войсками мимо нас шли и шли на восток. В это же время потихоньку-помаленьку стали возвращаться с фронта демобилизованные - победители. Встречали их с шумом, с помпой. Первое время победителей мы официально встречали на вокзале, а предварительно получили телеграммы от приезжавших (от всех приезжавших, была на дороге организована такая служба). Сначала, помню, встречали одного-первого. Я ездил на станцию на эмке. Встретили. Поздравили. Вручили подарки. Привезли домой к семье, естественно, выпили.

Потом по двое, по трое, больше и больше. Всех встречали также торжественно.

Помню, одним из первых мы встретили Козлова Николая Игнатьевича. Привезли домой, "сдали" жене, порадовались вместе с ними.

Победителей, участников Великой Отечественной, демобилизованных из армии, в городе появилось все больше. Многие стали устраиваться на работу, на завод. Запомнил я А. Ф. Мешалкина. Разбитым был парнем до войны (мне ровесник). И в армии, видно был таким же. Привез много орденов и медалей. Поступил в цех 10 -инструментальный, работал мастером, начальником участка, начальником цеха. Умер потом.

Запомнился мне случай с Вороновым Н. Ф. Он работал у нас в цехе 15 слесарем, когда я был там еще начальником цеха. В 1943-1944 годах он рассмешил меня на всю жизнь, - всегда смеюсь, когда вспоминаю. Ночью 1943 года, раздастся стук в ворота, выхожу - Н. Ф. с женой на ручной тележке привезли мне три мешка картошки. Это они решили дать мне взятку, чтобы я спас Николая от армии (ему предстояло ехать). От взятки я отказался и турнул их со своей картошкой. Очень смешным показалось, как это они ночью попрут ее, назад, на гору. (Жили далеко, около кладбища, на горе). В армию Н. Ф. все-таки угодил. И вот когда война окончилась, летом 1945 года, жена его пришла опять ко мне советоваться. Как быть? На фронт Н. Ф. не попал -сбежал, кажется, из армии (что-то вроде дезертира или по религиозным соображениям воевать не хотел), а теперь не знает, как быть. Живет в лесу около города, посматривает издали на дом, а домой идти боится. Как быть?

Посоветовал я ей: пусть сам явится в милицию и все откровенно расскажет. Накажут, наверно. Может, посадят, но лучше ничего не придумаешь. Он так и сделал. Что было не знаю; но помню, что он потом опять работал в цехе 15.

Запомнилось, что из числа бывших фронтовиков отдельные (очень немногие, единицы) вели себя невыдержанно, пытались козырять, что они де фронтовики и получить - вырвать что-нибудь для себя. Запомнился Чернов - фронтовик, офицер. Придет, скажем, в завком или в ОРС и начинает стучать палкой по столу, бить себя в грудь: "Я фронтовик, я майор..." И так "майорит" то в одном учреждении, то в другом. А слово "майорить" пошло по городу и стало надолго нарицательным.

Конечно, очень многие на войне погибли. Много жен осталось вдовами. Много сирот. Но об этом разве напишешь. Из родственников у меня погибли Новичков Михаил Романович - муж двоюродной сестры Сима. Муж другой сестры Анны - Сидякин был в плену у немцев. Муж третьей сестры Фени - Филичкин Иван Павлович погиб. Его ранили, демобилизовали. Он вернулся, поступил к нам в цех. А потом уволился, завел лошадку, стал возить торф. Уговаривал я его: "Не уходи!" Нет, все-таки опять ушел на фронт, сразу погиб. У сестры Веры - Антонины - погиб муж, у самой Веры - брат Петр. Он был начальником золото-платинового рудника в городе Ис Свердловской области. Погиб мой двоюродный брат - Ананьин Александр Петрович (жил в Москве).

У соседей Кувайцевых погибло 4 сына (вернулся один). У соседей Мироновых погиб зять - летчик, герой Советского Союза Кондрин и т. д. Но разве обо всем этом напишешь? Да и не стремлюсь я к этому.

Незаметно, без шума, без рекламы завод перестал делать пушки, зенитные установки, авиабомбы, вернулся к довоенному времени, начал выпускать то, что нужно было нашему измотанному, разоренному войной народному хозяйству.

Восстановили мы в первую очередь производство узкоколейных вагонов. Начали делать их по 400 штук в месяц, а в декабре 1948 года (когда очень отставали с выполнением плана и вынуждены были штурмовать) выпустили 1000 штук вагонов. Помню этот штурм, потому что я безвылазно сидел в цехе (нач. цеха Кувайцев Вася - "Тика", как его звали). Потом мне этот опыт очень пригодился в жизни.

Начали опять выпускать трамвай, но не восстановили довоенное производство, а разработали и запустили новый трамвай. Именно новый, бесшумный. До войны выпускали трамвай на цепной передаче - идет по улице и гремит как танк. А теперь освоили на редукторной передаче, бесшумный. Это было тогда большое достижение, большой шаг вперед. Трамвай был напичкан множеством электросхем и сетей и потом (через несколько лет уже) стал часто гореть на линиях городов.

Многочисленные пожары заставили в корень пересматривать и упрощать электрические схемы в трамвае и переделывать уже выпущенные вагоны. Пожары с трамваями прекратились, но все это значительно позже, через многие годы, когда я из Усть-Катава уже уехал.

Начали выпускать тогда мельницы для мукомольной промышленности. Долго выпускали. Мне пришлось из-за этого краснеть и оправдываться в ЦК ВКП(б), когда меня вызвали на утверждение партторгом ЦК на заводе (это оборонный отдел ЦК - Сербин И. Д.). А дело в том, что мельничные станки мы выпускали без главного - без чугунных валков.

В ЦК мне говорят: "А кому они нужны ваши мельницы без сердцевин, без валков".

Мои оправдания, что у нас нет необходимого литейного цеха, что надо тогда развивать литейное производство звучали детским лепетом. Потом эти мельницы перенесли куда-то на другой завод, сняли. Выпускали мы тогда еще экскаваторы на базе американских автомашин "Студобеккеров", полученных во время войны по ленд-лизу. Выпустили несколько сот штук, пока были "студобеккеры". Выпускали еще что-то.

Конечно, вызов в ЦК партии, о котором я написал, мне очень хорошо запомнился. Ему предшествовали выборы в партком. Война с Германией закончилась, но жизнь, конечно, сразу не улучшилась. Карточная

система продолжала действовать. Вот в такой обстановке, когда было жить трудно, но от войны уже ушли, вздохнули, летом 1946 года опять проводились отчеты и выборы в партком.

Я ездил в обком партии (зачем-то) и там зашел к секретарю обкома по вооружениям к Мелькевичу Ф. Н.. Говорю ему: "Федор Николаевич! Готовимся к выборам. Обстановка напряженная. Опять секретаря парткома забаллотировуют. Готовьте нового партторга. Он от меня отмахнулся, не поверил.

Когда проводили отчетно-выборное собрание, были забаллотированы и Корниенко, и директор завода Куранов А. В. Вот это уже было полной неожиданностью, по крайней мере, для обкома. Стали выбирать секретаря из состава парткома и избрали меня. Так я оказался на партийной работе, по существу профессионалом, поехал в ЦК на утверждение. Одновременно со мной ездил на утверждение директором завода Соболев Николай Николаевич (он был главным инженером).

Куранова А. В. послали в Китай в командировку, а потом подбирали ему постоянную работу.

В ЦК меня спрашивают: "Не будем ли мы возражать, если Куранова назначат начальником Главка?"

Я сказал: "Нет, он подойдет." И Куранова назначили начальником Главка. Соболев был назначен директором завода, а я утвержден партторгом ЦК ВКП(б) на заводе и был в этой должности до 1949 года.

Нового секретаря парткома Шахина Н. А., который был избран после меня в 1949 году, партторгом ЦК на заводе уже не утверждали.

9 февраля 1946 года были проведены впервые после войны выборы в Верховный Совет СССР 2-го созыва, а через год в Верховный Совет РСФСР. Кого мы избрали в Верховный Совет СССР, никак не могут вспомнить, а вот в Верховный Совет РСФСР у нас баллотировался и был избран 2-й секретарь обкома ВКП(б) Федор Никитович Дадонов.

От выборов в Верховный совет СССР (2-й созыв, 1946 год) осталось впечатление праздничности. Это чувствовалось во всем. Во всей обстановке. К моменту открытия, в 6 часов утра, около участков уже образовывались кучки народа. В это время всюду раздавалась музыка, а там, где было можно, выступали духовые оркестры. С утра по участкам начинались концерты художественной самодеятельности по особым расписаниям, работали богатейшие (по тем временам) буфеты (и непременно с пивом и вином). Но самое запомнившееся - оборудование участков, не формальное, казенное с красными флагами и скатертями, а самодеятельное. Это было самое трогательное. Избиратели, жители участка стаскивали из своих сундуков скатерти, покрывала, занавески, рушники и украшали ими что можно: столы, урны, портреты, окна.

А еще запомнилось, что Сталин накануне на предвыборном собрании произнес свою памятную речь. Я нигде не нашел текста и пишу по памяти. Это звучало так:

- Если бы нам за 15 лет достичь уровня выплавки стали 50-60 млн. т. в год, то нам бы не был страшен ни один черт, ни один враг в мире. В тоже время был выдвинут лозунг "догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении". Опять началась бешеная гонка за выплавкой стали, за "догнать и перегнать" по всем, конечно, основным показателям и конечно в первую очередь по вооружениям.

А в самом деле все обстояло так. Привожу справку, которую я составил из докладов и резолюции съездов партии. Если в 1913 году в стране выплавлялось 4,2 млн. тонн стали, то в 1940 году 18,3 млн. тонн, в 1950 - 27,3 млн. тонн (на 1942 год планировалось 28 млн. тонн, но война все "спутала").

На 19 съезде партии в 1952 году планировалось на 1955 год выплавить 44, 2 млн. тонн, фактически было выплавлено 45 млн. тонн. На 20 съезде (в 1956 году) планировалось в 1960 году выплавить 68, 3 млн. тонн, т. е. выше рубежа, намеченного Сталиным.

На 21 съезде в 1959 году планировалось к 1965 году достичь цифр 86-91 млн. тонн, фактически в 1958 году было получено 55 млн. тонн.

22 съездом в 1961 году, который рассматривал и принял программу партии и показатели на 20 лет - к 1980 году был утвержден своего рода фактический "скачок к коммунизму" - потом все признали и поняли, что это был волюнтаристский фантастический, ничем не обоснованный Хрущевский план (и лозунг того времени "наше поколение будет жить при коммунизме").

По этому плану - я говорю о выплавке стали - намечалось в 1980 году выплавить 250 млн. тонн.

23 съезд партии в 1966 году зафиксировал выплавку стали в 1965 году 91 млн. тонн и наметил на 1970 год выплавить 124-129 млн. тонн.

Больше ни 24 съезд партии в 1971 году, ни 25, ни 26, ни 27 съезды показателей по выплавке стали не утверждали. Стало очевидным, что планы Хрущева оказались нереальными, да и, наверное, не очень нужными. Конечно, надо было думать не просто об увеличении (чтобы "догнать и перегнать"). Кстати, никто, конечно, на месте не стоял; а о качественной стороне. Но это уже другая тема.

Наметки же Сталина, как он и предсказывал в 1946 году, по выплавке стали, в частности, были выполнены в определяемый им срок.

Пишу дальше.

Следующие выборы в Верховный Совет РСФСР проводились через год, зимой 1946-1947 года.

Они мне запомнились ярче. Наверное, потому, что я уже был парторгом ЦК ВКП(б) на заводе, т. е. первым лицом, а не заместителем и, наверное, потому, что с депутатом пришлось много раз встречаться, непосредственно в различных обстановках.

Баллотировался у нас Дадонов Федор Никитович - 2 ой секретарь Челябинского обкома партии. Как кандидат он к нам приезжал три раза на встречи с избирателями, на окружное предвыборное совещание и на вручение мандата об избрании.

Каждый раз эти поездки - приезды были обставлены торжественно официально, с помпой, с шумом. Каждый раз в своем вагоне (он его брал у начальника дороги), с многочисленной охраной; с окружением.

За многие годы (1944-1975) мне пришлось работать при многих секретарях обкома партии и встречаться с ними. Если брать только I-х секретарей обкома, то это были: Патолитчев Н. С., Белобородов, Аристов А. Б., Лаптев Н. В., Кузюков Ф. Ф., Ефремов М. Т., Родионов Н. Н., Воробьев М. Г., Ведерников.

Наиболее авторитетным, наиболее работоспособным, наиболее активным из них был Патолитчев Николай Семенович. Он вручал орден наше-

му заводу (а мне медаль) за работу в годы войны. Потом долго работал Министром внешней торговли СССР.

Аристов Аверкий Борисович. Долго работал секретарем ЦК партии. Был членом Политбюро ЦК.

Лаптев Николай Васильевич и, пожалуй, Родионов Николай Николаевич. Из остальных секретарей обкома партии приходилось более или менее часто встречаться по работе, да и в быту с Дадоновым Ф. Н., Беспаловым А. Н., Руссаком Б. В., Соломенцевым М. С., Шишкаловым Ф. М., Салминым А. Т., Ненашевым М. Ф., Тяжелниковым Е. В., Фомиченко К. Е., Стариковым, Сонновым Н. И.

Многие секретари обкома партии заканчивали или заканчивают свою карьеру на дипломатической работе.

Такая кадровая политика проводилась ЦК партии и не мне судить, что тут хорошо и что плохо (есть плюсы и минусы). Во всяком случае, на дипломатическую работу после партийной ушли кроме Патолитчева Н. С.:

Аристов А. Б. - посол в Австрии. Там умер,

Ефремов М. Т. - посол в Германии,

Родионов Н. Н. - посол в Югославии,

Тяжелников Е. В. - посол в Румынии,

Фомиченко К. Е. - посол в Эфиопии, потом в Монголии. Сейчас зам.

Министра внешних экономических связей,

Ведерников - посол в Дании.

Из остальных секретарей обкома партии нужно отметить Соломенцева Михаила Семеновича, он был председателем Челябинского Совнархоза. После председателем Совета Министров РСФСР, членом политбюро ЦК КПСС, председателем КПК. Сейчас на пенсии.

Помню Кузюкова Ф. Ф. - заместителя министра угольной промышленности СССР.

Ненашева Михаила Федоровича - главного редактора газеты "Советская Россия", председателя комитета по делам печати при Совмине СССР, затем председателя комитета Совмина СССР по радиовещанию и телевидению.

Итак, идет 1947 год, потом 1948. Я работаю парторгом ЦК на Усть-Кавском заводе. В конце лета 1947 года мы впервые с Верой вместе поехали на курорт в Сочи. Были проездом в Москве и видели, как Москва праздновала свое 800-летие. В Сочи жили в разных санаториях: я в санатории им. Фрунзе (ЦК партии), она в "Кавказской Ривьере". В нашем санатории были и новые корпуса и старинные дачи. Рядом море. Мы жили на даче. На 1-м этаже - 15-20 мест, на 2-м - где жили мы - 6-8 и на 3-ем одна квартира - там жил Рокоссовский К. К. знаменитый маршал (он уже побывал в Польше, поработал военным министром и вернулся). К нему частенько в гости приезжал генерал Хрулев - бывший начальник тыла армии во время войны, и они часто распевали русские народные песни. В нашем же санатории отдыхал Пономаренко К. П. - бывший руководитель партизан в годы войны, 1-й секретарь ЦК Компартии Белоруссии. Однажды я купался один, увлекся, очень далеко заплыл. Оглянулся - берег уже плохо виден. Растерялся, немножко струсил и начал было тонуть. Но взял себя в руки и потихоньку поплыл к берегу. Выплыл, но с тех пор понял, что нельзя теряться ни в какой обстановке.

В эти дни мы неоднократно видели Сталина - он проезжал по городу в Гагры, то - на дачу в городе, то на озеро Рицу, где у него тоже была да-

ча. Когда мы ездили на экскурсию на озеро Рица и прокатились на катере, то нас до дачи и близко не пустили. Была там граница с километр до дачи, а ближе ни-ни.

Однажды в "мертвый час" приезжаю я к Вере в санаторий "Кавказская Ривьера", а она ходит возбужденная: только что к ним в санаторий приехал товарищ Сталин.

Они ехали на 2-х или 3-х машинах мимо - дальше неподалеку расположен санаторий Совета Министров СССР. Остановились у киоска и вышли. С ним несколько генералов и Косыгин (был тогда министром легкой промышленности).

Генералы его уговаривают: - Поедем, Иосиф Виссарионович, нельзя, некогда. - Нет, зайдем в санаторий.

Вера была на улице, подошла и весь этот разговор слышала. Потом - Ну давайте напьемся - и попросил принести фруктовой воды. Продавец дал несколько бутылок. Группу стал окружать народ. Появились дети. Сталин сел, попросил конфет. Продавец ему вынес вазу с конфетами и Сталин стал одаривать детей.

В машине сидела Светлана с ребенком на руках.

Генералы уговорили Сталина ехать и они пошли к машине. Народу все больше. У машины Сталин остановился и стал беседовать с отдыхающими: откуда? Где лечится? Как жизнь?... Поговорил с учительницей из Свердловска, порасспрашивал ее. Все, конечно, были возбуждены, кричали "Ура", "Да здравствует...", пытались подойти ближе. Вера протиснулась между генералами и была рядом со Сталиным. Потом они уехали, а разговоры среди собравшихся людей, да и во всем Сочи долго не утихали.

По окончании отдыха мы (предварительно списавшись) решили заехать к Шабровым в Крюков (Кременчуг), где Владимир Георгиевич работал директором вагоностроительного завода. Поехали мы сложным маршрутом: сначала теплоходом до Одессы, а потом железной дорогой. На турбозлектроход "Россия" из-за шторма сели не сразу, а только на 2-й день. Ехали (плыли) как по коридору до самой Одессы: и слева, и справа дорожка обозначена красными флажками (на понтонах). Плыли только днем - ночью стояли (одна ночевка в Новороссийске и одна в Севастополе). Этот коридор - свободная трасса от мин, вследствие войны. Теплоход очень понравился (он был, кажется, захвачен у немцев и переименован), 4 или 5 пассажирских палуб.

Добрались до Крюкова, а Шабров только что уехал в Москву (назначили его директором лианозовского вагону-ремонтного завода под Москвой). Встретила нас Юлия Ивановна, жили мы у нее дней 5. Шабров так и не приехал. Домой ехали уже поздно осенью (октябрь). Юля дала на дорогу телогрейку (я ее дорогой продал - кончились деньги - и купил 2 ведра яблок).

Осенью 1947 года была отменена карточная система. Вера ликвидировала карточное бюро и сдала все дела 15. 01. 1948 года (Потом она работала начальником пионерского лагеря до 1954 года. Всего в пионерских лагерях трудилась 5 лет). Опять радость большая, хотя хлеба все равно не хватало. Помню, через 10-15 дней "Би-би-си" английское радио - сообщало "Карточная система отменена, но в городе Усть-Катаве, где директором Соболев, а парторгом ЦК ВКП(б) Ананьин хлеб продают по спискам". Да, по спискам, но мы все удивлялись - откуда же "Би-би-си" знает? Кто им со-

общил? Оказалось, что и у нас сидел где-то английский корреспондент (агент).

Это время примечательно тем, что в сфере обеспечения (социальной, как бы сейчас сказали) проходили быстрые и заметные изменения.

2-3 раза в год обязательно менялись - снижались цены. Это стало как закон: проходит несколько месяцев и опять снижаются цены то на продовольственные товары, как правило в марте, то на какие-то промышленные товары. Все этого ждали и считали закономерным. И этим, между прочим, тоже запомнились сталинские времена.

В конце 1947 года была проведена денежная реформа. Рубль поменялся: 10 на один. Сразу деньгами стали дорожить. Те деньги, что лежали в сберкассе поменялись три к одному. То есть очень выгодным оказалось хранить деньги в сберкассе. Помню один - два случая, когда некоторые, узнав заранее о реформе, "рвали и метали", пытались до реформы успеть сдать в сберкассу наличные, и что из этого вышло - конфуз!

Теперь о займах. О внутренних выигрышных займах. Мне кажется, что они были всегда, и сейчас даже странно, что их нет. Речь о займах "обязательных", подлежащих распространению среди всего населения (так же как считалось обязательным голосование на выборах до последних лет). Впрочем, нет их с 1957 года. А родились они (введены были) как только родилась политика государства на индустриализацию страны. Первые займы так и назывались: "1-я пятилетка", "пятилетку в 4 года" и т. д. Я-то еще не работал, а отец мой уже подписывался на займы и приносил облигации. После войны "займ развития народного хозяйства" и т. д. А дальше просто по годам. Лет 20 в реализации этих займов, в подписании на них я принимал самое активное участие.

Подписка эта проходила по месту работы, за 2-3 дня. Шла она, как правило, в первых числах мая, ежегодно. Работал я, например, в цехе №15 на усть-катавском заводе. Получали всю необходимую документацию. Получали задание - цифру, на которую надо подписать (обычно фонд месячной зарплаты). Треугольник цеха, актив начинал работу. Расходились с подписными листами по цеху, по рабочим местам. Установка: подписывать только не ниже месячного заработка. Ниже не подписывать. Каждый подписчик имеет необходимые цифры.

Обычно половина людей подписывалась сразу. Другую половину начинали обрабатывать "тяжелой артиллерией". Обходили тех, кто отказывался. Кого-то агитировали, уговаривали, тоже подписывали. Оставшихся вызывали в кабинет, в контору. Там вдвоем, втроем (начальник цеха, парторг, старший мастер и т. д.) наваливаемся на отказчика, "беседуем" с ним, стыдим, иногда страшаем, иногда объявляем, что "раз он такой бедный, жадный, то подпишемся за него, покроем падающую на него сумму". В общем, так или иначе, а подписываем. И так день, два, три. А потом сообщают: подписка закончена, план выполнен, прекратить. Все вздыхают. Отдых. И так лет (у меня) не менее двадцати.

Откровенно говоря я думал, что этот заем ничто иное, как просто изъятие у людей месячной заработной платы на народное хозяйство.

Что иначе нельзя (не идти же к капиталистам за займом с протянутой рукой), что так и надо.

И сейчас даже приятно сознавать, что займы с таким трудом вырванные у людей хотя и с опозданием на 10-20 лет, но возвращаются. Многие из облигаций (особенно довоенных лет) мы просто потеряли.

Многие, особенно в годы войны, сдавали государству безвозмездно. И сейчас еще у нас с Верой сохранились облигации выпуска 54-го, 55-го, 56-го годов на сумму 5000 рублей (в тех деньгах).

В 1945, особенно в 46 и 47 годах, в городе возникли и были сильны тенденции к реэвакуации. Возникла даже проблема удержания кадров на заводе, стремящихся к возвращению в старые места жительства и работы (Брянск, Мытищи, Сталинград). Многие уезжали. Запомнилось: Соболев Н. Н. (директор завода) любил песню "Прощай, любимый город" и всегда добавлял "Усть-катав" (а собирались компаниями и пели частенько, значительно чаще, чем сейчас). Пришлось на парткоме цыкнуть на него, чтобы он не пропагандировал и не поощрял стремление уехать из Усть-Катава.

В 1947-1948-1949 годах я все больше вникал в работу Катавского района, поскольку являлся членом бюро РК ВКП(б).

В июле 1949 года проходила районная партийная конференция и меня избрали 2 секретарем Катавского РК ВКП(б). Я переехал в Катав. Вера осталась в Усть-Катаве, т. к. работала начальником пионерского лагеря.

Примечательно, что мы с Соболевым Н. Н. в одно время (один день) утверждались на работе (я парторгом, он директором. Вместе ездили в Москву) и в одно время сдавали дела и уезжали из Усть-Катава (он Белоконеву Тимофею Яковлевичу, я Шахину Н. А., которого прислал обком партии и он был избран секретарем парткома завода).

Обязательно надо отметить, что вместе со мной членами парткома усть-катавского завода №13 работали:

Гнусарев Василий Семенович член партии с 1905 года и Кондрин Егор Иванович - член партии с 1917 года. Оба они работали слесарями, оба были очень уважаемыми людьми.

Василий Семенович Гнусарев - в партию РСДРП"вступил" в Усть-Катаве в 1905 году мальчишкой 16-17 лет. Работал на заводе. Тогда для пополнения партийной кассы использовались методы экспроприации. Такая группа (как он рассказывал) экспроприации заводских денег была создана и у них в организации. Он вошел в эту группу. Они группой совершили налет на кассира, везшего деньги для завода с Вязовой, ограбили его и, кажется, убили.

Группу поймали, судили, сослали на каторгу в Сибирь. Там на каторге в Сибири и был Василий Семенович, пока их не освободила революция. Потом он возвратился на Родину.

Иван Егорович Кондрин был партизаном, воевал с колчаковскими карательными отрядами, был участником гражданской войны.

Потом: зам. секретаря парткома Минаев Николай Александрович (бывший директор техникума, москвич), Куранов А. В., потом Соболев Н. Н., Рожков Н. А., потом Великанов Ф. К. (бывшие председатели завкома), Иванова Л. В. - редактор газеты многотиражки "Кировец" и др...

КАТАВ-ИВАНОВСК

В Катаве мне временно выделили квартиру - комнату без коридора и с выходом прямо на площадь. Позже к осени мы с Верой получили в доме цементного завода на берегу пруда без особого благоустройства (канализация с выгребной ямой) 2-х комнатную квартиру. Жили с ней и Ольгой до конца 1951 года до отъезда в Москву.

1-м секретарем райкома был Дрыжов Алексей Яковлевич (был моложе меня, давно умер в Челябинске). Заменил я Предеина Ефима-участника войны, болел алкоголизмом (он уехал в Карабаш). 3-м секретарем была избрана Чернявская Наталья Александровна - учительница.

Члены бюро (кроме нас троих): Салмин Андрей Тимофеевич (вскоре умер от туберкулеза), потом Кокорин Николай Михайлович - председатель райисполкома, потом Мясоедов Кузьма Петрович (участник войны. С ним дружили. Жена - Селюнина Анна Ивановна - зав. роддомом, сестра ее - Александра Ивановна Игнатова живет сейчас на одной площадке с нами, вдова).

Членами бюро были: Анфилофьев начальник райуправления КГБ, Рябченко, потом Ратовский-директора цементного завода, Киселев К. М. - директор литейно-механического завода. Куранов А. В., потом Соболев - директора усть-катавского завода №13, Азаров Василий Афанасьевич - директор юрюзанского завода №38, Алтухов Алексей Сергеевич - секретарь парткома, парторг ЦК ВКП(б) этого же завода, Сурин Николай Федорович - секретарь парткома юрюзанского леспромхоза, Мармулев Петр Алексеевич - зав. орготделом райкома партии. Голов Михаил Иванович директор ЮГЭС и другие.

Теперь хочу дать краткую справку о Катавском районе. Район зародился по существу в 50-х годах 18 века. Каких-то исследований по району не проводилось, я о них не знаю.

В 1957 году издана брошюра инженера Катав-Ивановского литейно-механического завода М. М. Елисеева. Брошюру издало районное отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний на правах рукописи. Сам Елисеев пишет, что брошюра в своей основе представляет лекцию, неоднократно читанную в городе и на заводе, в которой использованы и архивные материалы, и рассказы очевидцев, участников событий.

В Юрюзани такую работу проводил несколько позже Сурин Л. Н. (сын моего бывшего коллеги Николая Федоровича Сурина - парторга Юрюзанского леспромхоза) - журналист. Постоянный сотрудник газеты "Авангард".

Большой интерес представляют записки Ивана Васильевича Мельникова. Еще до войны, да и во время ее, на заводе в Усть-Катаве Иван Васильевич работал начальником ОКСа (отдела капитального строительства).

Он местный, инженер. Отец его - могучий старик Василий Макарович был потомственным старожилом, литейщиком. Брат Михаил работал на заводе. Жена Ивана Васильевича - Мария Порфирьевна - тоже была могучей женщиной, мы шутили ее звали "мухой". В их семье было 5 или 6 детей. Мы дружили. Потом разъехались. Мы в Катав, а они в Ижевск. Иван Васильевич работал там заместителем директора завода по строительству. Иногда мы переписывались. Последние письма от него я получил в янва-

ре и феврале 1968 года, он был уже на пенсии и начал писать книгу об Усть-Катаве, историю зарождения и развития.

В 2-х последних письмах он прислал мне 4 отрывка из своей будущей книги и просил сделать свои замечания и предложения. Писал, что на всю работу потребуется 3-4 года, что сейчас он пишет вразброс, главы не по порядку, потом будет их компоновать и перепечатывать.

Я стал работать над присланными отрывками. Мы с Верой запланировали съездить в Ижевск, написали об этом Ивану Васильевичу, но получили письмо от Марии Порфирьевны, в котором она сообщала, что Иван заболел. Видимо инсульт. Через некоторое время мы получили печальное сообщение - Иван умер.

Жаль, что не довелось почитать книгу Ивана Васильевича полностью. Но мне дороги те материалы из книги, которые он прислал. Это память о человеке, друге, это прекрасные, художественно оформленные картины - описания рек, сказочно-красивой природы, окружающей Усть-Катав. Это исторические факты, эпизоды зарождения города.

С отдельными моментами я не совсем согласен. Но остается фактом, что Иван Васильевич проделал огромную работу, был человеком наблюдательным, любил наш край, город, в котором жил. Возможно, со временем его материалы, отрывки из книги удастся напечатать.

Я очень надеюсь на это. А пока смотрите приложение к данной книге. Кроме Мельникова Ивана Васильевича в Усть-Катаве я знал Киселева Ивана Михайловича и Биева Павла Ильича. Оба были краеведами. Иван Михайлович был страстным коллекционером (марки, деньги и т. д.) Он много привез из армии (фронтовик-майор в годы Великой отечественной войны). Его коллекции я смотрел. Многие из коллекционеров нашего города (Зиновьев Н. И., Ульянов В. И.) к нему ездили, учились у него.

В 1946-1947 годах, когда я работал в парткоме Усть-Катавского завода, мне попала книга академика Павлова-металлурга "История развития металлургии Южного Урала". Сейчас я ругаю и корю себя за то, что не сделал выписки из книги, не думал, что потребуется, понадеялся на память. В ней много фактов и цифр из истории основания и развития Усть-Катавского завода и других заводов Южного Урала (Катав, Юрюзань).

Сейчас мне сообщают из Усть-Катава (Е. Г. Швидь), что книги такой в Усть-Катавской библиотеке уже нет, но нашли и рекомендуют книгу Кашенцева Д. издания 1939 года "История металлургии Урала". В ней такой материал есть. Ссылка на эту книгу есть в статье "Урал" (список литературы). Б. С. Э.

Сумма этих источников и составляет мои скудные знания по истории возникновения и развития Катавского района. Ну и конечно различная популярная и публицистическая литература и энциклопедии (в частности БСЭ).

Район ограничен с севера от д. Вергаза, Насибаш (Башкирия) башкирскими степями. На востоке горы Басташ до ст. Тюбеляссы. Потом хребет Шуйда, горы Сука, Нургуш, Ирмель, Нары.

С юга Александровка, по рекам Тюльмень, Лемеза, деревни Тюльмень, Лемеза, Бедрярыш, - опять Башкирия.

С запада по речке Сим (Симбаш, Симок), через ст. Кропачево и по реке Юрюзань - опять Башкирия.

С востока Саткинский и с запада немного Ашинский районы (пережили башкирской территорией), то есть район почти в кольце.

Итак, в 1973 году симбирский купец Иван Твердышев начал разрабатывать железорудные месторождения в районе Бакала.

Твердышев до этого успел их захватить раньше других. На эти же месторождения претендовал Демидов, хозяйничавший в районе Златоуста и основавший там металлургическое производство и город.

Вообще, в литературе иногда встречается ошибочное утверждение, что Катав-Ивановский завод основан известным заводчиком Демидовым или Строгановым. Это неправильно.

Усиленно начала развиваться металлургическая промышленность на Урале в конце 17 века и с начала 18 века. Сначала строились казенные заводы, а потом широко развернулось строительство частновладельческих предприятий. Так появились на Урале Строгановы, Твердышевы, Демидовы, Мосоловы.

В 1702 году Демидову Петром I был передан Невьянский завод. Потом он захватил пол-Урала, дошел до Златоуста, построил десятки заводов. Таким же магнатом был в то время Строганов, который, в частности, построил Саткинский завод, а Твердышев оказался его соседом. Всего с 1752 года по 1762-й на Урале было построено 55 заводов, в том числе заводы Катавского округа, построенные И. Твердышевым и его компаньоном, зятем, Иваном Мясниковым (Катавский, Юрюзанский, Усть-Катавский, Минский, Симский, Белорецкий заводы).

В 1753 году И. Твердышев появился на Урале не впервые. Еще в середине 1740-х годов казна передала Твердышеву Воскресенский медный завод, построенный в 1730 году под Оренбургом (близ Табынской крепости.) В апреле 1744 года Правительственный сенат своим указом закрепил за Твердышевым заявленные им рудники, а Демидову и его компаньону Осокину (которых Твердышев опередил) предложил изыскать новые рудники в районах "Уфимской провинции и других местах".

Город Катав-Ивановск начал строиться первым из района. В 1754 году здесь уже было 114 домов (9 кварталов). Строился и завод, а 16 октября 1757 года была пущена домна.

В 1754 году Твердышев подал просьбу в берг-коллегию о разрешении им строительства завода. В августе 1757 года берг-коллегия приняла такое решение о строительстве Твердышевым железоделательного завода на речке Катав,крепила за ним 19 железных рудников и закупленные у "башкирцев" земли с лесами (купчие крепости). Земли, на которых возник Катавский горнозаводской округ, принадлежали до этого башкирским вотчинникам волостей: Катавской, Кубовской, Трухменской, Кудейской, Картавлинской, Шайтан-Кудейской, Тюбелясской, Кубеляцкой и Куваканской. Они перешли по "купчим крепостям" в собственность Твердышева и Мясникова. Твердышев и Мясников закупили земли по 1 копейке за 10 десятин (в Нязе-Петровском округе "покупали" земли даже по 1 копейке за 25 десятин). Кроме того были и казенные отводы земель. Всего Катав - Ивановская и Усть - Катавская дачи составили более 2000 квадратных верст земли. Всего же Катавский округ располагал земельными угодьями около 5 тысяч квадратных верст.

В 1757 году начали строиться Усть-Катавский и Юрюзанский заводы. Кроме того были построены Минский завод (д. Минка Катавского района на речке Минка. Он был закрыт в XVIII веке, так как было неудачно вы-

брано место постройки. Мощность речки Минки оказалось недостаточной).

Построены Симский и Белорецкий заводы. Все они входили в Катавский горнозаводской округ (центр. г. Катав-Ивановск). Все они, кроме Минского, существуют и поныне, хотя от старого производства и от старого профиля у них ничего не осталось.

Всего за короткий срок (около 10 лет) Твердышев и Мясников построили на Южном Урале 14 заводов (6 "железных" и 8 "медных").

В 1757 году им были пожалованы чины "коллежских ассессоров", и они перешли из купеческого сословия в дворянское. До 1771 года Твердышев и Мясников владели заводами нераздельно.

В 1782 году после их смерти актом от 25 апреля во владение брата Твердышева Якова перешли "медные" заводы, а "железные" были разделены между четырьмя замужними дочерьми И. Мясникова. С тех пор заводы переходили из рук в руки (Козицкие, Дурасовы, Белосельские-Белозерские и др.), а перед революцией 1917 года к Бельгийскому акционерному обществу.

Теперь о людях.

При покупке земель они были не заселены (почти не заселены), и для постройки, пуска и эксплуатации заводов нужны были люди. Их пришлось завозить со всей России.

Во-первых, это - крепостные люди. Их покупали по 50 рублей за душу и завозили из Европейской части страны. На десяти медных и железных заводах Твердышева и Мясникова числилось крепостных в 1761 году 6909 душ мужского пола, в том числе, "невозможных к работе" 3269 душ.

Во-вторых, это вольнонаемные, которых "нанимая в прибавок к своим крестьянам по договорам и пашпортам" держали от 3500 до 6500 человек.

В-третьих, это приписные государственные крестьяне, которых было, видимо, значительно меньше.

Первыми крепостными, которых завез Твердышев, были люди из Симбирского уезда села Никольское (Шереметьево) 519 душ и села Архангельского (Шемшур) - 237 душ. Разрешалось также Твердышеву завозить людей из губерний Казанской, Архангелогородской, Воронежской и Оренбургской (Указ берг-коллегии от 12 марта 1756 года).

Первая улица г. Катав-Ивановска так и называлась Никольская (ныне Карла Маркса). В 1782 году в г. Катав-Ивановске проживало 1735 человек, из них около половины в деревнях Карауловке и Верх-Катавке.

Весной 1774 года армия повстанцев Емельяна Пугачева подошла от Оренбурга к району с юга. Войска Пугачева заняли Белорецк, Катав, Юрюзань. Сам Пугачев со своими отрядами занял Сатку и пошел на Златоуст, Карабаш, Екатеринбург и т. д. Катав, Усть-Катав, Юрюзань и окрестности заняло левое крыло армии Емельяна Пугачева под водительством его полковника Юлая Азаналина и сына его Салавата Юлаева, тоже полковника Пугачевской армии. Оба они руководили башкирскими восстаниями, примкнули к Пугачеву. После подавления Пугачевского восстания оба были наказаны плетью и сосланы в Эстонию, где след их затерялся в 1797 году.

Салават Юлаев (Родина деревня Текеево ныне Салаватского района недалеко от с. Малояз и р. Юрюзань) считается героем башкирского народа, был поэтом, увековечен в произведениях А. С. Пушкина, В. Я. Шишкова, П. Бажова, С. Злобина и других.

По некоторым данным войска Пугачева под водительством Юлая и его сына Салавата разорили и разграбили заводы Твердышева в частности, Усть-Катавский (в книге академика Павлова приводятся цифры), нанесли большой урон, и заводы эти потом не один год восстанавливались. Часть народа была убита, часть бежала в Кунгур (Пермской области). По другим данным заводы эти помогал Пугачеву и людьми и оружием, продолжали частично работать. Видимо, и те и другие сведения были в какой-то мере правильными.

Заводы Катавского района, конечно же, за 200 с лишним лет коренным образом переменялись, хотя и сохранились (кроме Минского). Переменялась не только технология, но и продукция заводов - от старой ничего не осталось.

Если Усть-Катавский завод был только переделным (переделывал чугуна на железо в кричных печах и прокатывал его), то Катав-Ивановский и Юрюзанский заводы имели домны, где из руды выплавляли чугун, а потом уж из чугуна получали железо и сталь. В Катаве до начала 20 века было 4 домны и лишь потом осталось одна домна. Она была остановлена 24 июля 1934 года, а Юрюзанская еще раньше. (В 1952 году, когда я учился в ВПШ в Москве, я поспорил с Ситниковым, нашим преподавателем и автором учебника по географии, который утверждал, что в Юрюзани домна все еще работает. Убедить его я не сумел, но оценку по предмету он мне снизил с "5" до "4", о чем осталась память. Все еще помню).

Одна из главных причин остановки домен была та, что они работали на древесном угле. Древесный уголь на всех заводах района был одним из главнейших энергоносителей. Лес в районе нещадно вырубался. Топливо это (дрова, древесный уголь) было дорогим. Район оставался без леса (пример, в Усть-Катаве голые от леса Прямая гора и Шиханка). Кстати, такую же картину вырубки лесов вокруг городов можно проследить и в Кусе, и особенно в Карабаше (это города, которые я знаю, где жил и работал). О сохранении лесов правители России начали заботиться еще в 18 веке. 11 мая 1744 года был издан закон "О сохранении лесов" Центральной России. Недостаток лесов в центральной России тормозил тогда развитие железнорудной промышленности. С древесного топлива на минерально-каменный уголь Катавский завод перешел в основном в 1914 году.

Другим важным энергоносителем этих трех заводов была вода. В Катав-Ивановске, Усть-Катаве и Юрюзани сразу же были построены плотины на реках Катав и Юрюзань. Сначала работали водяные колеса, которые вращали молота по проковке железных криц и воздуходувки.

В 80-х годах прошлого века в Катав-Ивановске была установлена мощная паровая машина (вращала рельсо - прокатный стан), и лишь в последних годах прошлого столетия появилось электричество. Производство электроэнергии на заводе было автономным (гидротурбины, паровая турбина и в конце дизельные временные электростанции, и лишь в декабре 1956 года сдана в эксплуатацию ЛЭП с Юрюзанской ГЭС (Челябэнерго). Усть-Катавский завод был подключен к линии Челябэнерго в конце 1945 года.

Производство металла долгие годы на заводах района было главным. Сначала кричные способ переработки чугуна в железо. На Катавском заводе он просуществовал около 100 лет. Потом пудлинговый способ - просуществовал около 50 лет. Потом, с 80-х годов прошлого столетия его заменило бессемеровское производство. В это же время возникло рельсо-

прокатное производство - в стране началось интенсивное строительство железных дорог.

Катавская бессемеровская сталь, так же как и Катавские стальные рельсы пользовались в стране и в мире большой славой из-за высокого качества. Их производство на Катавском заводе прекратилось в самые первые годы текущего столетия.

Мартеновское производство на заводе возникло с конца 80-х годов прошлого столетия, как наиболее дешевое.

В 1914 году на Катавском заводе возникло цементное производство. В 1947 году цементно-металлургический завод был разделен на 2 завода: цементный и литейно-механический. И лишь в начале 60-х годов 20 века был построен новый цементный завод, а старый закрыт и полностью передан литейно-механическому заводу.

До пуска Самаро-Златоустовской (теперь Южно-Уральской железной дороги) (1888-89 гг.) продукция заводов отправлялась в Россию водным путем (Юрюзань, Уфа, Белая, Кама, Волга), и лишь с постройкой железной дороги этот "барочный" путь был ликвидирован. До этого строились барки и полубарки и с пристаней Усть-Катавской и Минской раз в год, в весеннее половодье эти барки с продукцией отправлялись в путь. На заводах с 1 июля начиналось исчисление нового года (продукция год готовилась, не отправлялась и не продавалась). Полностью ж. д. Уфа-Златоуст-Челябинск была построена к 1906 году. Ветка Вязовая-Катав-Ивановск проложена в начале 900-х годов. Эти и другие подобные факты стали вехами на пути развития городов Катавского района.

Когда я начал работать в райкоме партии, в районе были 3 города, поселок Вязовая, около 20 деревень, станционные поселки. Были такие предприятия как Усть-Катавский завод №13, Юрюзанский завод №38, Юрюзанский завод пластинчатых цепей (сейчас цех), Юрюзанский ДОК, Юрюзанский ЛПХ, ЮГЭС, Катавские заводы: цементный, литейно-механический, приборостроительный №28, ЛПХ Катавский, Магнитостроя, Вязовский, (Минский), Запрудовская станция БЖД с перевалочной базой Белорецка (от Катава до Белорецка действовала узкоколейная железная дорога) ж. д. станции У-К, Минка, Вязовая, Тюбелясс, Юрюзань, Катав, Катавский Райпромкомбинат, Юрюзанский обобщинный завод и прочее.

Из городов Усть-Катав был побольше других (последствие войны), да и сейчас он побольше. Хотя я и должен был по должности заниматься главным образом промышленностью, но заниматься приходилось в основном сельским хозяйством. У предприятий-то были хозяева (Министерства, управления), а у с/х не было по сути никакого вышестоящего ведомства. Было, конечно, областное управление сельского хозяйства, но оно управляло номинально. Задание даст на сдачу хлеба, да сводки соберет. Всем ведал райземотдел, а точнее райисполком, а еще точнее-райком партии. Сеяли овес, рожь, пшеницу. Тогда я посчитал: всего хлеба, что собирал район, хватило бы ему ровно на неделю (т. е. населению района, если его кормить своим хлебом, ничего не славать государству и ничего не оставлять на семена).

Урожайность зерновых была 5-7-8 (это хорошо!) центнеров с гектара, а если 10 или 12 - это уже отлично и сверх отлично. Ни о каком мясомолочном направлении в развитии с/х в районе не было и речи. Давай хлеб! и все. Никакой государственной торговли мясом или молоком, конечно

же, не было. Одна забота: посеять, убрать и главное во время сдать государству хлеб, зерновые. (Выполнить 1-ю заповедь). Эта забота пронизывала не только район, но область. Все многочисленные областные собрания, совещания, активы, пленумы посвящались главным образом, этому (особенно при уборке и сдаче хлеба) через уполномоченных обкома и различные селекторные совещания, переключки. Из сельскохозяйственной жизни мне особенно запомнилось два эпизода: первый - это когда 1-й секретарь обкома ВКП(б) Белобородов (я писал об этом выше) в разговоре со мной по телефону по поводу ушедшей под снег картошки (не успели убрать. Внезапно завалил снег) пригрозил мне расстрелом (очень модно это было). Второй эпизод запомнился в связи с приездом в область первого секретаря обкома партии Аристов Аверкия Борисовича (от нас его через 2-3 года взяли секретарем ЦК партии). Приехал он где-то к осени 1949 года. Всю зиму не давал покоя работникам сельского хозяйства. То председателей колхоза соберет, то директоров совхозов, то бригадиров, то механизаторов, то секретарей райкомов, председателей райисполкомов. Всю зиму шло обсуждение: когда начинать сеять (раньше, позже), что сеять, как сеять (широкорядным или узкорядным способом), сколько высевать, как снег задерживать, как влагу сохранить и т. д.

И, год 1950 получился более или менее удачным.

Я запомнил, что в разгар уборки 1950 года (в самом ее начале) был снят у нас с работы первый секретарь райкома партии Дрыжов Алексей Яковлевич. А получилось вот что. В район, как всегда, был прислан уполномоченный обкома и облисполкома, заведующий отделом культуры облисполкоматов Санников. Дрыжов говорит мне: "Вы поезжайте с ним в Минский куст колхозов и возьмите с собой Фомичева (нач. политотдела МТС), а я поеду в Серпиевский куст. И мы разъехались. В Минском кусте было 6 маленьких колхозов (два в Минке, по одному в Верхней Луке, Нижней Луке, Владыкино и Тюбеляссах). Работа по уборке в колхозах или еще не начиналась (а можно было выборочно начинать), или начинала вручную, без привлечения МТС (дорого, конечно, ей платить за работу). Шумели мы в колхозах, делали "разгон" председателей и доехали до Нижней Луки - остановились ночевать, как всегда, у Василия Ефремова... (колхозный кузнец). Фомичев, видимо, по простоте душевной (а может и нет?) говорит:

- Скучно с Вами ездить. То ли дело с Дрыжовым: приедем, поужинаем и давай в карты играть, в дурочка. Кто проигрывает - бежит за водкой.

- Да кто же обычно проигрывал? - спрашивает Санников.

- Конечно, не Дрыжов. Он всегда был в выигрыше. Проигрывал и бегал за водкой всегда председатель колхоза.

- Ах, так! (схватился уполномоченный). Поехали. В Катав и Челябинск мне надо.

Уехали. Вечером на другой день селекторное совещание по телефону вел Аристов А. Б. Он, конечно, Дрыжова смешал с грязью:

- Он такой, сякой, ездит по колхозам пьянствовать, обыгрывает в дурочка председателей колхозов, гоняет их за водкой и т. д.

В общем Дрыжова с работы сняли, а нам пришлось какое-то время работать без 1-го секретаря, пока в конце лета нам не привезли Лебедева Михаила Ивановича, и мы не избрали его на пленуме 1-м секретарем райкома партии (хотя он, конечно, членом райкома партии не был. Но тогда с этим не считались).

На будущую зиму 50-51 г. Аристов развил еще большую активность, лето 51-го удалось хорошее. Урожай по области получился неплохой, и обком партии (Аристов А. Б.) впервые за всю историю поставил задачу: к 1.09. сдача хлеба должна быть завершена повсеместно и по области в целом. И ведь выполнили!

31 августа впервые в жизни план по хлебозаготовкам и по области в целом и у нас в районе был выполнен. А было это так. Мне поручили "обеспечить" Минский куст колхозов. Поехал я на Усть-Катавский завод. Сняли мы 800-1000 человек рабочих и сколько надо автомашин, повезли в колхозы. В Минке, например, отстранили, по существу, председателя колхоза (был Антипин, бывший нач. Райфо) вместе со всем правлением, расставили своих людей на участки и начали: жать комбайном, подвозить снопы, молотить, веять, грузить и возить. Все без вмешательства колхозников. Отвозили на Минский разъезд - в хлебоприемный пункт. Хлеб сдавали, получали квитанции и отдавали мне. Так во всех колхозах. К вечеру 31 августа свезли в райком квитанции со всех колхозов, подсчитали, дали сводку и отвезли людей с заводов. А вы - как хотите. Что осталось от сдачи - пускай убирают и подрабатывают сами колхозники, делают с хлебом что хотят, что положено. Больше мы в дела колхозов не вмешивались. Так (или примерно так) проводились хлебозаготовки и в другие годы. Это - "первая заповедь" колхозников - выполнить во что бы то ни стало план хлебозаготовок. Все это изображение сельского хозяйства тех времен и руководства им довольно схематично и гротескно, но верно, правильно отражает тогдашнюю действительность.

Конечно, сейчас с высоты сегодняшнего дня такой метод работы, руководства сельским хозяйством можно только осудить. Мне даже немножко стыдно за то время, за свою работу. Но что делать? Так было везде. Мы были выращены своим временем, воспитаны им. Мы были исполнителями и без оглядки считали: все, что делает Сталин (политбюро, секретари ЦК; обкома, райкома) - все правильно. А как иначе? Идет огромными темпами развитие, восстановление разрушенной войнами страны в годы войны. И какими темпами? А тут опять холодная война навалилась. Не успели вздохнуть - надо вооружаться. Мы уже знали, что делаем атомную бомбу - все для нее! Не до нежностей. Не до сантиментов и с/х. Надо выжить из него, что можно. Конечно же и все прочие многообразные дела в жизни района и районной парторганизации занимали наше внимание и особенно во "вне сельскохозяйственный период", то есть зимой.

В первые же месяцы моей работы в райкоме партии, а Белоконева Т. Я. директором Усть-Катавского завода в обком поступила жалоба на приписки готовой продукции на заводе. Нам поручили разобраться. Разбирался я лично. Приписки в вагоностроительном цехе мы сразу же обнаружили. Даты предъявления продукции приемке и даты в отчетах не совпадали. Начальник цеха В. Кувайцев в стремлении "выполнить" план немножко подтасовывал цифры, но спрятать этого не сумел, не догадался. Белоконева вызвали на бюро обкома партии. Поехал я с ним.

На бюро все было точно зафиксировано. Белоконеву предложили дать строгое взыскание. Я за него заступился: Де, только что начал работать, полностью еще не овладел ситуацией и начинать работу со взыскания негоже. Делать этого не надо. Я предложил ограничиться обсуждением. Обозвали меня члены бюро либералом, но со мной все же согласились. Отпустили Белоконева с миром.

Другой случай: на качество продукции (патроны) Юрюзанского завода №38 поступила жалоба в ЦК партии. Отдел оборонной промышленности (Сербин И. Д) напрямую связался с нами, поручил разобраться, а с материалом выехать в ЦК и доложить. Опять мне пришлось разбираться. Нашли причины (расслабление требовательности после окончания войны). Подготовил я материал и связался с обкомом партии (отдел оборонной промышленности Руссак Б. В.). Те предложили выехать с материалами к ним, чтобы их рассмотреть, выписать мне командировку и потом уже ехать в ЦК. Приехал я к Руссаку. Он все прочитал, посмотрел, подумал и говорит: надо пойти к Аристову А. Б. и доложить. Пошел. Возвращается и говорит: Аристов все отменил. "Мне из ЦК никто не звонил, а если потребуются, мне позвонят". И все. На этом все замолкло. Так Аристов показал свою независимость и авторитет в ЦК и нам его внушил. На заводе, конечно, недостатки, которые были выявлены, устранили. Приходилось много заниматься работой и других предприятий. В частности, леспромхозов, лесхозов, Юрюзанского ДОКа, которые в то время проводили сплав (Док принимал сплавленный лес). Сплав по реке Юрюзань проводил Юрюзанский леспромхоз и проходил он молевым способом. Было очень много потерь (это тоже была одна из наших проблем). Сплав по р. Юрюзани был прекращен в начале 60-х годов (по реке Катав значительно раньше).

Мучил нас тогда по Катаву недостаток электроэнергетики. Собственная база (электростанция) была перегружена и была переизношена (главный энергетик А. Д. Павлов). Согласия на строительство ЛЭП от ЮГЭС (Челябэнерго) никто не давал, несмотря на многочисленные письма.

Материал с этими просьбами мы готовили, и М. И. Лебедев (1-й секретарь РК ВКП(б)) поехал с ним в Москву к Первухину М. Г. Я уже учился в ВПШ (начало 52 г.) и мы к Первухину ездили вместе с ним. Первухин М. Г. был кандидатом в члены политбюро ЦК и одновременно Министром электростанций. Вопрос о строительстве ЛЭП Юрюзань-Катав он решил (была построена и пущена 24 декабря 1956 года).

В беседе Первухин много внимания уделил своей Родине. Расспрашивал о деревне Первуха (он там родился), о Юрюзани (он там работал). После гражданской войны Первухин на родину не возвращался.

Теперь о Катавском цементном заводе, как он мне запомнился.

Директором его в то время был Ратовский А. А. (был он потом директором Еманжелинского цементного завода). В то время Катавский цементный завод был единственным в области (Магнитогорский и Еманжелинский цементные заводы были построены позже) и внимание ему уделялось большое, как со стороны областных организаций, так и со стороны центра. Помню, как (я еще в райкоме не работал) после хлебозаготовок из Челябинска заехал на "родной" завод Катавский Лазарь Моисеевич Каганович (он был тогда членом Политбюро ЦК ВК(б) и по совместительству министром промышленности стройматериалов, куда входил Катавский завод). Было это в 1946 году. Уборка хлеба в Челябинской области шла очень тяжело, и Каганович, как член политбюро, давал по районам области жесточайший разгон. Когда уборка закончилась, Каганович поехал домой и по пути заехал в Катав. Ехал он в своем вагоне. Руководство завода и района встречало его на станции. Директор завода Рябченко явился в вагон к Кагановичу в полушубке и валенках.

Тот, увидев Рябченко, спрашивает:

- Это что за вахлак явился? Срочно чтобы переоделся! Что ему одеться не во что?

А Дрыжов и Салмин Андрей Тимофеевич Кагановичу представились, доложились. Он их принял. Много потом разговоров было и воспоминаний о посещении завода Кагановичем и все больше о том, как он встретил директора завода, как ходил потом по заводу, как разговаривал с каким-то пожилым рабочим на заводе. Никаких других следов о себе Каганович на заводе не оставил (что-то сделал, что-то дополнительно выделил, что-то решил).

Никогда больше и никакой министр завод не посещал. Видимо, руководство завода и района не сумело перед Кагановичем поставить перспективные вопросы (например, обеспечение завода электроэнергией).

Цементный завод работал на местном сырье (минерал мергель). Пылит он нещадно. Весь город завалил пылью. Все крыши домов от этой пыли были серые. Вся зелень в городе - серая от пыли. И не только в городе, а по всей округе. Ближайший лес был покрыт пылью.

Дальше разговоров о необходимости с сухого способа производства цемента перейти на мокрый (при котором пыление было бы меньше) дело не шло.

Обещание Кагановича построить новый цементный завод за городом было выполнено лишь в 60-е годы (как я уже писал). И сейчас он пылит и засоряет округу тоже здорово.

Последнее время районная газета "Авангард" много пишет о предложении увековечить имя Т. Я. Белоконева, который много сделал для развития Усть-Катавского завода и самого города и назвать одну из улиц города его именем. Настоячиво, в частности, выступает с таким предложением А. Г. Дыдыкин (примерно моего возраста пенсионер. Очень плохо видит, но всю жизнь работал на радио и телевидении - их технической части). Конечно, Белоконев для завода и города сделал многое, значительно больше, чем другие директора завода. Он построил Дворец (вернее, достроил). Дворец начал строиться еще в 1940 году, когда директором завода был Шабров В. Г. Перед войной было построено здание дворца (помню, Шабров В. Г. на свой страх и риск удлинил, против проекта, здание дворца на несколько метров). Во время войны это здание срочно было приспособлено для проживания трудармейцев из Узбекистана, а потом в 1943 году под содержание заключенных, которые использовались на некоторых работах на заводе. (строительство). Лишь в 1949 году Белоконев начал заниматься дворцом и достроил его в 50-х годах), я учился в ВПШ. Дворец открывался в 1952 году. На открытие Дворца привез моего отца Алексея Петровича и провел его в зал, представил как старейшего ветерана. Было это зафиксировано на кинолентку и в то время показывалось по Всесоюзному телевидению. Он много сил и души вложил в строительство Дворца, его оформление. Например, Белоконев не стал привлекать со стороны ни художников, ни скульпторов. Он собрал их у себя на заводе, создал условия и своими "домашними" силами украсил Дворец и лепкой, и разрисовкой, и картинами. Картины эти, как правило, были посвящены военным подвигам русского народа. Сам он подбирал репродукции, и с них были сделаны неплохие копии местными художниками (Переход Суворова через Альпы, битва с монголо-татарами, Александр Невский и др.) Художники Биев, скульптор Акулов). Белоконев и сам любил рисовать, а поэтому с ду-

шой отдавался делу росписи Дворца. Получилось много лепки, много массивных картин (копий во всю стену) и создалось впечатление тяжести, излишества.

При Белоконеве был разработан (или начат разработкой) генеральный план развития завода и генеральный план развития города. Город по этому плану стал развиваться вширь на горной части (там сейчас уже построен новый микрорайон) в сторону подхоза "Уралец". Сливной спуск из пруда перенесен на противоположную сторону плотины. Завод стал перешагивать через бывшее русло реки Катав, которое начали засыпать. Автохозяйством и очистными сооружениями завод уже речку перешагнул и начал занимать своими застройками бывший остров, улицы Юрюзанскую и Мастерскую. Завод укрепил р. Юрюзань дамбой на протяжении почти всего города. Был построен новый мост через р. Юрюзань выше брянского. Была построена линия для испытания трамваев завод - Паранино. Усть - Катав реорганизован в город областного подчинения. Был построен новый железнодорожный мост рядом с французским. Была при Белоконеве построена телевизионная трансляционная станция (вышка) и т. д.

Конечно, во многом это благодаря инициативе и настойчивости Белоконева Т. Я. и память о себе в городе он оставил хорошую.

Надо отметить, что и в Усть-Катаве и в других городах района строительных организаций тогда не было. Все, что строилось, это строили предприятия хозяйственным способом.

Весной 1951 года по телефону со мной говорил Б. В. Руссак - второй секретарь областного комитета партии. Он сказал, что бюро обкома рекомендует меня на учебу в областную партшколу, и что уже принято решение бюро обкома о включении меня в число слушателей областной партийной школы. Я ответил, что в школу ехать не хочу и прошу меня в решение бюро О. К. партии не включать. Несмотря на это пришло решение о включении меня в список слушателей областной партийной школы. Я опять при личной встрече в обкоме отказался ехать на учебу.

- Почему?

- Потому что я уже имею средне-техническое образование, а областная партийная школа тоже дает только среднее образование. То есть я свое образование до высшего не подниму. Отказываюсь. Время шло. Шло лето, и на учебу я не поехал, нарушил решение бюро обкома партии.

Осенью 1952 года (кажется, в сентябре) я был в колхозе в Н. Луке (вместе со мной был И. М. Афанасьев - начальник милиции района и К. Е. Фомиченко - первый секретарь РК ВЛКСМ).

Внезапно, срочно, немедленно меня вызывают в райком партии. Приезжаю. Мне говорят:

- Вас вызывают срочно, немедленно ехать в ВПШ (Высшая партийная школа при ЦК КПСС в г. Москве) сдавать экзамены.

Растерялся. Совершенно неожиданно. Но в этот же день в Москву выехал. Взял в дорогу краткий курс истории ВКП(б), чтобы подзубрить до рогай (но все равно не читал).

Приехал, явился. В этот же день предложили немедленно сдавать экзамены по трем предметам (русский, история страны, история ВКП(б)). Экзамены сдавал два дня. Порядок был такой: по мере того, как подъезжают будущие абитуриенты, их сколачивают в группу и немедленно направляют на экзамены. Хорошо запомнил: экзамены прошли хорошо, за исключени-

ем русского языка (не только у меня). Из нашей группы этот экзамен сдал на отлично только Басов Иван Архипович (диктант на 200 слов) и никто больше. Я считал себя грамотным (был даже в Усть-Катаве нештатным корректором многотиражки газеты "Кировец"), но в диктанте допустил 5 ошибок и получил неуд. Были в группе такие, как Уметалиев (киргиз. Мы с ним учились и заканчивали в одной группе). Он в диктанте допустил более 200 ошибок. Чтобы не возвращаться: при окончании школы по русскому языку (тоже диктант) я получил оценку "5". Таких в группе оказалось 6 человек (из 18-ти).

Я возвратился в район и стал готовиться в отъезду. Занятия в ВПШ начинались 15 декабря 1952 года. Кстати: это оказалось все-таки не ВПШ, а двухгодичные ленинские курсы при ВПШ (они были организованы ещё В. И. Лениным) и давали они не высшее, а незаконченное высшее образование. Позже мне предстоит еще рассказать, как мы "бунтовали" и как добились все-таки, чтобы наш курс перевели в ВПШ, сделав нам 3-х годичный срок обучения.

Перед отъездом в Москву мой друг Мясоедов Кузьма Петрович - председатель райисполкома - организовал поездку в с. Екатериновку.

Утром на лошадке мы с ним приехали к..., который был председателем сельсовета.

Он нас пересадил на свою лошадку, и мы поехали на г. Завьялиху - там было много коз.

Целый день мы ходили на лыжах, видели много козлиных следов, но коз не видели. Умаялись. Еле добрались до лошади и чуть живые приехали в деревню. Была банька. Были пельмени, а главное, что я запомнил - я выпил 21 стакан чаю. Никому бы не поверил, но было так. Так мы обезводились на охоте, да еще в баньке.

В декабре 1951 года перевез я Веру и Ольгу в Усть-Катав, а сам поехал на учебу в Москву.

ВПШ. МОСКВА

Итак я в Москве. Учусь в ВПШ при ЦК КПСС. Но не в самой ВПШ, а на ленинских курсах. Это двухгодичные курсы при ВПШ, которые были организованы при Ленине и назывались ленинскими.

В школе есть актовъ зал, в котором Ленин неоднократно выступал и который так и называется до сих пор "ленинский зал". В нем по этому поводу установлена мемориальная доска.

Ректором ВПШ был в то время Митронов. Располагается школа между улицей Горького (Белорусский вокзал), Каляевской улицей (метро Краснослободское) и улицей Лесной (тормозной 3-д Бутырка) на Миусской площади.

Школа - это несколько зданий. Центральное и ещё 4-х этажное здание учебного корпуса, четыре 9-этажных общежития и еще 11-этажное общежитие, построенное при нас в 1953 году. Мы учились параллельно с основным курсом ВПШ в тех же аудиториях, по тем же программам, по тем же учебникам и у тех же преподавателей. Разница лишь в том, что у нас 2 года обучения, а на основном курсе - 3 года.

Соответственно, основной курс ВПШ давал полное высшее образование, а наши курсы - незаконченное высшее.

Естественно, это нас не устраивало. Многие из слушателей (70%-80% состава и я в том числе) кинулись поступать и учиться, и сдавать эк-

замены параллельно еще и в заочную ВПШ (благо тем же преподавателям).

Работники школы и ЦК партии это сразу же уловили и стали препятствовать. Тогда мы стали "бунтовать": ходили с жалобами, заявлениями в ЦК, 2-3 раза выносили на обсуждение общекурсового партийного собрания, приглашали на эти собрания работников ЦК.

В общем, добились. К концу 1-го года обучения состоялось решение ЦК партии, Ленинские курсы ликвидировали, а нас преобразовали в курс ВПШ, добавили нам еще один год обучения и мы получили полные права по сравнению с остальными курсами ВПШ (главное получили по окончании школы - статус и диплом выпускников с высшим образованием и с правом преподавания в средних школах общественных дисциплин).

Так я оказался в ВПШ и окончил ее успешно в декабре 1954 года. Так я получил специальность профессионального партийного работника и с ней уже не расставался до конца трудовой деятельности.

В центральном Комитете партии подготовка кадров была поставлена на широкую ногу; кроме Высшей партийной школы (ВПШ) действовала Академия общественных наук (подготовка кадров для высшего звена партии) и сеть межобластных ВПШ (на 1-4-5 городов и областей - одна. До этого действовали в каждой области областные партийные школы). Все эти школы готовили кадры для номенклатуры.

Сейчас слово "номенклатура" обязательно связывают с понятием командно-бюрократического аппарата.

На 19-й партийной конференции раздавались иногда, например, лозунги, призывы:

- Долой бюрократию!

- Долой гос. аппарат!

А правильно ли это? Наверное, правильно говорить:

- Долой проявления бюрократизма.

- Долой ошибки в работе гос. аппарата.

Ведь надо же понимать:

- До тех пор пока у нас будет государство (а оно будет и о его ликвидации и речи нет), до тех пор у нас будет и гос. аппарат (советы, милиция, суд, прокуратура, управления, дирекции, разные отделы, конторы и так далее, и тому подобное).

Другое дело, что он должен быть меньше, что он должен лучше работать, работники аппарата не должны допускать злоупотреблений, нарушений законов и так далее. Но то, что он должен быть, что гос. аппарат мы не можем ликвидировать - сомнений нет. Он должен лучше работать! Да! Отсюда и кадры.

Надо иметь в этом аппарате лучшие, наиболее надежные кадры, лучше их подбирать, лучше и больше с них требовать хорошую ответственную работу. А значит кадры эти надо лучше учить.

То, что у нас допущено огромное разбухание партийного и государственного аппарата, то, что в работе аппаратов допускались (и допускаются) многочисленные ошибки, злоупотребления и безответственность, а иногда и преступления во многом (если не в основном), зависит от того, как обучили и как расставили кадры, как их подбирали на те или иные ответственные посты и как с них требовали, как контролировали их работу.

Я не буду здесь разбирать недостатки и ошибки, которые были допущены в партии (руководящая и направляющая роль, контроль за произ-

водственной деятельностью, сплошная подмена функций советских - государственных, хозяйственных и прочих организаций, отсутствие должной требовательности и так далее). Слишком далеко зайду.

Отмечу только, что кадры партии и гос. аппарата оказались довольно слабыми, мало компетентными, что их учеба, подготовка велась наспех и однобоко, что очень низко пала требовательность.

Что мы изучали в ВПШ?

Мы изучали историю СССР и историю партии, политэкономия, философию, государство и право, советское и партийное строительство. Азы математики и физики появились в ВПШ уже позже, кажется, при Брежневе.

Все это изучалось по "первоисточникам", то есть по цитатам из произведений Маркса, Ленина, Сталина. Скорей, мы заучивали эти цитаты, то, что сказано и написано "вождями". К сожалению, у нас не преподавались, например, экономика и другие нужные сейчас (да и тогда) дисциплины, науки. Иными словами наша учеба превращалась в начетничество. Отсюда, конечно, и уровень подготовки, уровень знаний, которые мы получали.

Учились у нас люди, "номенклатура" (то есть партийные, а иногда советские работники) со всего Союза, а иногда и из социалистических стран и даже из компартий капиталистических стран. В нашей, например, группе из 13 человек были люди шести национальностей (русский, киргиз, украинец, осетин, грузин, эстонец). Много в школе было корейцев. Были в школе немцы, венгры, поляки, болгары, испанцы. Надо отметить, что одновременно с нами учился на основном курсе известный знаменитый летчик Мересьев.

Надо также отметить, что отбор в школу происходил больше по анкетным данным, чем по уровню подготовленности, по уровню знаний, которым обладал принимаемый в школу (абитуриент). Отсюда попадались у нас и откровенно слабо подготовленные слушатели.

В нашей группе, первоначально состоящей из 15 человек, был избран староста - Танг Ян Яковлевич (эстонец) и секретарь парторганизации - я. Так мы с Яном и ходили в "руководителях" группы все три года.

Учеба - лекции (4-6 часов в день), семинары, зачеты, экзамены, конспектирование первоисточников. На выпуске госэкзамены по 3 предметам: история партии, политэкономия, философия (диамат и истмат). Учёба шла так: 1-й год особенно упорная и напряженная. Я сужу по себе. Сначала я пытался переписывать заново лекции. Это по неопытности. Потом бросил.

Но зато я угадал, как быть с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина - первоисточниками. Нам задавали, как правило, по разным предметам из их произведений изучить, законспектировать отдельные разделы, главы, страницы, куски, и получалось, что мы очень часто возвращались к одним и тем же произведениям по разным предметам и много раз.

Я взял за правило заданную работу читать и конспектировать, "изучать" сразу целиком, полностью. И это мне очень сильно помогло впоследствии.

Позже, на 2-м и 3-м курсах, по какой бы нам теме не задавали разделы - они у меня, как правило, оказывались законспектированными.

Я уже говорил, что 1-й год учебы (не только он, конечно) был особенно трудным. Приходилось частенько сидеть по ночам, до утра читать, конспектировать. Помню одну ночь (верно, это было уже на 2-й год обучения), когда я проштудировал, законспектировал и вроде бы понял книгу Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Вообще, Ленина (да и Маркса тоже) изучать трудно из-за сплошной полемики с кем-то, когда он спорит, убеждает, опровергает и в то же время что-то утверждает. Вот это "что-то", что утверждал Ленин, нам при изучении его работ и надо было найти, распознать, понять...

У Сталина было проще: ясность и четкость изложения и значительно меньше полемики, отвлечений. Он как бы разжевывал, вкладывал свои мысли готовыми. Этим отличались все работы Сталина.

Частенько - особенно на I-ом году обучения - мы дорабатывались, досиживались за книгами и конспектами до одурения, до боли в сердце. Я иногда спасался при этом так: полстакана сахарного песка разбавляю водой, размешиваю и пью. Вот такой удар глюкозы почти всегда помогал.

Подготовку к экзаменам мы, как правило, проводили группой в 3-4 человека (я, Берчанский Н. А., Пеньков Л. А., Танг Я. Я.), причем главным считали не просто прочитать, запомнить, зазубрить что-то, а обязательно выговориться, проговорить то, что мы изучаем, готовим. Обычно никогда, никаких вопросников по материалу мы не доставали и не штудировали, но обязательно проговаривали все, что нужно по теме.

Характерно, что годы учебы как бы возвращают молодость. Человек начинает чувствовать себя помолодевшим. Привычки молодости как бы возвращаются. Это особенно заметно было как мы расходились (разбежались) с лекции на перерыв (на перемену), особенно на обед - в столовую (с 3-го этажа бегом перегонки на 1-й этаж). Или в том, что многие все-таки готовили к экзаменам шпаргалки. В нашей группе, кроме названных Берчанского, Пенькова, Танга, с которыми была особенно хорошая дружба, запомнились мне Басов И. А., Караков Г. А., Кириллов М. С., Ординарцев В. А., Ткаченко М. Г., Уметалиев Д. и другие.

За все время пребывания в ВПШ много внимания уделялось знакомству нас с людьми, с Москвой, с учреждениями и предприятиями Москвы.

Мы побывали во многих театрах, музеях, и это было не менее полезно, чем сама учеба. Побывали мы 2 раза в Доме-музее на Ленинских горах и в Ленинском музее, в Останкинской и Архангельской усадьбах-музеях, в историческом музее и в политехническом, в оружейной палате и так далее.

Оружейную палату и Кремль мы осматривали тогда, когда Кремль для общего обозрения был еще закрыт (при Сталине) и для его посещения требовалось специальное оформление. Такое оформление, например, для посещения оружейной палаты в 1952 году потребовало несколько месяцев. Мы были в ней с Ольгой - дочкой, которой не было еще 12 лет.

Были мы на заводах ЗИС, 2-й подшипниковый, бывали в военных академиях, в академии ВАСХНИЛ.

Конечно, бывали много раз на ВДНХ. Здесь однажды - это было осенью в 1953 году - проводили учебу - семинар в течение 2-х недель.

Бывали в театрах: Большом, оперетты, концертном зале им. Чайковского.

В Кремлевском Дворце съездов я многократно бывал позже: и на спек-

таклях, и на официальных мероприятиях (он был построен уже при Хрущеве к XXII съезду партии в 1961 году).

Много выступало у нас в школе с лекциями, докладами, сообщениями видных деятелей страны: А. И. Микоян, Поспелов, Михайлов (бывший 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ, потом, после смерти Сталина, - 1-й секретарь МГК КПСС).

Выступал О. Ю. Шмидт. Он рассказывал не только о Челюскинской эпопее и своем участии в ней, но и о своей новой космогенной теории (зарождении Земли и планет из холодной материи). Выступала с докладом и демонстрацией своих опытов (в демонстрации принимала участие ее дочь) известная в то время ученая О. Б. Лепешинская. Она будто бы открыла зарождение жизни из неживого вещества. Это было очень созвучно тогда учению Т. Д. Лысенко. Всеми этому благоволил, покровительствовал Сталин.

Много выступало у нас артистов. Очень запомнился Иван Семенович Козловский. Он был у нас 2-3 раза. Поразил он нас тогда маленькой ролью юродивого в опере "Борис Годунов". И, конечно, своим пением, оперным искусством.

Редко его стали показывать по телевидению, но недавно было дано представление - трансляция вечера о его 90-летию. Надо бы его почаще показывать, его старые записи, чтобы современная молодежь Ивана Семеновича знала. Запомнил я Михайлова который выступал в одно время с Козловским, прекрасный бас.

Запомнил почему-то Александровича. Это камерный певец, приятный тенорок. Выступал у нас тенор Геннадий Писчаев. Он выпускник консерватории, потом некоторое время пел в Большом театре. Незаметно вскоре сошел и пропал из виду.

Интересно его представлял конференсье (видный в то время Гарькавый. Это бывший муж знаменитой Руслановой - певицы).

Так вот представляя Писчаева, конференсье говорил: "Это лучший в мире тенор. Никто: ни Козловский, ни Лемешев не могут взять эту ноту из оперы "Искатели жемчуга", кишка у них тонка. А Писчаев берет". В самом деле тенор у него был прелестный.

Приглашали нас часто по гостевым билетам на всякие торжественные вечера, заседания.

Был я по такому пригласительному билету на XIX съезде партии (слышал короткую речь Сталина при закрытии съезда), два раза был на заседаниях Верховного Совета СССР (слышал выступление Кагановича). Мы с Ольгой в 1953 году были на боковой трибуне на Красной площади во время первомайской демонстрации.

Теперь о жилье. Сразу же я получил место в общежитии. Комната на двоих. Прекрасные условия - и бытовые, и для занятий.

К весне 1952 года ко мне приехала Вера, изъявила желание, и мы договорились, что они с Ольгой переедут ко мне в Москву. Жилья, конечно, школа для семьи не давала.

- Пожалуйста, говорят, живите, если найдете жилье.

В школе были единицы, жившие с семьями (я знал Барыкина Г. И.), а на курсе я был первый (и единственный), который решил перевезти семью в Москву. Стали мы с Верой искать квартиру. По рекомендации Львовых (Володя работал экономистом, а Марья Борисовна в технической библиотеке Тормозного Завода) нашли мы комнату неподалеку, на улице Лесной.

Старушка жила одна в одной комнате. Вера стала у нее жить. Обычный одноэтажный деревянный дом внутри квартала. Я ходил навещать Веру. И так - до июля 1952 года, пока мы не уехали на каникулы. К осени - 1952 года опять приехали с Верой, а Ольгу пока не взяли. Долго ходили по Москве. Обошли десятки адресов - не можем устроиться. Как-то я ввалился к народной артистке СССР Яблочкиной - очень тогда известной. Она жила в районе Елисеевского магазина с какой-то приживалкой. Конечно, отказала.

Наконец-то, мы нашли неподалеку от школы комнату 4-5 метров, в которой помещались коечка, табуретка и малюсенький столик. Комната без отопления. Отоплялась тем, что всегда соединялась с кухней открытой дверью. Осенью стало холодно. И тут нам повезло. У моего соученика-приятеля Лени Пенькова уезжали на полтора года родственники в Монголию и оставляли квартиру. Они нам её отдали на эти полтора года. После долгих мытарств нас туда прописали. Дом завода "Красная Пресня" за Белорусским вокзалом и даже вписывался одной стороной на территорию завода. В нем же клуб завода. Квартира сравнительно хорошая: одна большая комната (до 40 кв. метров) в коммунальном доме (общий коридор, общая кухня, общий туалет на 30-35 квартир). Жить хорошо, весело. Появились знакомые. В коридоре всегда шумно, по вечерам домино... У соседки даже телевизор (это первый телевизор в жизни, который мы смотрели). Туда мы привезли Ольгу. Поступила она в школу №96 Краснопресненского района. Учителем была М. Третьякова, Ольга - староста 4-го класса. Сохранились газеты "Вечерняя Москва" от 20/V - 1953 года, которая писала об их классе, об экзаменах за 4 класс, "Сталинец" от 17/XII - 1954 года (газета ВПШ о нашем выпуске), а также газета "Политехнические кадры" от 1960 и 1961 годов об учебе Ольги в ЧПИ.

Когда хозяйка приехали из Монголии, мы сравнительно легко нашли комнату на Грузинской площади (Верболов, дочь Мара), и здесь уже жили до конца - до лета 1954 года. Запомнил, как живя на квартире Верболовых, я готовился к сдаче экзаменов по литературе. На утро надо сдавать экзамен, а я (как мне казалось) ничего не помню. Вечером я лихорадочно распределил по 2-3 произведения - пусть срочно читают и перескажут мне содержание - между Верой, Ольгой и Марой (ученицей 10 класса). Они старательно мне помогли, и на утро я экзамен с блеском сдал.

Все это время место в общежитии я держал и примерно половину времени (ночей) жил в общежитии.

И Вера и Ольга с Москвой быстро ознакомились. Ольга любила путешествовать по Москве, в метро одна или с подружкой (например, с Таней Василяки, которая жила у нас около месяца).

Гостей к нам заезжало и жило много. Из близких: мамаша Веры - Анна Андреевна, брат ее Алексей, Афанасьевы Иван с Марией, Чернов Володя, Байковы, знакомые по Усть-Катаву.

Однажды ко мне в школу заехал В. Васильев из Усть-Катава. Он истовый философ - самоучка, философия у него была своя, доморошенная. Он представлял земной шар, как живое существо, а мы, люди, и все живое ползаем по нему, как паразиты, как вши, например.

С этой своей философией он появился у нас, когда я еще работал в парткоме Усть-Катавского завода. И тогда мы пытались его переубедить, "просветить" - ничего не вышло. Отсылали его в обком партии, к нашим идеологам - тоже ничего не вышло. Занимался я им и когда работал в

райкоме. Тогда против него мы применяли одну меру - ты свою философию не проповедай, не пропагандируй, не мутни народ. Замкнись в себе, пока не уяснил сути.

Он так и не уяснил.

Когда я учился в ВПШ, он приехал в Москву ко мне опять со своим вопросом по философии. Просил связать с кем-нибудь из грамотных философов. Я связал его с ЦК партии, кажется, со Степаковым (зав. отделом пропаганды ЦК) и он был у него. Провел с ним несколько часов, но так никто из них никого не разубедил. Васильев уехал домой со своими взглядами. Потом он умер и чем закончилась его философия, я не знаю.

Дружили мы с Верой вечером пройтись по улице Горького до Елисеевского магазина, купить икорки или крабов, бутылочку хорошего винца. Напротив, на углу, выпить по бокалу шампанского, прогуляться. Иногда зайти к Барыкиным (они тоже на частной квартире жили по улице Б. Грузинской - рядом), перекинуться с ними и с хозяевами в картишки...

Дружили мы, кроме них, со Львовыми, с Шабровыми. Особенно с Шабровыми. Владимир Георгиевич с Юлей жили в Лианозово. Он был директором Лианозовского вагоноремонтного завода. Мы к ним частенько ездили. Дружили с Норкиными, с Гуркиными, с Рожковыми, с Соболевыми.

Частенько ездили к знакомым и просто в гости и на ночевку. Жили они в Лианозово, и в Калининграде, и в Подольске, и в Загорске. Запомнилось, как однажды (наверное, 1953 год) Шабров заехал к нам на машине, забрал меня и Афанасьевых Ивана Максимовича и Марию Андреевну (гостили у нас) и мы поехали осматривать вновь построенный и открытый университет на Ленинских горах. Видимо, наплыв желающих осмотреть новинку был огромен и нас никак не пускали. Очень долго мы просились, настаивали, уговаривали начальника охраны (какой-то отставной генерал) и все-таки прорвались в университет, объехали и обошли его сверху донизу втроем (я, Шабров и Иван Максимович, Мария осталась в машине, не поехала). Как-то с Шабровым мы объехали во время уборки урожая Лианозовский район (там у них подшефные колхозы).

В Загорске были с Норкиным в Троицко-Сергеевской Лавре (все удивлялись, что на территории Лавры - монастыря размещались в одном здании общежития педагогического техникума и духовной семинарии). Многократно бывали и ночевали в Калининграде у Рожковых (он начальник производства. Много и интересно рассказывал как Келдыш Д. Ф. и Устинов Д. Ф. многократно, регулярно бывали у них на заводе и контролировали работу по производству ракет и, видимо, первых спутников). Много раз бывали у Соболевых, которые, как Куранов и Спиридонов, работали на одном из заводов.

В общем, когда я жил в Москве, поддерживал связи со многими и многими выходцами из Усть-Катава, с которыми вместе работал в годы войны. А их оказалось в Москве много.

Уже значительно позже, где-то в конце 60-х начале 70-х годов в один мой приезд в Москву (а ездить приходилось часто, 3-4 раза в год) собрал я у себя бывших усть-катавцев в гостинице "Россия". Позвонил одному, второму и они собрались. Были: 3 бывших директора завода - Шабров В. Г., Куранов А. В., Соболев Н. Н.; бывший заместитель директора Ива-

нов А. П., два бывших председателя завкома - Львов В. М., Рожков В. М., два бывших парторга ЦК на заводе - Власов А. В. и я.

Жил со мной в номере и присутствовал наш заведующий Горфо Максимикин Н. К. Вот была встреча, радость, удивление, благодарность мне, как организатору. Москвичи, оказывается, хотя и живут в одном городе, а или совсем не встречаются между собой, или встречаются между собой очень редко, случайно.

Все это я нарушил, и все были довольны (работали: Куранов, Соболев, Иванов, Рожков - в Калининграде; Шабров - начальник Главка в Министерстве электронной промышленности; Львов - Тормозном заводе; Власов - в СОВМИНе РСФСР). Кажется, все уже, по крайней мере, пятеро из названных умерли. Наверное, надо рассказать о похоронах Сталина.

Было так. Незадолго до его смерти по школе прошел разговор, что в кругу приближенных Сталин сказал:

- Что вы будете делать без меня. Передеретесь, как котят. Кажется, Сталин был недалеко от истины. Драчка за власть была всегда. Была она и при Сталине, а после его смерти явно усилилась. В верхних эшелонах она очень явно проявлялась все послесталинское время. Очень явно просматривается она и сейчас. Кажется, это присуще всем народам, всем временам.

А самые последние дни февраля и первые дни марта 1953 года все газеты были полны сообщениями, что Сталин тяжело заболел, лежит без сознания.

5 марта 1953 года Сталин скончался. Смерть Сталина всколыхнула всю страну. Равнодушных не оставалось.

6 марта у нас был обычный учебный день. Как всегда к 9 часам утра пришли в школу и в это время - сообщение о смерти Сталина. Занятия в школе отменили, и я пошел домой.

Примерно в 11 часов дня по радио объявили о том, что гроб с телом Сталина установлен в Колонном зале дома союзов и доступ к нему свободен.

Мы с Верой решили быть хитрее других и поехать немедленно, на такси, в Колонный зал (дескать, пока народу немного). Выскочил я на улицу, с трудом поймал такси, и мы по Б. Грузинской, мимо Белорусского вокзала, по Каляевской улице поехали.

Чем дальше, тем больше народу идет к центру... С трудом доехали мы до Садового Кольца, а дальше уже затор...

Отпустили машину и пошли пешком. Не пошли - толпа нас уже понесла в сторону Садовой Самотечной. Смотрим, а на встречу нам тоже толпа народа, и в районе отворота на улицу Неглинную эти две толпы (да еще с Цветного бульвара) сошлись, столкнулись и началась невообразимая давка.

Можно было идти только вперед. Масса народу неслась на встречу, идти, вырваться никак невозможно. Препятствия, какие попадались по пути, преодолевались запросто: милиционер верхом на лошади, автомашина на пути сдвигались с места, опрокидывались. Если человека несло вдоль стены дома, то его заталкивали куда-нибудь в подвал, в полуподвальную квартиру, через низко стоящие окна. И не дай бог, если на дороге незакрытый колодец. Он моментально забивался людьми. А там, где встретились две толпы (а их сзади подпирают и подпирают), вообще не вообразимое столпотворение.

К нашему с Верой счастью на пути попался зажатый народом трамвай. Мы с трудом в него протиснулись (в трамвае-то насмерть не задавят) и в нем часа 4-5 просидели, пока к вечеру немножко напор не ослаб, и мы не смогли с трудом выбраться и дворами, дворами вернуться к себе домой.

В этой давке, которую мы видели и которую пересидели в трамвае, погибло десятки и сотни людей. Ольга наша вместе с подругами-ученицами тоже дворами, через крыши и заборы пытались пробиться к дому союз, но так и не пробилась, их сняли на последней крыше, и мы с облегчением вздохнули, когда она уже после нас появилась дома.

Два дня был открыт доступ к телу Сталина в Колонном зале Дома Союз. И все эти дни пробиться туда было невозможно. Был закрыт проезд - доступ в Москву из дальних районов (ехали со всего Советского Союза). Был оцеплен центр и наведен порядок, доступ к телу Сталина стал строго регулироваться.

От коллективов предприятий и организаций выделялись группы представителей и строго по графику допускались в Дом Союзов.

Шабров мне рассказывал как на предприятиях пытались "обмануть Советскую власть", изготавливали специально венки и, создавая "сверхплановые" группы представителей, направляли их в Дом Союзов.

Иногда это удавалось, но не всегда.

Станции метро в центре Москвы все были перекрыты. Слушатели нашей школы, пользуясь тем, что у каждого было удостоверение с красными корками и надписью "ЦК КПСС" и ниже мелким шрифтом "ВПШ" и тем, что работники ЦК КПСС и в Дом Союзов допускались беспрепятственно, раскусили это и тоже ездили посмотреть Сталина и проститься с ним. Так в Доме Союзов побывало более половины слушателей ВПШ. Но не все.

Вечером 7 марта, когда должно быть прекращено посещение Дома Союз, мы, не побывавшие там, собрались в школе и настояли, чтобы было организовано коллективное посещение. Договорились с комендатурой Дома Союзов и нас, человек 200, посадили в автобусы и повезли через Замоскворечье, Красную площадь к Дому Союзов.

Преодолели мы (по пропускам) несколько препятствий (улиц, перекрытых грузовыми автомашинами) и были остановлены у здания стерео кино у последнего барьера из 2-х рядов автомашин. Долго ждали. За это время из 200 человек наша колонна разрослась вдвое. Отовсюду нелегально к нам просачивались все новые посторонние люди. Помню, рядом встал подполковник-летчик. Говорит: "Пустите ради бога. Специально летел с Дальнего востока, чтобы увидеть Сталина".

Тут же старушка, старый член партии плачет:

- Не гоните, миленькие. Дайте взглянуть последний раз на отца родного. Как же мы жить будем без него?

Ну как их прогонишь?

Осталось до закрытия 10 минут, и тут мимо нас из Кремля прошли к Дому Союзов члены политбюро ЦК КПСС. Были все: Хрущев, Берия, Каганович, Ворошилов, Микоян, Маленков, Молотов, Булганин, Сабуров, Первухин, Пospelов, Шверник. Вслед за ними раздвинулась "застава" из машин и пропустили нас. Пропустили ровно 200 человек и "захлопнули". Остальные наши остались "за бортом", не прошли.

Итак, за 5 минут до закрытия Дома Союз, когда в почетном карауле у гроба Сталина стояли члены политбюро ЦК КПСС и секретари ЦК, я прошел мимо Сталина...

Потом были похороны Сталина и... жизнь продолжалась. Ничего не рухнуло.

В связи со смертью Сталина в стране была проведена амнистия. Кто выпускали из тюрем - не знаю, но помню, что Москва была заполнена уголовниками. Дело доходило до того, что грабить начали днем, при людях. Был случай, когда группа бандитов села в трамвай, пригрозила вагонновожатому: "Гони, не останавливай" и начала грабить пассажиров. Люди на ходу начали выскакивать в окна.

Однажды, после какого-то экзамена мы, группа человек 6-7, вышли на улицу и расположились в стоящем рядом буфете пить пиво. Народу в пивнушке было много. Вдруг заходят 3-5 человек и к нашему столику. Один вынимает нож и сует его мне прямо к лицу.

- Купи ножик.

Говорю ему:

- Мне не надо, извини.

- Купи, мать твою... Не видишь, сталь какая.

- Да и у меня таких денег нет.

- Давай сколько есть.

Все смотрят и друзья мои тоже. Отдал я ему 8 рублей, и бандит пошел к следующему столику.

Тогда по Москве разнесся слух (так это и было), что поскольку Указ об амнистии подписал Ворошилов, то очень благодарные ему бандиты наладили негласную охрану Ворошилова, который часто ездил на свою дачу в сторону Лианозово.

Однажды, в июльскую ночь 1953 года я сидел и конспектировал Ленина - "Материализм и эмпириокритицизм". Ночь теплая - окна открыты. Вера с Ольгой спят (мы жили по Грузинской улице).

С высоты 9 этажа мне видна и слышна Москва.

В этой ночной тишине я слышал неоднократные автоматные очереди на улицах Москвы, это ловили распоясавшихся бандитов. К концу 1953 года в Москве опять стало спокойно.

Перед нашими каникулами (они у нас бывали с 15 июля по 1 сентября) как-то иду утром в школу, а у белорусского вокзала по улице Горького движутся танки в сторону центра так, что и улицу не сразу перейдешь.

Пришел в школу, а там - шу, шу, шу. Берия арестовали. Побежали мы смотреть портреты членов президиума ЦК, а портрета Берия действительно уже нет. Сняли.

Вскоре сообщили и нам (и газета "Правда" вышла 10 июля 1953 года), что Берия отовсюду снят, разжалован и арестован. Вскоре его судили и расстреляли.

С весны 1954 года началась эпопея по освоению целинных и залежных земель.

В марте 1954 года Пленум ЦК принял такое решение и работа по освоению целины развернулась в стране очень активно.

Конечно, это было показателем интенсивного развития сельского хозяйства, но так, видимо, требовали послевоенные обстоятельства.

Конечно же, повышение сбора зерна по стране за счет только расширения посевных площадей на 35-40 млн. га целинных земель могло быть только временной мерой. За ней должны были последовать меры по

внедрению интенсивного земледелия. (Хрущев начал внедрять кукурузу, но дальше начала дело не пошло, заглохло).

Журнал "Наука и жизнь" № 8 за 1990 год сообщает, что в передовых странах идет перепроизводство с/х продукции, что в Европе решено сократить посевные площади до 2000 года на 15 млн. га, что в США 1986 году были заброшены площади, равные всем сельскохозяйственным площадям Франции - 31 млн. га (т. е. почти столько, сколько у нас разработано целины в 50-60-е годы). Освобождающаяся площадь назначается под расширение площади лесов, которых не хватает.

Вот это - показатель интенсивного земледелия. Сколько себя помню, властвовала гипотеза, что в связи с бурным ростом населения земли в конце концов она не сможет накормить всех землян, что ее возможности ограничены. А здесь, на тебе! Перепроизводство! Идет сокращение посевных площадей под с/х культурами.

У нас же в стране как было 30 лет тому назад (недостаток хлеба), так и осталось. Покупаем хлеб в Америке, Канаде, хотя отдельные хозяйства и подняли урожайность до 50-60 ц га.

Вспоминаю случай. В конце 1963 года (ноябрь) мы были на рыбалке в Лаклинской заводи на реке Ай. Я, Вера, Морозов К. и Бурмакин Н. ночевали в машине. Утром сидим у лунок, идет мужик (местный колхозник, башкирин). Постоял около нас и говорит:

- Да, плохо будет.

- Что такое? - спрашиваем.

- Как же. Кеннеди убили (а мы и не слышали). Теперь Америка хлеб нам не продаст!

Хлеб Америка не продает! Понимаете, что волнует колхозника? Хлеб нам не продадут, а не то как самим себя прокормить?

В том же журнале "Наука и жизнь" №8, читаю выдержки из книги академика Н. Бехтеровой:

"Как богаты были бы сейчас наши нивы и пастбища, если бы не было в нашей истории этого зятяжного торжества невежества и профанов, если бы биологию вдохновлял и дальше Вавилов, а не душил Лысенко". Временное освоение целинных и залежных земель было, видимо, также необходимо.

Против таких методов развития с/х выступили в политбюро (в президиуме) ЦК Молотов, Каганович, Маленков.

Уже после 20-го съезда партии в 1957 году их (да еще Шепилова) вывели из политбюро и из состава ЦК.

Целинная эпопея отразилась на нас следующим образом:

- после окончания ВПШ в ХП 1954 года всех выпускников, кто ранее работал в Европейской части Союза (до Урала) ЦК направило на целинные и залежные земли. Там работали многие наши выпускники, были награждены (например, Корнилов работал секретарем райкома партии, был награжден Золотой Звездой героя соцтруда. Басов И. А. работал секретарем обкома партии и т. д.).

Всех же, работающих в восточных районах (восточнее Урала и в национальных республиках), направили на старые места работы.

Осенью 1954 года нас поочередно стали вызывать в ЦК, определять назначение. Челябинцев принимал 2-й секретарь обкома Беспалов Алексей Николаевич (Лаптев Н. В. - 1-й секретарь О. К. болел).

Нас было 3-е. Харьков Н. В. что-то заартачился и Беспалов его не взял (направили на Дальний Восток).

Воробьева Алексея Петровича возвратили в Копейск.

Когда Беспалов спросил меня, куда я хочу, я сказал, что с удовольствием пошел бы работать в промышленность. Когда Алексей Николаевич заговорил о сельском хозяйстве, я замахал руками и заявил, что не могу отличить рожь от овса, посылать в с/х меня нецелесообразно.

Тогда Беспалов спрашивает - пойду ли я секретарем горкома партии города Пласта. Говорю: "Пласт я не знаю. Куда пошлете, туда и поеду".

Определили мне город Пласт и назвали дату конференции (кажется, 25 декабря). Началась подготовка к госэкзаменам. Затем - экзамены. Сдал историю партии и политэкономии и вдруг мне звонят из ЦК - надо срочно выезжать на партконференцию в город Карабаш.

Говорю, что это какая-то ошибка, что меня назначили в город Пласт (А конференция 25/ХІІ).

Говорят: "Перепроверим". Звоню 2-й раз. Говорят: "Перепроверили". Назначение изменили - конференция через два дня. Надо ехать.

Полетел на ИЛ-14 (впервые летел на самолете).

Между двумя госэкзаменами 16/ХІ-1954 года меня избрали в городе Карабаше на городской партийной конференции в состав горкома партии, а на пленуме - 1-м секретарем горкома.

Принял я дела и поехал в Москву сдавать последний госэкзамен. Все сдал отлично, и с 15 декабря 1954 года нам выдали дипломы и отчислили из школы, как окончивших ее. Начался новый период жизни - карабашский.

КАРАБАШ

Перед отлетом из Москвы в Карабаш я встретил Веру. Она после каникул в Москву уже не поехала, а здесь, перед окончанием школы, приехала для "ликвидации" моих московских дел. А я уехал.

Летели мы в Москву целый день, с тремя остановками.

Появился я в обкоме в субботу, в самом конце дня. Зашел к зав. орготделом Кочеткову Петру Михайловичу. Говорит: "Жду! Поезжай немедленно в Кыштым к секретарю ГК КПСС Спирину Борису. Он тебя к утру доставит в Карабаш и представит конференции". Так и получилось. Переночевал я в Кыштыме, а утром Спирин повез меня в Карабаш машиной (40 км).

Приезжаю. Сижу скромненько в зале, как представитель обкома, слушаю, как идет конференция (официальным представителем обкома на конференции был Ерасов - бывший секретарь обкома партии по лесной промышленности). А она идет плохо. Конференция превратилась в разбор дрызг и склок (кто про кого что сказал, кто машину не дал для поездки и т. д.). Недаром обком решил заменить всех трех секретарей (Соннова, Астахова и Бойко), председателя горисполкома и его заместителя (Подъячева и Плохих). Никакого мало-мальски ценного анализа состояния дел на медеплавильном заводе, в рудоуправлении (работали 3 шахты: Центральная, Ворошиловская, и им. Сталина - южная), в сельском хозяйстве в докладе не дано.

Запомнились мне данные из доклада по сельскому хозяйству:

- колхоз Мухаметово (был такой, - 7 км от города) получил хороший урожай пшеницы. Получил за урожай Серебряную медаль ВДНХ;

- хорошо работает. Имеет хорошие доходы. Хорошо обеспечивает колхозников, живет безбедно.

“Ну, думаю, -удачно попал: отличный колхоз, хорошо живут”. А что было в самом деле напишу ниже.

В общем, избрали меня (вторым избрали Свиридова Павла Ивановича - директора техникума и секретарем Апасову Веру Алексеевну - нарсудью). Принял я дела и поехал в Москву доучиваться - сдавать последний госэкзамен, получать диплом.

Обязательно надо было вернуться в Карабаш до Нового - 1955 года с тем, чтобы успеть выдать вновь принятым людям партбилеты.

Так и получилось, что Новый год я встретил в Карабаше один, а потом уж поехал в Усть-Катав за семьей. Семью не привез - оставил в Усть-Катаве до весны и жил один полгода. Привез Веру и Ольгу только в середине 1955 года.

Что такое Карабаш?

Карабаш - это в переводе с башкирского - “Черная голова”. В самом деле, в центре города, даже в центре завода возвышается черная горка.

Это город Челябинской области. Расположен он на восточном склоне Уральского хребта, на самой зеленокаменной полосе.

Город в настоящее время считается одним из самых грязных (экологически) городов Союза и входит в тройку городов, экологически самых неблагоприятных. Недаром весной 1990 года власти города (горсовет) настояли на закрытии медеплавильного производства и сейчас там проходит (должна проходить) его реконструкция. Завод не дымит.

Это сейчас. А в то время... Конечно, он в то время был очень грязным - медеплавильное производство страшно газило. В случае дождя весь газ над Карабашем превращался в слабый раствор серной кислоты. Шли кислотные дожди (сернистый газ - сера - раствор серной кислоты). В городе никакая зелень не росла или росла с трудом, при выпадении сернистых осадков все погибало. Кругом голо; черная земля и в городе, и в округе. Да еще откачка шахтной воды с раствором серы. Да еще отходы обогатительной фабрики с серой и прочим. Отходы шахтной воды с севера от города и обогатительной фабрики с юга превращались в грязные реки, все выжигали вокруг и в конце концов попадали в озеро Аргазы. Да еще голые горы вокруг - лес вырублен был еще в начале века англичанами, да и нашими тоже. Да еще горы черных отвалов-шлаков после медеплавильных печей, которые сваливали здесь же, на окраине завода и на окраине города.

Все это создавало удручающую картину. Когда приехала в город Вера и увидела все это, то несколько дней плакала: “Куда ты меня завез?”

Не удивительно, что такое экологическое неблагоприятие привело в наши дни (а оно, видимо, еще и усилилось) к закрытию медеплавильного производства.

А в наше время тогда было по-другому. Где-то в 1955 - 1956 гг. стали усиленно муссироваться слухи, мысли (это в Москве, в Министерстве) о необходимости закрыть завод. Причина - его нерентабельность.

Завод и рудоуправление вместе получали дотацию от государства около 48 млн. рублей в год. 60-70% сырья - руды завозилось извне, своей руды не хватало. Завозилась руда из Джесказгана (Казахская ССР), очень дорогая. И в Министерстве родилась мысль закрыть завод. Благо, медеплавильные мощности в стране были недогружены.

Один из заместителей министра цветной металлургии (министром был Ломако П. Ф.) выступил на эту тему с большой статьей в журнале “Социалистический труд” - закрыть завод, как нерентабельный.

Мы в городе всполошились. А как же люди? Куда их деть? Какой работой загрузить? Это же 3 - 4 тысячи работающих. У всех семьи (это 12 - 15 тысяч жителей). У всех есть жилье - в основном - частное. Как быть?

Поехал я в обком (промышленностью ведал секретарь обкома партии Салмин Александр Тимофеевич). Он замахал руками и ногами:

“Что ты лезешь? Министр лучше знает, что делать. Закрыть - значит закроют. Заниматься не буду и ты не лезь”.

Пошел ко 2-му секретарю обкома Соломенцеву Михаилу Сергеевичу (будущий член политбюро ЦК КПСС). Он тоже отмахнулся.

А здесь вскоре областная партийная конференция. Приехал на нее Аристов А. Б. - секретарь ЦК, член политбюро, наш бывший 1-й секретарь обкома партии. Я исхитрился и встретил его во время конференции, попросил принять нашу карабашскую делегацию. Он согласился и назначил нам время на завтра (конференция шла два дня).

Я опять к Соломенцеву. Он озаботился. Подсказал нам, чтобы мы с голыми руками к Аристову не ходили, подготовили краткую записку и показали ее ему, Соломенцеву. Так мы и сделали. С запиской утром пришли на прием (я, Демьяник, Хамылов, Осипчук, еще кто-то). Я кратко изложил просьбу. Аристов замахал руками: “Все понял. Карабаш пускай себе газит, никому особенно не мешает. Нас особенно волнует, как быть с цинковым заводом, который газит в центре Челябинска, отравляет воздух вокруг”.

И начал нас спрашивать о городе, о шахтах. Как тот дед живет, как этот?...

Он, оказывается, бывал в Карабаше, работал на шахтах, когда был студентом на практике.

Через неделю после конференции появился на заводе 1-й заместитель министра Стригин Иван Алексеевич. Пригласил я его в ГК КПСС, и разговор шел уже не о закрытии завода (эти разговоры сразу прекратились), а о том, как строить, что строить, что достраивать. А достраивать было что. Еще до войны началась постройка железно-дорожной ветки нормальной колеи Кыштым - Карабаш (работала узкоколейная железная дорога). Но так и застряла.

Также до войны начала строиться шахта Ново-Капитальная и также не строилась. Еще что-то (в 1957-1958 годах они были достроены и пущены). Конечно, об экологии (к сожалению, было не до того) мы молчали, хотя что-то немалое и делали (например, электрофильтры по очистке газа или извлечение и отгрузка серы).

Карабаш! Стоит он по истине на золотой (в смысле богатейшей) земле.

Зеленокаменная полоса идет с северного Урала до Оренбуржья с восточной стороны хребта. Вдоль линии разлома земли здесь и свердловские медные рудники, и уфалейский никель, и Карабаш, и Ильменский заповедник, и Учалы, и башкирские и оренбургские рудники.

В начале нашего века Карабашем владели англичане - Концессия Уркварта.

В 1955 г. в Карабаш приезжал писатель Н. Павлов. Он подарил мне свой роман “Чужаки”. Это роман о Карабаше, о людях, об англичанах, которые нещадно эксплуатировали богатства Карабаша, “снимали сливки”,

как выразился автор. Сейчас я второй раз перечитывал эту книгу. Она - невелика классика в нашей литературе, но ярко показывает жизнь в Карабаше в начале века до революции и, особенно, действия "чужаков", английских Концессионеров.

Карабашское медеплавильное производство было организовано англичанами в начале 20-го века (что-то было и раньше). Завод был построен и пущен в 1910 году. Советской властью после революции был восстановлен, заново переоборудован и 2-й раз пущен уже в 1925 г. Оно было основано на богатейших месторождениях медной руды. Было построено 5 - 7 шахт. В 1955 году было только 3 шахты, в 1958 - тоже три: Центральная, Ново-Капитальная (открыта вместо Ворошиловской) и Южная (бывшая Сталина).

Руду они добывали полиметаллическую.

Конечно же, из руды, которую добывали в шахтах, извлекалось далеко не все (а всего она содержала 20 элементов таблицы Менделеева).

В слитках, выплавляемых из руды в шахтных печах, получали медь, немного золота и серебра, цинк. Потом слитки на кыштымском медеэлектролитном заводе электролизом разлагали и получали чистые элементы названных металлов.

Серу получали из хвостов обогатительной фабрики (которая руду обогащала перед плавкой и извлекала из нее медь с примесями золота, серебра и цинка).

Крохи селена и теллура добывали из пыли, полученной в результате очистки газов. Железо, которое в руде составляло 45-48 % и было соединено с кремнием, выбрасывали в шлаках. Также выбрасывали и остальные элементы.

Павлов пишет, что 5 %-я медная руда уже выбрасывалась в отходы.

Мы добывали руду - примерно 1, 7-1, 8 %, редко выше. Однажды приехала делегация из Чехословакии (1956 год), и их инженер говорил: "Нам бы ваши отбросы, - то есть то, что менее 1 % меди в руде, - мы бы обогатились."

В 1957-1958 годах шахты (Центральная) достигали глубины 800-900 м, а перспектива была на 1200 - 1300 метров. Они объединялись Рудоуправлением с подчинением Москве.

Директором рудоуправления был Осипчук Владимир Феофанович. Начальниками шахт были Брагин Михаил Дмитриевич и Ваулин Василий Александрович. Главным инженером рудоуправления был Молоток. В первый год работы секретарем ГК КПСС (и не только в первый год) я много занимался шахтами и не только шахтами, а в целом - производством. Сейчас общепринято считать, что партийные органы не должны заниматься производством, не должны подменять хозяйственников. Видимо, это правильно.

А как я должен был действовать?

Ближайшее знакомство с шахтами, мало-мальски анализ их работы (а этот анализ я проводил лично, без особых комиссий и справок) показали, что производительность труда по рудоуправлению в целом была ниже довоенного уровня 1940 года на 30%... Этого администрация или не видела, не замечала, или не хотела замечать. Это несмотря на кое-какие технические новшества на шахтах (например, до войны и в годы войны руду в шахтах и породу возили на лошадях - были подземные конюшни, - а теперь электровозами).

Добыча руды упала против довоенной и в целом на работающего и на подземного рабочего, и на забойщика. Помню, что добыча руды на забойщика равнялась 0, 27 куб. м на человека в смену и я еще шутил, что руду, которую дают забойщики в смену, можно вынести из шахты шапками.

Стал я разбираться и выяснил, что:

- например, штат надземных рабочих (уборщики, банщики, ламповые и т. д.) очень раздут. Всех, кого выводят с подземных работ на поверхность, так или иначе устраивают на вспомогательную работу на поверхности;

- например, из-за плохого содержания, низкого уровня эксплуатации, несвоевременного проведения ремонтных работ давление воздуха нормальным в шахте никогда не было и до отбойных молотков шахтеров никогда в норме не доходило, - шахты Центральная и им. Сталина (Южная) работали ниже проектной мощности и так далее.

На отчетно-выборной городской партийной конференции в конце 1955 года я все это рассказал и были поставлены задачи на 1956 год:

- достижение проектных мощностей по шахтам Центральная и имени Сталина;

- достижение в течение года довоенного уровня производительности труда.

Мы поручили члену бюро ГК КПСС Осипчуку Владимиру Феофановичу (директору рудоуправления) по итогам гор. партконференции выступить перед коммунистами шахт с докладом и разъяснить суть поставленных задач.

Осипчук выступил, но... ни словом не обмолвился о том, как важно и как нужно повышать производительность труда на шахтах, что нужно делать.

Пришлось его специально приглашать в ГК КПСС и заново поручать повторно собрать коммунистов и разъяснить обстановку и задачи, и, кстати, свою ошибку. Он это сделал. Меры были приняты и уже в 1957 году добыча руды и на человека в целом по рудоуправлению, и на подземного рабочего, и на забойщика была выше довоенной.

В работе шахт запомнилось много хорошего. Запомнилось много хороших людей. Это Струтинский, Чуличков, Бабин, Гушин, Глазырин, Жарков, Краснов, Пехтерев, Кухаренко, Айменов.

Конечно, я не вел специально записи, надеялся на память, да и писать тогда не собирался. А жаль!

Запомнилось: когда мы беседовали на бюро ГК КПСС по поводу приема в члены партии забойщика шахты Центральная Пальчикова В., всех удивил его уровень экономических знаний (себестоимость руды, производительность, расход материалов на шахте и др.). Значит то, что мы "Решили", что "постановляли" и "обсуждали" до людей доходило и это было самым главным.

Теперь о медеплавильном заводе.

Директором завода был Демяник Константин Алексеевич. Главным инженером - Саханский Николай Андреевич (сначала был Казаков. Сменился в 1956 году). Секретарем парткома - Хамылов Максим Семенович (бывший начальник медеплавильного цеха). Начальник медеплавильного цеха - Мельников. Начальник железнодорожного цеха (позже председа-

тель горисполкома) Бессонов Георгий Иванович. Начальник обогатительной фабрики - Шалимов (до этого - Байбулов. Он же в будущем главный инженер, а потом директор завода).

Главный механик завода - Реунов Иван Степанович. Был Гетманский (после Хамылова секретарь парткома завода). В комитете комсомола был Иванов Георгий.

В общем, людей запомнилось тоже много и не только начальников. На заводе славились Сретинский, Кочетков, Баранов, Кожевников, Ваганов, Шуткин, Абдалов, Дмитрин, Энцман, Кононова, Шульгина, Пескова, Головина (эти все обогатительная фабрика).

Завод работал с большими убытками, получал от государства миллионные дотации.

Причины были разные:

- дорогая руда, особенно джесказганская;
- высок расход электроэнергии и топлива;
- очень низкий уровень извлечения сопутствующих элементов (например, серы, цинка). А десятки и сотни тысяч тонн шлаков, которые содержали почти 50 % железа и могли бы пойти на изготовление строительных материалов или сырья для черной металлургии или на дорожное строительство (брусчатка), просто выбрасывались.

Миллионы тонн этих шлаков и сейчас лежат горами вокруг Карабаша. При мне энтузиасты с завода пытались что-то сделать из этих шлаков - производить брусчатку, мостить дороги. Но это только энтузиасты. Ни дирекция завода, ни Министерство никаких попыток не делало - не было никакой заинтересованности, и все опыты этих энтузиастов пошли прахом:

- низкий уровень организации труда. Много ручных работ. Ломик, кувалда, лопаты во многих цехах - основной инструмент;
- раздут управленческий аппарат.

На той же партконференции 1955 года была определена задача - завод должен стать рентабельным, устранить многочисленные прорехи и шероховатости в работе.

На заводе была заменена руда. Вместо дорогой джесказганской подошла руда из Учалов. Была построена железнодорожная ветка Учалы - Миасс. А от Миасса до Карабаша дорога тоже проектировалась. Ее даже начали строить, но бросили.

Были приняты другие меры.

Уже в 1956 году горком партии предложил Министерству объединить рудоуправление и медеплавильный завод в единый комбинат. Что получилось?

Множество жалоб, взаимных претензий и обвинений между заводом и рудоуправлением разрешалось через Москву, через МИНЦВЕТМЕТ. Через Москву между ними шел полноводный поток писанины. Министерство согласилось.

Директором медеплавильного комбината стал Демяник К. Л., а Осипчук В. Ф. его замом с сохранением оклада (кстати, персональный оклад директора рудоуправления Осипчуку В. Ф. был утвержден еще Сталиным в годы войны).

Все встало на свои места.

Теперь уже единой стала задача в целом по комбинату увеличивать производство - выпуск продукции, увеличивать производительность труда, снижать себестоимость продукции - меди, добиваться рентабельности производства.

Над этим и шла упорная работа администрации Комбината, парторганизации, в целом горкома партии.

Это был не просто лозунг, не просто политическая шумиха. Это была действительно жизнь, борьба (да, борьба. Борьба за выживание. Не забудьте, что стоял вопрос о закрытии медеплавильного завода из-за убыточности). У меня сохранилась справка, копия статьи в "Карабашский рабочий", - городскую газету. Она была написана в порядке подготовки к городской партийной конференции, которая прошла в конце октября 1958 года. Тогда у меня и в мыслях не было уезжать из Карабаша. Я собирался продолжить работу в городе.

Статью - справку я, как всегда, готовил сам, никакими заготовками не пользовался. Были приведены цифры 8 месяцев 1958 года в сравнении с 8 месяцами 1955 года %.

Вот они:

1) Валовая продукция в целом по комбинату - 112 %,

2) Добыча руды:

а) по шахте Центральная - 113 %, производительность труда - 127,3 %;

б) по шахте Южная (им. Сталина) - 130,5 %, производительность труда - 160 %.

Причем проектные мощности по обоим шахтам были превышены. В городе шахт осталось только две, т. к. шахта Ново-Капитальная была слита с шахтой Центральная.

3) Переработка руды по обогатительной фабрике - 117,5 %;

4) Выплавка черной меди - 115 %;

5) Производительность труда на заводе - 119 %.

Рост производительности был достигнут на тех же мощностях при общем снижении количества рабочих на 13 %.

Что касается себестоимости и рентабельности, то здесь картина такая:

- если в 1955 году в целом по комбинату плановые убытки (Государственная дотация) составляли около 48 млн. рублей, то на 1958 год они планировались в размере 15 млн. рублей, а составили за 8 месяцев только 4,7 млн. рублей.

За этот период себестоимость 1 т руды снижена на 8 %, себестоимость металлургического передела снижена на 20 %, расход электроэнергии на 1 т меди на 17,3 %, а условного топлива на 37 %.

Теперь о сельском хозяйстве. Я уже писал, как хорошо оно выглядело в отчетном докладе ГК КПСС в 1954 году, когда я был избран. На самом деле было вот что.

У медеплавильного завода было подсобное хозяйство. Оно работало само по себе, нормально.

А в составе города, на его территории (деревня Мухаметово в 7 км от города) был колхоз им. 9 января. Председатель колхоза Баловнов Сергей. Его колхоз хвалили (Серебряная медаль ВДНХ за урожай, хорошие доходы, безбедная жизнь). Стал разбираться.

Оказалось: у колхоза около 200 га пахотной земли, сеет пшеницу, отличные урожаи (12 - 15 ц с га) - медаль, но зерна собирает крохи (городу на 1-2 дня). Ничего больше не производит. Картофель не садит, овощи тоже. У колхоза всего 7 коров, т. е. ни молока, ни мяса. В то же время город (предприятия) над ним шефствует. Выделяет на посевную и уборочную

людей, транспорт, уполномоченных и ничего от колхоза, в конечном счете, не имеет.

Ничего. Живет колхоз за счет веников. На его территории много березы, вот он веники и готовит для предприятий (например, прокатное производство в металлургии расходует очень много метелок).

По стране и по области тоже в этот период - 1954 - 1955 годы - шло освоение целинных и залежных земель. Мы гектаров 300 нашли у колхоза заброшенных, пустующих земель и распахали их. Десятка два семей нашли на предприятиях города, желающих поселиться в колхоз (на целину!). Как-то оформили им ссуды и построили домики - усадьбы. Целую улицу (за это и не только за это, а и за помощь в освоении целинных и залежных земель в области, за участие в этом деле мне была вручена медаль "За освоение целинных и залежных земель"). Колхоз мы понудили сажать картофель и овощи, разводить скот, заниматься молоком, построили пару коровников, завели количество коров до 200 голов.

Где-то в 1956 году прошла волна (и по области тоже) по ликвидации убыточных захудалых колхозов и передачи их со всеми людьми и имуществом в совхозы.

Решили и мы ликвидировать свой колхоз (наш городской нахлебник, на который работал весь город, но никакой отдачи не получал), передать его совхозу - подсобному хозяйству завода.

Собрали общее собрание колхоза. На собрание поехал я и взял с собой Вибе Бориса Яковлевича. Борис Яковлевич (муж Апасовой Веры Алексеевны - секретаря ГК КПСС) был ветеринарным врачом, заведующим городской ветлечебницы.

Борис Яковлевич по своей натуре очень энергичный человек. Он был всегда активным сторонником сельского хозяйства в городе, постоянным и непререкаемым помощником в сельскохозяйственных делах горкому КПСС и горисполкому, участником всех городских мероприятий, касающихся сельского хозяйства.

Неожиданно для меня на собрании мы встретили яростное сопротивление колхозников предложению распустить колхоз и передать его совхозу (людям, землю, имущество).

Шли долгие прения с возражениями о роспуске колхоза, с выступлениями типа:

- А кто мне лошадь отдаст, мой отец сдал в колхоз свою лошадь.

- А кто мне корову вернет?

- А кто возвратит телегу?

Так шло собрание долго, весь вечер, пока я не выступил и очень резко не заявил:

- Ну живите как хотите. Мы больше к вам ни ногой. Никакой помощи колхозу оказывать не будем и не просите. В город больше не обращайтесь.

Только после этого демарша собрание с предложением о роспуске колхоза и о переходе в состав совхоза согласилось.

Решение было принято.

Не теряя времени, на другой же день все формальности были выполнены, бумаги написаны, печати поставлены, и я поехал в обком партии.

Докладываю Лаптеву Николаю Васильевичу (1-й секретарь обкома) и рассказываю ему как мы "прикрыли" колхоз.

- Что же вы наделали? Ведь решение ЦК партии и Совмина касалось

только тех колхозов, которые передаются совхозам Министерства сельского хозяйства. А вы ликвидировали колхоз и передали его подсобному хозяйству Министерства цветной металлургии. Таких разрешений и указаний не было.

А потом немного подумав, говорит:

- Ну молодцы! Пусть будет так!

К 1958 году положение с производством молока, картофеля, овощей, и обеспечением ими города было в значительной мере поправлено. Хотя все проблемы решены не были (как не решены они и сейчас, видимо).

Надо сказать, что снабжением города занимается ОПС Медьпродснаба (начальник Копысов М. К.), и мы в значительной мере скрывались, прятались за этой вывеской, за нарядами с красной полосой (это фигурально), которые он имел. Это сглаживало недостатки в работе местного сельского хозяйства и недостатки в работе колхоза, его бесплодность никто из руководства не замечал.

Борис Яковлевич уже после моего ухода был направлен в торговлю и успешно работал начальником Медьпродснаба в городе.

Я пытался привезти его в свой город, Златоуст-36, но он отказался.

Хочу остановиться на некоторых отдельных вопросах работы и жизни в Карабаше. Они помогут лучше понять обстановку, стиль, методы, проблемы, нужды.

В первые месяцы моей работы в Карабаше мне позвонил 2-й секретарь обкома Беспалов А. Н. и сообщил, что едет в Карабаш.

У нас в городе жил его отец и он больше ехал к нему, но как не побывать в горкоме и не узнать как идут дела у нового секретаря.

Мы договорились, и я встретил Беспалова на полдороге, пересел к нему в машину и мы стали беседовать. О том, о сем, как я обживаюсь в городе, как идут дела, какие проблемы. Я его спрашиваю:

- Алексей Николаевич, скажите как быть. На Осипчука поступило заявление, что он использует служебное положение и на служебной машине ездит к себе на дачу, на озеро Увильды, на рыбалку?

Беспалов меня спрашивает:

- А как дела у него идут в рудоуправлении?

- Все нормально - говорю. - Планы выполняются. Показатели все в норме.

- Ну раз дела идут, пускай ездит, окуней ловит. Лишь бы дела шли.

Так я получил установку и придерживался этой установки всю оставшуюся жизнь.

Лишь бы дела шли на производстве. Пусть ездят. Пусть пользуются для этого и служебным транспортом. Надо сказать, что для Карабаша выезд за город на природу, от страшной загазованности подышать свежим воздухом было очень важно. Для всех, а не только для начальства. На территории города расположено 33 озера (богатство!!)

Большинство жителей выезжало на жемчужину Урала - озеро Увильды, на Аргизи. Но не только на них, а и на все другие озера. Например Агардич, Богородское, Белое. Добирались до уфимского (недалеко, 7 км, но дорога очень тяжелая).

Большинство любителей держали на озерах лодки. Многие держали моторки, мотоциклы - ездили на грузовых, на рейсовых, на попутных. На берегах озер строили дачки - рыбацкие домики. Мы на все это смотрели пошрительно, а на использование служебного автотранспорта сквозь пальцы.

Верно, все это должно было быть в определенных рамках. В других вопросах использование служебного положения строго пресекалось.

Сообщили как-то нам, что начальникам шахт (Ворошиловской - Ваулину, Центральной - Брагину) Медьпродснаб завез на квартиры мясо, по барану (хотя торговля была свободной, без карточек).

Мы немедленно вмешались, потребовали прекратить такой вид торговли мясом вернуть, разбирали это даже на бюро. В 1957 году бюро ГК КПСС приняло решение об освобождении от работы директора завода Демяника К. Л. За что?

Поползли слухи по городу, что директор завода "балуется" с секретаршей, отдает ей предпочтение. В горком пришла жена Демяника (Ирина Борисовна), пожаловалась, попросила помочь уйти от него, получить квартиру. Мы собрали бюро (он был членом бюро ГК КПСС), долго обсуждали и приняли решение:

- Считать невозможным дальнейшее использование Демяника К. Л. в качестве директора завода (наверное, в нашем решении все-таки сыграл некоторую роль и тот факт, что Демяник был человеком не очень общительным, "нелюдим", как говорят в народе).

Я поехал в обком партии и рассказываю об этом решении секретарю Обкома Салмину Александру Тимофеевичу.

Он:

- Что вы наделали? Как это можно? Так же нельзя.

Говорю ему:

- Если считаете наше решение ошибочным, отменяйте. Отмените наше решение официально (директор медеплавильного завода был в номенклатуре обкома и даже ЦК партии, т. е. ими утверждался в должности).

Конечно, никто решения бюро отменять не стал. Директором был назначен Саханский Николай Андреевич (главный инженер).

Челябинский Совнархоз (был уже такой) запросил с нас согласия (не будем ли мы возражать?) о назначении Демяника заведующим отделом управления цветной металлургии и химической промышленности Челябинского Совнархоза - мы не возражали. Позже он работал директором Челябинского цинкового завода.

Работая в горкоме, я никогда не допускал разбирательств (обычно принятых тогда во многих организациях) почему и кто не пришел на собрание, конференцию, а строго выполнял свой принцип: для того, чтобы начинать вовремя, надо начинать вовремя.

Запомнился случай: как-то летом в субботу (был тогда только один выходной день) мы собрали (вынуждены были собрать в этот день) собрание городского профсоюзного актива. Многие руководители (начальники шахт, цехов, участков) на это собрание не пришли (рвались за город).

Сделали мы просто. В понедельник после работы собрали тех, кто не пришел в ГК КПСС и... провели это собрание дополнительно.

В начале своего доклада я сказал, что поскольку в субботу многим из профактива было некогда прийти на собрание, но что этих людей мы продолжаем все-таки считать в составе профсоюзного актива, то решили их дополнительно собрать и собрание провести. Я начал доклад. Присутствующие взмолились, чтобы на этом собрании закончить, что они ошибки свои осознали и так далее. Собрание мы завершили, обошлось без всякой ругани, без разбирательства, но больше такого не повторялось.

В 1957 году мы готовились, а потом активно отметили 40-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции. Именно к этому времени был приурочен проезд в город писателя Н. Павлова, о котором я писал. Он бывал в Карабаше и раньше. Встречались мы с ним за 2 - 3 года до этого (сестра его - Начатая - работала у нас в горкоме инструктором). Именно тогда завершал он сбор материала к своей книге "Чужаки".

Запомнил я, что он правильно и справедливо критиковал, упрекал нас за то, что мы плохо следим за могилой 96 замученных колчаковцами карабашских партизан, о которых он пишет в конце своей книги. Что могила их, где они похоронены - у церкви на южной стороне Карабаша находится в запустении. Что в таком же запустении находится и памятник на месте заброшенной шахты около деревни и озера Тургояк, где были зарублены и сброшены в шахту эти 96 партизан.

Примерно с такой же миссией - вспомнить и отметить годы гражданской войны - приезжал в 1958 году другой карабашец, тоже писатель - Степан Герасимович Пичугов. Он тютюнец. Работал раньше, до революции в Карабаше. Он тоже подарил мне книгу "Неизвестными путями." Это своего рода мемуары о гражданской войне, которую он начал партизаном в Тютюнях и Карабаше и закончил командиром полка Красной Армии в Сибири после разгрома Колчака.

Памятные места для карабашцев, конечно, мы привели в порядок (относительный), провели значительную работу по восстановлению истории партизанского движения в Карабаше, постарались разыскать участников революционных событий тех лет и близких погибших партизан от карателей.

У меня сохранилась фотография 1958 года, где сфотографированы группа старых шахтеров-партизан и участников революционных событий в Карабаше и на Урале в 1917-1920 годах.

На фотографии:

- организатор - комиссар партизанского отряда Никитин (Виноградов) член партии с 1917 года;

- члены партии Панов А. Д. (1917 год), Десятков К. Н. (1919 год), Бычков А. Я. (1920 год), Кузовков А. М. (1917 года), Томсон Е. А. (1919 года), Тарасов А. П. и Тарасова П. А. (1925 и 1926 годов), Купче А. Г. (1920 год), Юдина Е. Н., Глазкова Ф. Т., Беспалова А. М., Пичугова Ф. Ф. (жены партизан и участников революционных событий), а также беспартийные Колотушкин Ф. Т. (Куропяткин), Морозов Ф. И. (Таранов), Маркин Н. А., (Орлов), Архипов Н. Д. (Засыпкин), Сысов В. В., Курчатова А. М., Никитин А. М. (Соловьев), Букин В. П. (Богданов) и другие.

В 1958 году перед моим отъездом в аппарате ГК КПСС работали Лапшина А. Ф., Заварницин, Сомов, Воронов.

Членами бюро ГК партии были, кроме, меня Осипчук В. Ф., Свиридов П. И., Саханский Н. А., Гетманский, Бойко, Пичугов, Ширяева и др.

Аппарат у нас был дружный, сплоченный, работоспособный. Фотографии сотрудников у меня тоже сохранились.

В эти годы мы активно сотрудничали с соседями. Например, с городом Кыштымом были установлены самые дружеские связи. 1-м секретарем горкома КПСС там был И. В. Булатов. Мы часто встречались.

Обменивались опытом работы, вместе организовывали отдых людей городов Кыштыма и Карабаша, проводили массовые встречи жителей двух городов в выходные дни.

Помню, кыштымцы приезжали к нам несколькими машинами. Встречи с музыкой, с концертами, с соревнованиями и с буфетами проводились на озере Агардяш.

Другого типа дружба была у нас с соседним закрытым городком. Дружба односторонняя. Они у нас бывали, мы у них нет.

Очень по-хорошему дружили мы с генералом Павловым Василием Павловичем - начальником строительства, с полковником Орловым..., начальником объекта, с начальником политотдела Башкировым Зия Ахметовичем. Они нам помогали в строительстве. В частности, помогали доставлять железнодорожную ветку от Кыштыма. Помогали внепланово начинать асфальтировать город (даже, кажется, без денег). В частности, ими была заасфальтирована 1-я улица в городе... Это было начало асфальта.

К этому же времени (1956-1957 годы) относится создание в городе строительного участка (вначале чуть ли не треста) шахтостроя. Было это после посещения города заместителем министра Стригиным И. А.. До этого никаких строительных организаций в городе не было. Был ОКС завода и все.

В создании шахтостроя активную роль сыграл Челябинский Совнархоз (он уже был) и его Управление цветной металлургии и химической промышленности (начальник управления Сарычев).

К этому же времени относится "Генеральное наступление" на озеленение - прокладка сплошной аллеи от южной части города до северной. Весь этот участок города (это 7-9 км) мы разбили на отдельные отрезки и закрепили за отдельными, пусть даже небольшими организациями. Собрал я руководителей этих организаций у себя в горкоме и дал задание посадить деревья, создать через весь город аллею (это вопреки господствующему мнению - что не сади, все равно погибнет).

Работа была выполнена. Аллея посажена. Особенно активно озеленяли свои участки горветлечебница (Вибе Б. Я.) и медеплавильный завод (зам. директора завода, член бюро ГК КПСС, бывший секретарь ГК партии Бойко П. Д.). Не все деревья по этой аллее прижились, конечно. Но многие. Особенно на участках ветлечебницы и завода. И сейчас еще стоят уже могучие тополя на этой бывшей, не состоявшейся до конца, аллее. Очень жаль, что эта работа не была продолжена в 1959 и последующие годы.

Как увлекающуюся натуру, меня захватывали и многие другие стороны жизни города:

- Родается телевидение. Челябинск создает телевизионную станцию и дает свои передачи. Принимает через Свердловск, Москву и транслирует ее на область. Как нам остаться в стороне? Начиная и мы (на голом энтузиазме) создавать свой ретрансляционный телевизионный пункт. Где-то достаем оборудование, шныряем по округе, ищем подходящую горку. Устанавливаем 20-30-метровую вышку.

К моему отъезду из города ретранслятор был пущен.

Энтузиастами и активными участниками установки и пуска ретранслятора были Белкин (начальник почты), Реунов И. С. (главный механик завода), Савостьянов (начальник ОКСа завода).

- Надо активизировать художественную самодеятельность в клубе - активно создаем городской хор ветеранов.

Подбираем хормейстера. Долго уговариваю взяться за руководство хором пожилую учительницу музыки. Обещаем ей обеспечить посещаемость и дисциплину. Опираясь на энтузиастов пения, составляем списки

возможных участников хора. Приглашаем их в горком - и сразу, сходу проводим репетицию.

Репетиции проводим регулярно. Я на них тоже хожу, в хоре пою. Потом уже подготовленный хор с успехом выступает в клубе (я не участвовал) и выступает неоднократно. Я уехал, не знаю чем закончилось.

- Надо усилить футбольную команду, - занимаюсь ей.

Собираю. Хожу на тренировки. Езжу с командой (за командой) по городам, смотрю ее выступления (Кыштым, Коркино). Беседую с футболистами в перерывах, даже пытаюсь давать советы, как играть (конечно далеко не компетентные). По опыту учебы в ВПШ рекомендую (и организую даже) давать футболистам в перерыве глюкозу (де снимает усталость!). Сам с удивлением замечаю, что к концу игры у футболистов нет обычной изматывающей усталости, они бодры и готовы играть еще.

Не знаю, что это давало, но, кажется, команда была на должном уровне. Помню, что в городе иногда проводились выступления ветеранов футбола и в них участвовали даже Вибе Б. Я. и, кажется, Реунов И. С. То же с хоккеем (хотя хоккей был только с мячом).

- Когда в стране началась компания по развитию жилищного строительства, включились и мы (хотя особой остроты с жильем, вроде бы, и не было). Начальникам шахт, цехов, участков мы в горкоме давали задания-разнарядки и они выполнялись. Жилье строилось из разных вспомогательных материалов (крепельный лес у шахт, старый оплавленный кирпич у медеплавильного цеха, шпалы у железнодорожного цеха и т. д. Помню, что в 1957 году всего в городе было построено жилья около 11 т кв. м вместо обычных 1, 5 - 2, 0 т кв. м, которые строил ОКС завода.

Еще хотелось бы записать то, как я бросил курить. Нет, не бросил, а перестал курить.

Было это летом 1957 года. Меня много раз уговаривали приятели: "Давай, бросим; давай, заключим пари на бутылку коньяка - у кого больше сила воли". Я отнекивался: "Нет, не буду; нет бросать курить не собираюсь".

И вдруг случай.

Готовились мы к бюро ГК. Я последний раз просматривал какой-то острый проект решения. Курил непрерывно. Вдруг папиросы кончились. Вызвал звонком помощника:

- Александра Федоровна! Достаньте мне, пожалуйста, папиросу. У меня кончились.

Она принесла. Закурил. Через полчаса опять звоню:

- Пожалуйста, достаньте еще.

- Нет, - говорит. - Уже перерыв. Все ушли и Вам тоже надо идти обедать, а то скоро бюро. Можете не успеть.

Собрался я и пошел домой. Думаю: на пути 3 ларька, папирос куплю. Задумался и прошел мимо. Рассердился на себя: - склерозник. Забыл, что у меня кончились папиросы. Дома папирос тоже не оказалось. Думаю: пообедать быстренько, пойду на работу и куплю по пути.

На обратном пути опять прошел все три точки, а папиросы не купил. Опять забыл.

Пуше прежнего обиделся на себя. Совсем память отшибло. Больше курить не буду. И с тех пор не курю. Ребята уговаривали, удивлялись,

угощали, - нет, не буду. Через месяц как-то выпил и попробовал закурить, - нет, уже не идет. И так уже 33 года не курю. Курил я 26 лет. Выкурил, как потом подсчитал, около 1 т табаку. Бросил очень своевременно.

Был худым и за год поправился на 12 кг. Потом все стабилизировалось. Кашлял, - перестал. Болел желудок. Врачи определили у меня начало Эмфиземы легких, - все болезни прошли, очень вовремя перестал курить. Убежден, что курить бросить просто. Что напрасно нагнетается мнение, что курить бросить - трудное дело. Нет, не согласен. Надо просто не курить и все пройдет, кончится всякая привязанность к табаку, что это все баловство, причем баловство вредное.

А как не написать, что эти годы - годы рождения космической эры. В 1957 году впервые у нас, а не где-нибудь, был запущен 1-й космический спутник Земли.

Как мы гордились! Как радовались за свою страну, что она первая прорвалась в космос!

Тогда радио сообщило, когда, где пролетит спутник и его радиосигналы ту..., ту..., ту... Высыпали на улицу и смотрели как летит спутник - мигающая звездочка. Это продолжалось каждый вечер.

Те времена еще не назывались "застойными". И если в атомных делах мы недавно догоняли американцев, то теперь в освоении космоса уже американцы догоняли нас. У них спутник был запущен значительно позже.

Наконец, рассказывая о Карабаше, никак нельзя обойти вопрос об отдыхе, о природе.

Видимо, сложность экологической обстановки, загазованность города и мрачность городских ландшафтов обусловили то, что карабашцы острее других людей чувствуют природу, радость и необходимость общения с природой.

Я уже писал, что на территории города расположены 33 озера и среди них такие, как жемчужина области и Урала-Увильды, а также Аргази, Агардьяш, Богородское и другие.

Многие старались иметь на озере дачки-домики, лодки (а иногда и моторные), использовать любую возможность, чтобы вырваться из города, уехать на озеро, на рыбалку.

Такого стремления почаще выезжать из города на озера, на природу я, пожалуй, нигде больше не встречал.

Вот такой здесь контраст: с одной стороны мрачность и экологическая загрязненность города и с другой стороны привлекательнейшая природа с ее озерами и, особенно, озеро Увильды. На территории города, на берегу озера Увильды расположен был дом отдыха "Красный камень" (теперь турбаза. Зря дом отдыха ликвидировали). Директором его был простоватый мужик, но хороший хозяйственник (иногда ходил по своему дому отдыха в галошах на босу ногу) Топоров Петр Зиновьевич. Вокруг "Красного камня" как бы концентрировались места отдыха людей. Он был каким-то микроцентром, который притягивал к себе карабашцев (но и не только карабашцев. На озере, в этот район приезжали и миассцы, и челябинцы, и свердловчане). Напротив дома отдыха через заливчик - пионерлагерь медеплавильного завода. Рядом с ним - домик Вибе Б. Я., с другой стороны, тоже через залив, "директорская" (заводская) дача. Еще дальше, по берегу заливчиков, домики Мельникова (начальника медепла-

вильного цеха), Хамылова (секретаря парткома завода), Иванова - директора хлебозавода, Осипчука В. Ф., Ваулина В. А.; брата его Ваулина И. А. (механика шахты) По существу, весь берег озера захвачен, заселен дикарями, и это стало наносить вред озеру.

Еще при мне начал раздаваться робкий голос облисполкома о том, что озеро надо охранять.

Стали появляться решения облисполкома о запрещении..., об освобождении захваченных участков и т. д. Появились энтузиасты этого дела (например, Мельников, начальник медеплавильного цеха, областная печать его стала называть даже директором Увильдов).

Но дело дальше бумаг, решений, печати по защите озера не двигалось, а сейчас, кажется, заглохло.

Мы и в то время, в начале этого движения, активности в деле освобождения берега не проявляли (а берег Увильдов выходит на 3 района: Карабаш, Кыштым, Аргаяшский район).

Считали, что людям надо отдыхать и отнимать у карабашцев такую возможность нельзя.

Точно сказать, чем закончилась эта борьба за охрану озера, за его чистоту я сейчас не могу.

Мы с семьей за 4 года в Карабаше отдыхали только на озере Увильды. Ни разу ни на какой курорт не ездили.

Началось это с того, что в 1955 году перед отпуском я спросил Демяника, когда и как он будет отдыхать и не будет ли свободной заводская дача.

Он ответил, что они семьей поедут на курорт, и дача будет свободной. Можно ее занимать.

- Однако, - говорит он, - я уже обещал отдать ее на это время Власову П. С. - бывшему директору Мышьяковского завода. А ныне директору завода в Глазово. Он на озере Увильды отдыхает ежегодно и опять хочет приехать.

- Что ж, пускай приезжает, - ответил я ему. - Устроимся вместе. Места хватит.

И мы с Верой и Ольгой заняли эту дачку - домик (2 комнаты, кухня, веранда, двор). Стали отдыхать. Появились моторная и еще простая лодки.

Стали ловить рыбу, варить уху... Через неделю появляется легковая машина (Победа) с прицепом, и на нем лодка. Приехал Власов Павел Семенович с женой Евдокией Александровной, с сыном и шофером. Быстро познакомились, подружились и стали вместе отдыхать. Из 4-х лет мы 3 лета отдыхали с Власовыми. Дважды, при мне, он приезжал машиной из Глазова и один раз, тоже машиной, уже из Новосибирска (был там директором завода). В 1957 году не приезжал - лечился на курорте от облучения. Лодку каждый раз оставлял у кого-то из карабашцев.

Время это запомнилось, как очень хорошо и счастливо прожитое.

Однажды, в одно из названных лет прибуковали и поставили рядом с нашей "усадьбой" (был даже крохотный огородик - 2 грядочки с луком и морковкой) старый списанный автобус, и в нем две семьи. Это два заместителя директора Миасского автозавода Никифоров и, кажется, Глебов. Они также влились в нашу компанию, и мы стали рыбачить вместе (как, теперь бы сказали, кооперативом) на 6 лодках (из них 3 моторных).

Однажды заехал заведующий отделом обкома КПСС Голышев Константин Иванович.

Он искал, нельзя ли где-то на день поместить на даче приезжавшего в Челябинск индийского премьера Неру с его дочерью Индирой Ганди (будущей руководительницей Индии).

Это было на всякий случай. Правда, обошлось без их приезда.

Приезжали и заезжали к нам на озеро многие. Это мать Веры - Анна Андреевна, брат Алексей, Афанасьевы Иван Максимович с Марией, Агишева Ольга Борисовна.

Бывали на даче Мартынов Федор Кузьмич с женой (а потом мы у них на даче МВД - тоже Увильды). Середкин - начальник управления курортов и домов отдыха области, Нюхтиков.

Главное занятие на озере - постоянная, ежедневная увлекательная рыбалка. На лодках. По всему озеру. По многочисленным заливам. И много рыбы (конечно, относительно. Для ухи).

Однажды организовали целую экспедицию на шести лодках (3+3) в залив "Ускарь", а за ним еще залив. Рыбачили в разных местах и нас спугнула начавшаяся гроза. Всполошились. Команда "на выход" и все потянулись к Ускарю.

Мы с Верой подняли якорь и тоже потянулись было к выходу, а нас что-то не пускает. Блесну дорожки за что-то зацепило. Я хотел было уже рубить леску - жалко. Да еще чужая.

И тут она начала понемногу поддаваться. Стал подтягивать к лодке, а она (это была щука-бревно, щука-крокодил) как хлопнет хвостом, - лодка закачалась - обломилась у блесны все три здоровенных крючка и ушла.

Рассказов-то было!!!

Однажды, уже осенью, заехал к нам Осипчук В. Ф. и пригласил меня на ночь порыбачить острогой (со смольем), я отказался (отговорила Вера). Утром Осипчук заезжает и приносит нам 3-х окуней (целый таз - 9-10 кг). Такие окуни ловились, попадались на Увильдах. В тот же день из таких вот окуней Осипчуки угостили нас пельменями. Только в Карабаше я встречал пельмени из свежей рыбы.

Всегда ловил щук. Или на дорожку - по пути к месту рыбалки. Или параллельно с ловлей окуней. Заброшу подальше от лодки, к траве, 2-3 удочки на мелкого окуня. Всегда ловились 2-3 штуки.

Однажды так, на маленького окунька поймал крупного 1, 5 кг окуня.

Ольга, ученица 7-9 класса, отдыхала с нами. Вере запомнилось, как они с Ольгой (я уже на работе) встают утром и решают варить уху. Берут лодку, недалеко к камышам отплывают и ловят в приглядку (озеро прозрачнейшее) на выбор понравившихся окуньков, 20-30 штук - и уха есть.

Частенько Ольга на моторке отвозила мой улов рыбы в дом отдыха на кухню, а однажды мы разрешили ей сделать "кругосветное" путешествие, - объехать вдоль берега озера. Сначала на юг, восток и к дому. Заняло это у них (ездил еще парнишка Никифоров) целый день и все равно не объехали. Конечно, мы волновались, пока они не вернулись поздно вечером.

Вспоминается, как однажды мы ехали на озеро, и за 3 км от берега прямо на пыльной дороге набрали живой рыбы - несколько щук.

Оказалось потом, что Ваулин Иван вез домой рыбу на мотоцикле и у него развязался рюкзак.

В общем, Карабаш вспоминается хорошей рыбалкой. И не только на Увильдах. Любили мы рыбачить на озере Аргази - много и часто там рыбачили, особенно зимой. Там меня Осипчук впервые учил ловить рыбу зимой. Раньше я зимой рыбалкой не занимался. Ездили на озеро Агардыш, Богородское, Уфимское.

Озеро Агардыш запомнилось тем, что на полуострове был монашеский скит. Люди жили там без паспортов, без прописки. Говорят, что некоторые разведки этим пользовались.

Однажды я к ним забрел. Пока говорили о погоде-люди, как люди. Когда заговорили о жизни, о вопросах политики, - замахали руками, ногами. Ушли. Спрятались.

Конечно, занимались не только рыбалкой. Увлекался я и охотой. Особенно за тетеревами, с подъезда, из малопульки (у меня была). Каюсь стрелял в косуль.

Бывал там в заказнике и заезжал в заповедник (Ильменский). Работа в Карабаше проходила полностью во времена, когда первым секретарем ЦК партии был Н. С. Хрущев. Это было интересное время.

Сейчас же эту часть записок хочу завершить следующим.

За всю свою долгую жизнь я особенно был удовлетворен своей работой, результатами своего труда три раза.

Первый раз я с удовлетворением вспоминаю свою работу, итоги в паросиловом цехе в 1942-1944 годах в Усть-Катаве, пока меня не избрали в партком завода.

Второй случай - это Карабаш. Я доволен результатами своей работы в качестве 1-го секретаря горкома партии. Особенно в области производственной.

Третий случай - я остался доволен своей работой в качестве председателя горисполкома Златоуста-36, города в котором живу и до сих пор, люблю его и его людей. И предлагаю их вниманию эту книгу.

ВОСПОМИНАНИЯ Мельникова Ивана Васильевича

(дополнительная глава к книге)

Справка, примечание

В начале раздела этой книги о Катав-Ивановске я отмечал, что Мельников Иван Васильевич начал писать историю Усть-Катава.

Он в конце 60-х годов прислал мне четыре отрывка из будущей книги с просьбой сделать замечания и предложения. Над его записками я начал работать, но он заболел и умер. Работу я прекратил, но отрывки остались у меня и я их представляю отдельной главой без всякого изменения в стилистике и грамматике, кроме нескольких замечаний, разъяснений и примечаний.

Во-первых, в книге ошибочно написано, что Твердышев зимой 1752 года поехал на Урал. На Урале он был и раньше. В частности, ему в 1740 году был передан государством Воскресенский завод под Оренбургом (близ Табынской крепости), который не только перестроил, но и перенес на новое место.

В 1744 году правительственный Сенат своим Указом закрепил за Твердышевым заявленные им рудники в горах Бакала, а Демидову и его компаньону Осокину отказал, как опоздавшим и предложил изыскать новые рудники в районах Уфимской провинции и других местах.

Все это есть в книге Кашенцева Д. "История металлургии Урала".

Во-вторых, Юрюзанский завод, также, как и Усть-Катавский начал строиться в 1757 году, а не в 1798 г.

Отрывок первый

"Никто точно не скажет, когда начали свой неумный бег быстрые горные речки - Юрюзань и Катай*. Начало разбега они взяли от громадной высокой горы Зигальги, что протянулась на несколько верст, образуя один из причудливейших видов в цепи южно-уральских гор. Пробивая свой трудный путь к далекому Каспийскому морю, они собрали по пути несколько мелких речушек, десятки ручьев и ручейков, а затем и сами схлестнувшись вместе, весело, как бы в обнимку продолжали свой путь. По дороге встретились с другими, смешались с ними и уже безымянными отдают свои воды Каспию.

Там, где у них есть имя, они звонко переливаются по крутым перекатам, а забежав в ущелье, с грохотом катятся по нему и эхо далеко разносит их стремительный бег. Вырвавшись на равнину, уставшие бороться с препятствиями, они медленно несут свои воды и, как бы ослабляясь, широко разливаются, образуя плес - отдыхают.

Покой их берегут, раскинувшие по берегам, густые заросли ольхи, ивы, черемухи. Они местами низко склоняются над ними, смотрятся в них и, кажется, шепчут им что-то ласковое, нежное.

Хороши они с их светлой прозрачной водой, с бойкими харюсами на перекатах, с головлями, щуками в плесах, с рыбацкими кострами на берегах. Но когда высокие гордые вершины гор останавливают низкие черные тучи, и дождь идет до тех пор, пока они не иссякнут, начинается буйство этих рек. Вода их становится мутной, они быстро выходят из берегов и начинают кру-

* Юрюзань - башкирское название, в переводе на русский - Быстрая. Она имеет в длину до 400 верст. Быстрота течения местами громадна - до 27 верст в час. В среднем средняя скорость 10-12 верст. Впадает в р. Уфу. Катай отличается от Юрюзани меньшей протяженностью - 120 верст.

шить, валять, коверкать все, что им встречается на пути. Подмывают и вырывают с корнем деревья, подхватывают копны и стога сена, безжалостно сносят дома, сараи, бани, конюшни, готовы все снести в море. Кто-то в свое время метко дал название этим рекам - Юрюзань, Быстрая и Катай. К Катаю следовало бы добавить еще Валай и вышло бы разудалое "Катай-Валай". С тех пор, как бежит, она много накатала и наваяла, тем самым с честью оправдала даже бы двойное имя. Неизвестно сколь долго они бежали игривые и вольные. Пришло время и люди нарушили их привычный бег.

Лет 250 тому назад, на Урал, этот огромный край несметных богатств усиленно потянулись со всех концов России жадные к легкой наживе предприимчивые люди (Демидовы, Строгановы, Расторгуевы, Собакины, Лазаревы, Всевожские, Голицыны, Твердышевы и другие). Они, как шакалы при разделе добычи, начали в драку захватывать: медные и железные рудники, золотые и платиновые прииски, месторождения драгоценных металлов, щедро разбросанных по Уралу. Обманным путем, за гроши покупали башкирские земли для постройки заводов, тем же платили и открывателям богатств - простым людям*. Они были своего рода цари этого края, за короткие сроки наживали миллионы, строили дворцы, кутили и от избытка богатств, власти, а подчас дурости и глупости, устраивали потехи невиданные**.

Вот они-то и повелевали сметливым людям, которые всегда в достатке водились на Руси, поставить десятки преград на горных Реках Урала, построить заводы, основать рудники, шахты, а силу рек за неимением другой силы заставить работать.

С тех пор Юрюзань и Катай, как и десятки других уральских рек, впрягли в работу. Заставили крутить наливные и подливные колеса. Посредством немудреной передачи от крутящихся колес приводились в движение крутящие станы, хвостовые молота, лесопильные рамы, огромные кожаные меха, раздувающие пламя в кричных и пудлинговых печах. Шестипудовые кричные и пудлинговые болванки прокатывались в прокатных станах и превращались в сортовое железо.

Так от весны до весны обузданные речушки крутили колеса. А весной, когда их непомерно возросшие силы просились на простор, грозили опрокинуть плотину или перескочить через нее, открывали запоры. И они, как огромные взбесившиеся звери с ревом и шумом вырывались на

* Катавская дача - 17205 десятин - куплена у башкир за 160 руб. Купец Твердышев ни копейки не заплатил за землю отцу Салавата Юлаева. Степан Гумин за открытие руд в горе "Благодать" получил 24 р. 70 коп.

** В летний день на тройках, запряженных в сани, хмельные с гиком и свистом мчались по дорогам, посыпанным солью и горстями разбрасывали медяки, потешаясь над нищим людом. Заносчивые и кичливые величались. Так горный начальник казенных заводов, царивший на Урале 20 лет, В.А. Глинка зимой на проселочной дороге встретился с губернатором Огаревым, одному из них надо было уступить дорогу. Оба заупрямились. Огарев, высунувшись из окна кареты, крикнул: "Уральский хребет едет". Глинка в свою очередь ответил: "А у меня едет вся уральская шкура". Побезденный Огарев свернул в сугроб, чтоб дать дорогу горному царю.

"Что это была за жизнь, - говорил Д. Мамин - Сибиряк, - сейчас в наше грошовойе время, трудно себе представить даже приблизительно".

волю*. В устье Катая привязанный канатами к отвесной скале выстроился целый караван барок, груженных железом годовой выработки завода. Первые валы этих рек дружно поднимали осевшие барки и стремительно несли их на себе.

Управлять барками, которые мчали, соединившись вместе разъяренные реки, было нелегко. Казалось, они негодовали, что на их плечи посадили этот груз и на крутых поворотах, где нужно было обходить отвесные скалы, они старались как бы избавиться от него. Были случаи, когда им удавалось это. Они несли баржу прямо на скалу и со всего разбега ударяли её так, что она разбивалась вдребезги. Железо шло на дно, люди - часть спасались, а часть погибали**.

Долго носили на себе караваны барок эти речушки: до реки Уфы вдвоем, а затем с Уфой, Белой и Камой до Лапшевской, а с Волгой до нижегородских ярмарок".

Отрывок второй

"Симбирский купец Иван Борисович Твердышев*** сидел за столом и прикидывал дневную выручку. Кончив, почесал затылок и, вспомнив недавний разговор о том, что якобы на Урале золото горстями гребут, раздумался. Верил и не верил. "Съездить что-ли-думал он, - торговля совсем захирела, хлопот много, а толку на грош. Покупатель-то какой пошел, придет с одной деньгой, рядится, рядится, да так с ней обратно и уходит. Да и нашего брата - купцов - развелось, как у нищего вшей в заглазнике".

В этих делах участвовал его зять Мясников Иван Семенович. У иного товаров-то на один алтын, а тоже купец считается. Лаптями да кренделями торгует, а кто их берет? Мужик лапти сам плетет, господам они ни к чему. Если взять крендели, так опять-таки мужик, если возьмет либо спьяна, либо будучи в далекой отлучке от дома.

Большинство их свой хлеб едят; а мало его, так лебеды подмешивают. Глубоко вздохнул и молвил вслух: "Эх, торговля".

Встал, погладил начинающую виться бородку, подошел к окну и уставился цепким ястребиным взглядом на крадущую к воробьям кошку. Красные, с изгибом губы чуть расплылись в хитрую улыбку: "Ишь, шельма, чего захотела; тварь, а разумеет". Мысль об Урале снова возникла и отгеснила все остальное. Съездить разве, разузнать; попытка не пытка; пока

* Особенно сильные наводнения от этих рек имеют как бы закономерность, они повторяются примерно через 20 лет. Так, в 1862 году Катай и Юрюзань прорвали все три плотины, разрушили несколько фабричных зданий, складов, снесли до 200 домов с наводными постройками. Были и человеческие жертвы (в катав-ивановском заводе в числе других погибло целое семейство). В 1882, 1902, 1922, 1943, 1964 годах сила наводнения была велика и не без урона. Заводы и население долго оправлялись от причиненных бед. Корреспондент газеты "Советская Россия" в 1964 году озаглавил свою статью по поводу наводнения "У уральских рек нрав крутой".

** Особенно много было случаев у скалы, которую народ назвал "Хват-кой".

*** Твердышев основал: в 1755 г. катав-ивановский завод, в 1759 г. усть-катавский завод, в 1759 г. симский завод, в 1762 г. минский завод, в 1784 г. миньярский завод (о миньярском заводе данных нигде нет; это, кажется ошибка) - М. Ананьин. В 1798 г. юрюзанский завод ("Здесь явная ошибка" М. Ананьин. Юрюзанский завод основан также в 1759 году).

есть капитал да силенка, самое время попытать счастья. Он старался настроить себя на счастливый исход поездки. "Что я, хуже других?" - думал он, - На здоровье не жалуясь, бог не обидел, да и обмануть-то меня - за все время был раз обманут и то по молодости", а сам прикинул он в уме, да и запутался - многое вспомнилось.

Капитал есть - можно большое дело сделать, своего не хватит - зять богатый наклеивается. "Здоровье твердое, характер твердый - ехать надо" - заключил Твердышев.

Ранним зимним утром 1752 года возок, запряженный гусем, бойко катился по Волге. Ямщик изредка посвистывал на лошадей, а Твердышев, закутавшись в бараний тулуп с поднятым воротником, склонил голову на бок и предался сладкой дреме. Выпитое вино и сытный завтрак перед дальней дорогой располагали к этому.

Места на Волге в этих краях он знал, как пять своих пальцев и они не интересовали его.

Заезжая в ямы* и на частные дворы на ночевку, подкрепиться, он молчаливо выскакивал из возка, разминаясь, побрякивая, расправляя широкие плечи и полной грудью вдыхал свежий морозный воздух.

Иногда, встречаясь с проезжими, заводил с ними хитрый разговор об Урале, выспрашивал, что его интересует; сам же притворялся любопытным простачком.

Подзаправившись и отдохнув немного, снова торопился в путь. Ехали долго и лишь на восемнадцатый день в морозной дымке на горизонте показались остроги южно-уральских гор. Заехав в горы, Твердышев не дремал, как прежде; все, что он видел вокруг, предстало перед ним впервые.

Куда ни глянь, горы и горы. Они протянулись во все стороны, сколь видит глаз.

Могучим плотным строем стояли высокоствольные сосны. В долинах и на полянах все в белом хороводили березы. Хмуро и угрюмо смотрели вековые ели. Кругом петляли следы непуганного зверя. Глушь и таинственная тишина царили в этом диком малолюдном крае. Когда с высоких гор просматривались извивающиеся между скал горные реки с замерзшими посредине протоками, Твердышев удивленно качал головой и обращаясь к ямщику: "Ты смотри-ка, Волга давно застыла, а эти бегут себе открыто". Ямщик отвечал деловито: "Быстрота большая, вот и бегут, в иную зиму мороз так и не может совладать с ними, чтоб напрочь перехватить".

Дивясь таежным малолюдным краем, он прищурил глаза и думал: "Не остановиться ли здесь".

Ехать дальше до Невьянска, Тагила, там Демидовы промышленяют, у них не наживешься, хозяева - не промах, да и сам Петр Алексеевич, - покойник, жаловал им эти места. Гору "Благодать" тоже захватили, там не присунешься.

Раньше императрица Анна Иоановна мешивалась, а теперь есть слух, будто графу Шувалову все передать думают**, и Твердышев скло-

* Ям - дорожная станция, отсюда и название "ямщик".

** В 1739 году императрица Анна Иоановна повелела гору "Благодать" со всеми стоящими при ней заводами передать генерал-бергдиректору Шембергу (саксонцу). За неуплату Шемберг был судим и выдворен из Рос-сии. В 1754 году по указанию Елизаветы Петровны все было передано графу Шувалову.

нился к тому, чтобы остановиться на южном Урале. На заезжем дворе он встретил длинного, как жердь человека; знакомясь, тот представился Прасоловым Захаром Куприяновичем. Разговорились. Прасолов оказался подрядчиком и работал у тульского купца Мосолова на постройке плотины и заводов в Косотуре*.

Твердышев исподволь начал разговор с ним о золотых приисках. Прасолов слушал его и отговаривал. "Золото есть - говорил он, - но добывают его больше старатели киркой да лопатой, а капитал вкладывать - малоохотников". "Ведь это, как бы сказать, - толковал он ему - как картежная игра, выиграл - разбогател, проиграл - по миру с сумой. Затратишь капитал, а золота может и не быть, вот тебе и денежки, были и нет их**". Железодело надежное, спрос на него большой. Построил заводику копты себе. Не захотел или надоело - продать можно, а пустой песочек не продашь. Ну если есть охота, когда заводик будет, можно и золотишком побаловаться". От Прасолова Твердышев узнал, что руда здесь есть и добывают ее вроде кто захочет. Есть такая гора "Буландиха" около истока речки "Малый Бакал", в ней руды на сто лет хватит и он приказал ехать туда.

Проезжая, немало дивился этому царству гор и думал: "Где же им конец будет". К вечеру заехали в небольшую деревушку Первуху и заночевали. Утром взяли провожатого, скрюченного мужика, с растрепанной бородкой Савоську и снова в дорогу.

Савоська сидел рядом с ямщиком, боком к лошадям и изредка поглядывал на Твердышева. Встретившись взглядом, тот сказал: "Эк тебя согнуло". Савоська, шамкая беззубым ртом, отвечал: "Старателем у Ильмень-горы промышленял, в шурфе придавило, вот и согнуло". Шмыгнув носом, оживленно продолжал: "Эх и жизнь была; не поверишь, мил человек; за один фартовый день богачом можно стать; ну а мы народ какой; фартнуло - значит, - в кабак гуляли (он хотел свистнуть, но вместо свиста получилось "Фю"), дым коромыслом; как цари, ей-богу, право. Ну а как пропьем всё, сызнава идем на песок; слаб стал, теперича вот у сына и живу". Когда пересекли хребет Шуйды, Савоська махнул рукой на гору, показывая: "Э, вон она и перед ними во всей красе предстала суровая, гордая громада - Буландиха***. Твердышев спросил Савоську: "Неужели эта гора вся из руды?" "Кто ее знает? Говорят, что вся, - прошамкал Савоська. - Спросить надо-ть у артельщика". Подъехали ближе, увидели два больших барака, расположенных у подножья горы; свернули к ним.

Твердышев первым выскочил из возка и направился в барак. Открыв дверь, его в раз обдало противным запахом неприятных испарений. Первое время он не мог ничего видеть и не двигался дальше порога. Затем постепенно начали вырисовываться контуры грязного, закопченного, дымного, с малыми слюдяными оконцами барака.

* Мосолов в 1754 году основал железодельный и медеплавильный заводы в Косотуре и назывались они косотурскими. Позднее, после постройки церкви, 3-х святыней, заводы и поселки при них стали называть златоустовскими.

** Больше половины золотых приисков Урала и Сибири разрабатывались старателями (из 1899 приисков, 1028 разрабатывались старателями). Хозяева приисков мало вкладывали капиталов на оборудование и разработка их велась примитивным способом. Данные относятся к 1890 году.

*** На Буландихе уже в то время начал разрабатываться один из знаменитых на Южном Урале Бакальский рудник.

Вдоль стен виднелись сплошные нары, местами голые или покрытые разной рваной одеждой. Вдоль и поперек барака на мочальных веревках висели развешанные онучи, портянки, зипуны. За тремя длинными столами сидели мужики, обедали. На земляном полу виднелись лужицы с отбросами несъедобного. От топившихся глинобитных печей дым поднимался к потолку и выходил в два больших отверстия в стене под потолком.

Твердышев, оглядевшись, протер глаза от едучего дыма и спросил: "Где можно видеть артельщика?" Пожилой лохматый мужик, перестав жевать, ответил: "Он в Косотур уехал, должен ишо вчера вернуться, а вишь нет". От едкого дыма и неприятных запахов Твердышеву стало дурно. Поманив мужика пальцем, он вышел из барака. Мужик, накиннув рваный полушубок, без шапки поковылял вслед за ним. Тот отвел его в сторону и вкрадчивым голосом начал расспрашивать, на кого они работают, кто хозяин рудника, куда возят руду, сколько платят, много ли руды в этой горе.

Из ответов он узнал, что тульский купец Мосолов строит в Косотуре на реке Ай завод и руда готовится для этого завода. Тот же Мосолов якобы думает в Сатке закладывать завод*. "Эх и bestия - подумал о нем Твердышев, - мало ему двух".

Пораспросив еще мужика про дорогу в Косотур и сколько туда верст, уехал.

В Косотуре он задержался, ожидая возвращения Прасолова. Осмотрел строящуюся на реке Ай плотину, расхаживал по поселку. Видел как возили лес, камень на постройку заводов Мосолова и его мучила зависть, что раньше его захватили хорошие места. Спустя неделю, его возок можно было видеть то на реке Юрюзань, то он появлялся на реке Катай, то вдруг на реке Сим. Вместе с ним разъезжал длинный Прасолов. Когда они, останавливаясь, вылезали из возка, он шагами, как ходулями, проверил узкие места между гор, где протекали эти реки и рассуждал, размахивал руками, как журавль крыльями.

Облюбовав и уточнив окончательно место расположения плотины и завода, оставалось совершить "купчу" земли с лесом, хозяевами которой были башкиры. Прасолов посоветовал ехать к ним и привести их на место. "Столбить-то при них надо," - рассуждал он.

Твердышев же обдумывал про себя как выгоднее совершить эту купчую. Если купить поменьше, а потом передвинуть столбы, то думал он - либо сунуть 2-3 золотых тому, от кого зависело.

Ранним утром он поехал к башкирам в волость, а Прасолову велел ждать его до следующего дня. Только к вечеру подъехали они к большому башкирскому селению. Посредине его виднелась мечеть. Домишки, занесенные снегом, маячили лишь небольшими темными оконцами. Зло лаяли собаки, пахло дымом и гарью. Твердышев указал рукой ямщику на две большие избы, расположенные неподалеку от мечети и велел подъезжать к ним. У избы их встретили два огромных цепных пса, охрипшими головами они глухо затыкали. В дверях показался высокий бородатый башкир. Твердышев вылез из возка и направился к нему.

- Здравствуйте, хозяин!

- Здравства, здравства - ответил башкир, куда гулял?

- В гости приехал, дело есть к Вам.

* Саткинский завод основан Мосоловым и пущен в действие в 1757 году (это ошибочно. Завод построен Строгановым. - М. Ананьин).

- Давай изба гулям.

И они оба направились в избу.

Твердышев уселся против башкира и повел разговор о земле. Ямщик, задав корм лошадам, со скрипом ввалился в избу. Твердышев, мигнув ему, спросил: "А где сумка-то?" Ямщик опрометью бросился обратно и тут же вернулся с большим кожаным мешком. Поставив его перед хозяином, сам уселся на нары.

Твердышев расстегнул мешок и начал доставать вино, колбасу, копченую рыбу, хлеб.

Башкир, ухмыляясь, смотрел подслеповатыми глазами с красными веками на вино, закуску и, причмокивая губами, тихонько повторял: "Якши, якши". Из-за угла печки на них смотрели малайка лет десяти и башкирка с закрытым лицом, из-за повязки видны были лишь щелки глаз и часть лба.

Башкир, как бы спохватившись, быстро позвал к себе малайку, сказал ему что-то по своему и тот как был в одной длинной рубашке, босиком выскочил за дверь на мороз.

Минут через 20 он вернулся вместе с пожилым кривым башкиром с пестрой бородой. Глаз у кривого вытек совсем и вместо его зияло красное пятно.

Малайка скрылся за печку, а пришедший поздоровался с Твердышевым, уселся рядом и быстро крутил единственным глазом то на приезжих, то на хозяина.

Твердышев спросил: "Кто же главный хозяин земли, с кем он может договориться?" Кривой показал на себя и проговорил: "Земля и лес наша волясть, а моя бумагам будем делать". Хозяин дома обратился к башкирке и та зашевелилась, начала подавать чашки и раздувать самовар.

Твердышев и пришедший кривой разделись и уселись за стол. Ярко горела березовая лучина в светце, бросая крупные тени от сидящих; посвистывая, шипел самовар. Твердышев, разлив вино по чашкам, поднял свою и сказал: "Ну, будем знакомы!" Башкиры весело оживились и наперебой заговорили: "Как-жа, как-жа, знаком нада". Выпив и сильно морщась, потянулись к закуске. Брали колбасу, неочищенную толкали в рот и сильно чавкали.

Разомлевши от вина и чая, часто переключивали тюбетейки на головах; вытирали пот рукавами рубаш; хвалили землю и лес, покупаемые Твердышевым. Знакомство продолжалось до тех пор, пока хозяин дома и кривой не заснули, облокотившись на стол".

Отрывок третий

"По заводскому поселку нет-нет, да и пробежит молва, будто бы железная дорога, по которой ходит чугунка, пройдет прямо по селению. Дикость и суеверие селян порождали нелепые слухи о чугунке и на некоторых из них навели даже страх. Большинство не верило этой молве, а тот, кто верил и распространял, попадали иногда в неловкое положение. Как-то в воскресный день на базаре человек до пятнадцати собралось вокруг, когда Филимонка Двухжильный* отчитывал незнакомого мужи-

* Двухжильный - прозвище. В поселке прозвище было почти у каждого. Люди забывали иногда фамилии своих соседей, звали их больше по прозвищу. Простой люд не принято было называть по отчеству, - за редкими событиями в судах, свадьбах и то не всегда, от редкого употребления оно забывалось.

ка из соседнего поселка. "Ты думай, что мелешь! - говорил он сердито, - Мыслимо ли вести дорогу по нашим-то местам? Тоже башка нашелся, чай видишь - у нас гора на горе, одна выше другой, пешком-то ходить-того и гляди голову сломишь, а ты про железную дорогу судачишь. Варить надо батмантом-та, безмозглый!!" В сердцах выругался крепко и, отвернувшись в сторону, плюнул. Окружающие до этого сосредоточенные и молчаливые, оживленно заговорили все в раз, одобряя подкрепляя все веские доводы Филимонки. Урезоненный мужик уперся взглядом в землю и, виновато покачивая головой бессвязно бормотал: "Я што, я што, я так, слышал. Слышал, слышал, -передразнил его Филимонка; окружающие рассмеялись. "Болтают тут всякое - продолжал он, - только народ с понтальку сбивают, без этого напастей-то хватает: то пожар, то холера, то язва привязались, а тут на-те - дорога". Немного помолчав, начал примирительным тоном: "Знамо дело - ведут дороги-то, только не по таким местам, какой дурак сунется с ней?" Посудив еще о дороге, незаметно сбивались на другие темы. Рассуждали о недавнем пожаре в Шубиной*, где сгорело восемь домов до тла и люди, оставшись, что называется об одном кресте, пошли по миру собирать погорелые. Рассказывали подробности о том, как Ефимке Дрыгалке в Кричном выбило глаза отлетевшими горящими сковининами, а Терентию Голендаю руки в прокатном оторвало, затащив с клещами в валки. Тужили все о том, как бедняги семьи кормить будут. Хотели было расхотиться, но увидев проходившего по базару Федьку Зайца, захохотали. Кто-то крикнул: "Заяц! Куда бороду-то девал?" Федька, очевидно сконфуженный, не ответил и быстро скрылся за углом. Причиной смеха было то, что ему - Федьке - в прощенное воскресенье в драке выдрали больше половины бороды и откусили ухо. Остатки бороды он остриг и с отвороченными у малахая ушами стал больше походить на зайца. Этот случай с Федькой всколыхнул в памяти другие события и происшествия, случившиеся на прошедшей масляной неделе. Вспомнил, как катающиеся с горы на конских санях с коробом не справив, заехали связанными оглоблями в окошко к старику Баламутину Сутяге, сшибли кипящий самовар со стола, ошпарив старуху, а старик с испугу лишился языка. Вспомнили как Ермолай Клюка, катавшийся по кругу на масляной, будучи сильно хмельным, свалился с розвальней и пока его не оттащили с дороги, по нему трое саней проехало. Рассуждали, что вряд ли жилец будет. А Микюла Леший до смерти запирался в бане. Говорили: "Виной этому то, что он парился в шапке и рукавицах; не надев их, возможно и жив бы остался". Затем подсчитывали количество задранных за зиму волками овец во дворах; сколько пало коров, лошадей и в поздние сумерки расходились каждый со своей думой в голове. Весной к Настьке Атоманихе, что жила на отшибе, застигнутые грозой, заехали приезжие господ. Привез их попутно из соседнего поселка Кузька Востроглазый. Он-то и рассказал: "Господа эти важные, анжинеры. Ищут место, где способнее пройти чугунке. Струменты с собой привезли в крашенных ящичках. Их откроешь - сверху труба, этак с пол-аршина будет, а может и меньше немного; под трубой штука такая, железная; как вороба, на коей бабы пряжу разматывают. Только та куда меньше. Не запомнил названья-то, они мне сказывали, мудреное было дело, не русска. С дозволения я смо-

* Шубина - деревня, которую отделяет от заводского поселка река Юрюзань.

трел в трубу-та. Далеко видно, только все вверх ногами показывается*. Вот анжинеры-та за чаем и калякали промежду себя, дескать медведь** мешает; как бы не пришлось свернуть с дороги-то". Тут Атоманиха не выдержала и говорит: "Помоги ты, господи, свернуть-то". И перекрестилась. "Они ей, дескать: "Чего Вы так, аль не по нраву Вам дорога-то? Вот тут-то она им все и выпалила: "Люди-то бают - от чугунки то пожары случаются, а мы тут и так каждый год горим. Скотина пугаться будет, а эта бабы сказывали, что чугунку-то нечиста сила возит, искры-та-грит, - столбом, как у беса, что после похорон к тоскующим в трубу прилетает". Анжинеры-то хохочут, а она им опять: "Нельзя ли, родимые, как-нибудь свернуть с дорогой-то? Народ-то и скотину-то не пугать, да и старики-то без страха бы померли". Вот с той поры разговоры о дороге и чугунке приняли другой оборот. Старики говорили, что это все от антихриста исходит с чугункой-то, молили о смерти, чтоб не дожить до того времени, когда она ходить будет. Афоньку Чубатого, - писаря - некоторые мужики подговаривали бумагу писать, чтоб стороной обошли с дорогой-то".

Затем идет строительство дороги и ее пуск 8 сентября 1890 г. от Уфы до Златоуста, прямо возле поселка и через краешек Медведя. В основу этого отрывка мною положен рассказ моей тетки Маши, она даже сама работала на стройке дороги. Кроме того, каменщик Павел Дурников, шубинский, который, работал со мной, рассказывал, как ее строили, как он ложил быки для мостов и какие толки шли среди народа.

Строительство дороги у меня уже заканчивается описанием. Дед мой, по отцу Макар, был подрывником-запальщиком и он погиб при взрыве у горы Медведь. Старик Баламутин-Сутяга теткин сосед. Это было в Голожопкиной, где они проживали, а катались с Прямой горы. Как выразить слово "Голожопкина", чтоб оно было приемлемо к чтению и написанию, я прямо замучился с этим, а оно у меня попадается часто. Заменить, конечно, можно; но уже получится не то. Это -знаете - как иностранцы расшифровали "Кузьку-мать" - мать Кузьмы, а ведь это далеко не так. Прошу подскажите.

Маша, еще живая в Усть-Катаве, отдыхала в доме отдыха со своей соседкой Крюковой Нюрой (жили напротив нас). Когда они пришли в клуб, прочли объявление, что завтра артисты оперетты покажут "Свадьбу в Малиновке". Нюра и спрашивает М. П.: "Это не у нас ли в Голожопкиной?" Причем она самым серьезным образом задала такой вопрос".

А теперь напишу от себя. Мой отец Ананьин Алексей Петрович мне рассказывал, что еще парнишкой (он 1875 года рождения) он работал на строительстве железной дороги. Около Смирнова моста есть крутая насыпь высотой 30-40 метров, обложенная камнем стенка. Он упал с этой стенки, скатился вниз к реке, расшибся.

Потом он работал на горе Медведь, когда железная дорога там уже прошла. Его пускали по скале с верха на люльке и он отбивал слабо висящие камни. Что касается слова "Голожопкина", то такой поселок есть в Усть-Катаве на прямой горе. Он еще называется Малиновкой.

* Труба Нивелира - прибор для вертикальной съемки

** Медведь - название большой высокой горы.

Отрывок четвертый

“Это отрывок из жизни французско-бельгийцев. Мишель - это М. И. Кувайцев - покойник. Мой товарищ и сотрудник. Вы его знаете. Дун - его мать. Начальником вагонных мастерских был бельгиец средних лет Камель Викторович Дивинтер. Высокий, немного сутуловатый, плотно сложенный блондин с длинными усами, как будто сделанными из тонкой проволоки. Из-под больших бровей его смотрели серые, редко мигающие глаза. Говорил он плохо, на ломанном русском языке, а ругался по-своему: “Сакр-на-дю-дю”. Хорошо это или плохо - в смысле крепкого ругательства-никто не знал. Некоторые говорили, что “сакр” с сильным ударением на “рэ” вроде бы получается “крепко”. На заводе у него была своя отдельная резиденция (контора-кабинет), где занимался, иногда закусывал и даже отдыхал. В услугах у него была вдова - полная, белая, дородная - по имени Дуня, он же звал ее Дун. Эта женщина со временем изучила его, знала его капризы, угадывала настроения и во всем беспрекословно услужала ему. Очевидно, она нравилась ему, так как впоследствии она с ним и её сыном от первого мужа Мишелем составила семью. Мишеля до семейного союза звали просто Мишкой. Про Дивинтера говорили, что он бельгийский столяр, в акционерном обществе не состоял, а был взят акционерами как мастер, хорошо знающий вагоностроительное дело, при том строгий, внушительный, с большими кулаками. Мишель, пришедший к нему в дом вместе с матерью Дун, чувствовал себя жутковато, как загнанный заяц. Дивинтер довольно оригинальным способом начал обучать его французскому языку. На день ему задавалось выучить до 15 слов, которыми назывались предметы каждодневного употребления, например: ложка, вилка, тарелка и т. д. Вечером начинались испытания - проверка. Если Мишель за ужином не смог назвать по-французски ложку, то лишился права кушать. И только при вмешательстве матери Дивинтер, скрепя сердцем, шел на уступки, разрешая кушать из тарелки через край или брать содержимое ладонью руки. То ли этот метод обучения, то ли старания Мишеля или все вместе взятое дало неплохой результат. Через 3 года учебы по французскому языку он мог хорошо читать, писать и изъясняться. Неизвестно как с произношением, но говорил он довольно бойко.

Дивинтер страшно не любил ложь и строго за нее наказывал. Уличенного во лжи Мишеля он ставил к стенке, наводил на него ствол заряженного винчестера и считал до 3-х, пока тот не начнет ложь переводить на действительную правду. После двух-трех таких операций он отучился врать отчиму, но стал сильно заикаться.

Некоторые рабочие, особенно новички, побаивались Дивинтера за его строгость и, вероятно, больше за большие кулаки, которые он иногда пускал в ход. Были среди рабочих любители пошутить, они не только не боялись иностранцев, но и сами не прочь устроить смешное и в то же время не особенно приятное для них. Были такие случаи: породистым охотничьим собакам, которые иногда сопровождали своих хозяев на заводе, незаметно умудрялись мазать скипидаром заднее место и они, бедные, задавали удивительно стрекача от своих хозяев под хохот собравшихся рабочих.

А “с отчаянными головами”, каких окрестили в народе, считался и Дивинтер, но он не всех их знал. Как-то идя по цеху сборки вагонов, он

заметил дефектную работу, это всегда приводило его в ярость. Не разобравшись досконально, что и как, он ударил кулаком старого сборщика Данилыча, потомственного рабочего, каких на заводе было большинство. Данилыч, по-видимому, не хотел сдать сдачи той же мерой, да и не эффективно было бы низкому, тщедушному ударить по такой громаде и он бросился к верстаку за топором. Дивинтер, быстро сориентировавшись, бежал саженными бросками в свою резиденцию. Когда Данилыч, запыхавшись, добежал до порога ударил по ней и долго не мог вытащить засевший топор. Второй удар получился уже слабее, третьего не последовало. Данилыч как-то размяк, постоял, потоптался у двери и медленной походкой направился в свой цех. Дивинтер, отлежавшись большим испугом, долго сидел в заперти и раздумывал как уладить конфликт. Его Дун в этот момент отлучалась за родниковой водой, которую она ежедневно приносила в резиденцию и не знала о происшедшем.

Вернувшись, она постучала в кабинет и одновременно спросила: “Камель Викторович, позвольте Вам налить свежей родниковой водички”. Он открыл дверь и обратился к ней тоном не приказа, а просьбы, чтоб она принесла ему водки в кабинет. Дун была удивлена необычной просьбой, так как до этого ей не приходилось выполнять такого рода поручения, но будучи верной слугой, взяла из его рук протянутую к ней денежную бумажку и только спросила: “Сколько брать-то?” “Один большой”, и он показал разведенными руками длину около аршина. Дун вновь удивленно посмотрела на указанную хозяином длину посуды и спросила: “Четверть што-ли?” “Да, да, да”, - обрадованно сказал он, убедившись, что его правильно поняли и добавил: “Колбас и хлеб”. Через час в кабинете стояла четверть водки, лежали нарезанные ломтиками колбаса и хлеб. Дун была в кабинете и собиралась было уходить. Дивинтер оставил ее и попросил, чтоб она пошла в сборочный цех, разыскала Данилыча и попросила его зайти к нему в кабинет. Она недоуменно посмотрела на него и безмолвно пошла выполнять указание хозяина. Увидев Данилыча в цехе, отозвала его в сторону и сказала: “Камель Викторович просит тебя зайти к нему и зачем-то он заставил меня принести ему в кабинет водки и закуски”. Данилыч ухмыльнулся, подмигнул ей и с расстановкой процедил: “Ух, хи-тр-ый с-о-б-б-а-к-а”. “Зовёт говоришь? Ну раз зовет, так айда” и они вместе направились в резиденцию. Дун прошла в свою небольшую закутку, где у ней размещался всякий инвентарь и посуда, а Данилыч медленно переступил порог кабинета. Войдя, он осмотрел содержимое стола и перевел взгляд на Дивинтера, который сидел у торца стола, облокотившись одной рукой на его край и другой на подоконник открытого окна и испытующим взглядом изучал состояние Данилыча.

Он не особенно располагал на его доброту и в опасный момент быстро ретироваться в открытое окно. Убедившись в мирном настроении Данилыча, он быстро встал и с протянутой для приветствия рукой подошел к нему. “Ну, Данилыч, твой характер как мой люблю; сиди, будем делайт мир”. Данилыч неловко помялся, переминаясь с ноги на ногу, лукаво улыбнулся и сказал: “А што с Вас взять-то”.

Дивинтер быстро наполнил стаканы водкой, они чокнулись и разом выпили. Оба, морщась и крутя головами, потянулись за закуской. На заводе давно пошабашили и разошлись, только в просвет между занавесками окна можно было видеть как два разных человека по роду и племени

ни, смотря мутными глазами друг на друга, продолжали вести бессвязный разговор о мире и дружбе. Уже стемнело, когда Данилыч, бормоча себе что-то под нос, раскачиваясь и спотыкаясь, медленно плелся по грязной улице в поисках дома*.

Так заканчиваются отрывки из записок Ивана Васильевича Мельникова, которые он мне прислал.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья

5

Предисловие

6

Моё детство. Школьный период

7

Коротко о Колчаковщине

8

О голоде

9

Школьный период

11

Светлые престольные праздники

13

Катались, купались, рыбачили

14

Летние наводнения	16
Наше хозяйство	18
Всё менялось на глазах	21
Уроки на всю жизнь	26
Учёба в техникуме	28
Теперь о Кусе	35
Армия	40
Усть-Катав	44
Годы предвоенные. Как война началась	50
Первые дни войны на заводе. Эвакуация	51
О босяке Иване	52
Как цех сожгли	58

Катав-Ивановск
73

ВПШ Москва
84

Карабаш
95

И
Воспоминания Мельникова И. В.
112

Справка, примечание
113

Отрывок первый
113

Отрывок второй
115

Отрывок третий
119

Отрывок четвёртый
122

Фотографии
124

М. А. Ананьин с женой Чистяковой В. А.

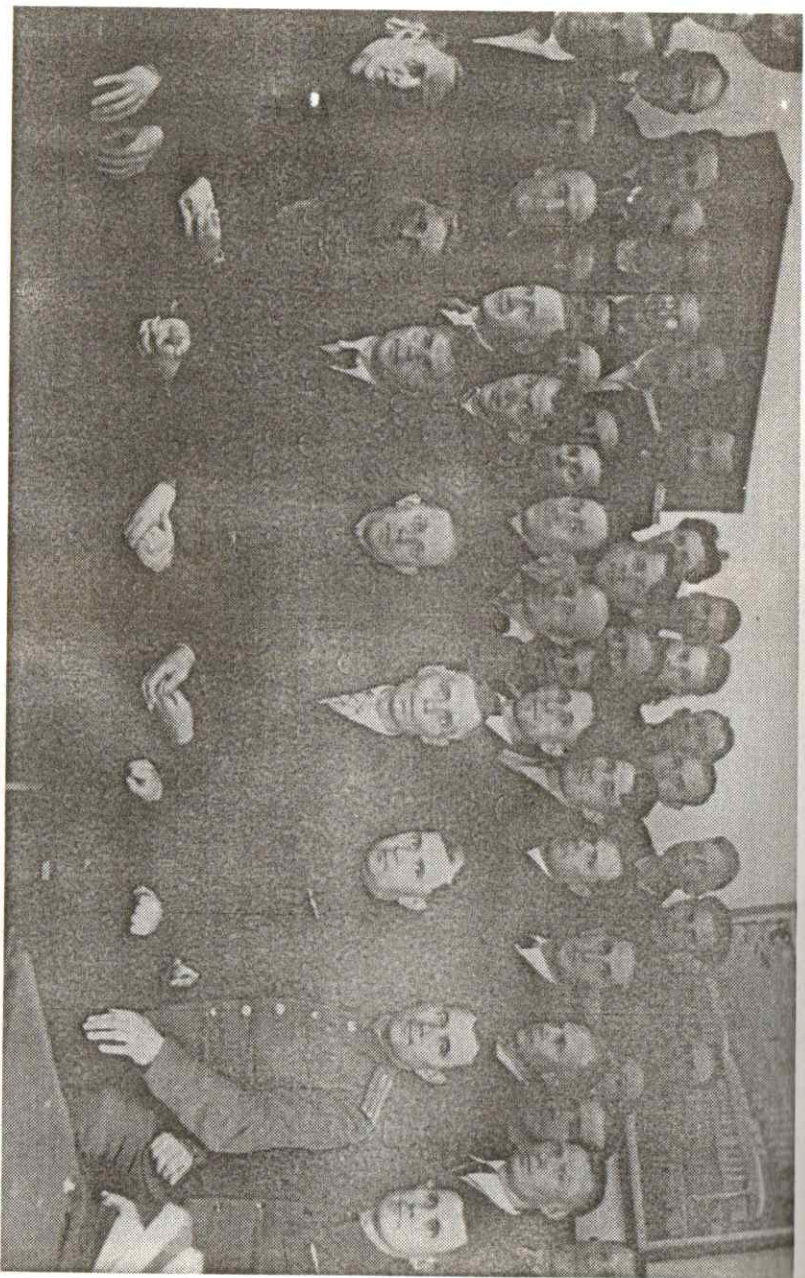
Кучины А. А. и Г. И.

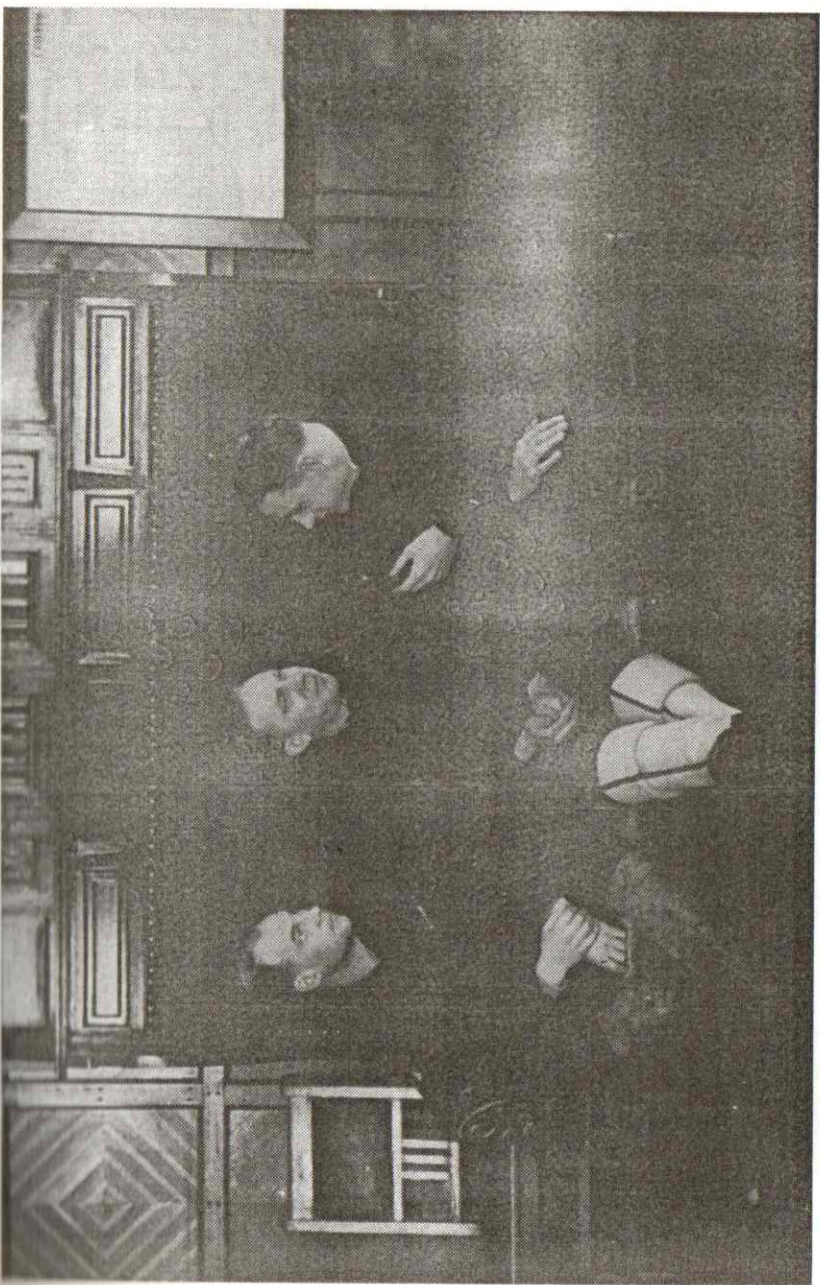
◀ Мельникова М. П.

Г. Карабаш. Секретарь ГК КПСС Апасова В. А. Жена Вябе Б. Я.

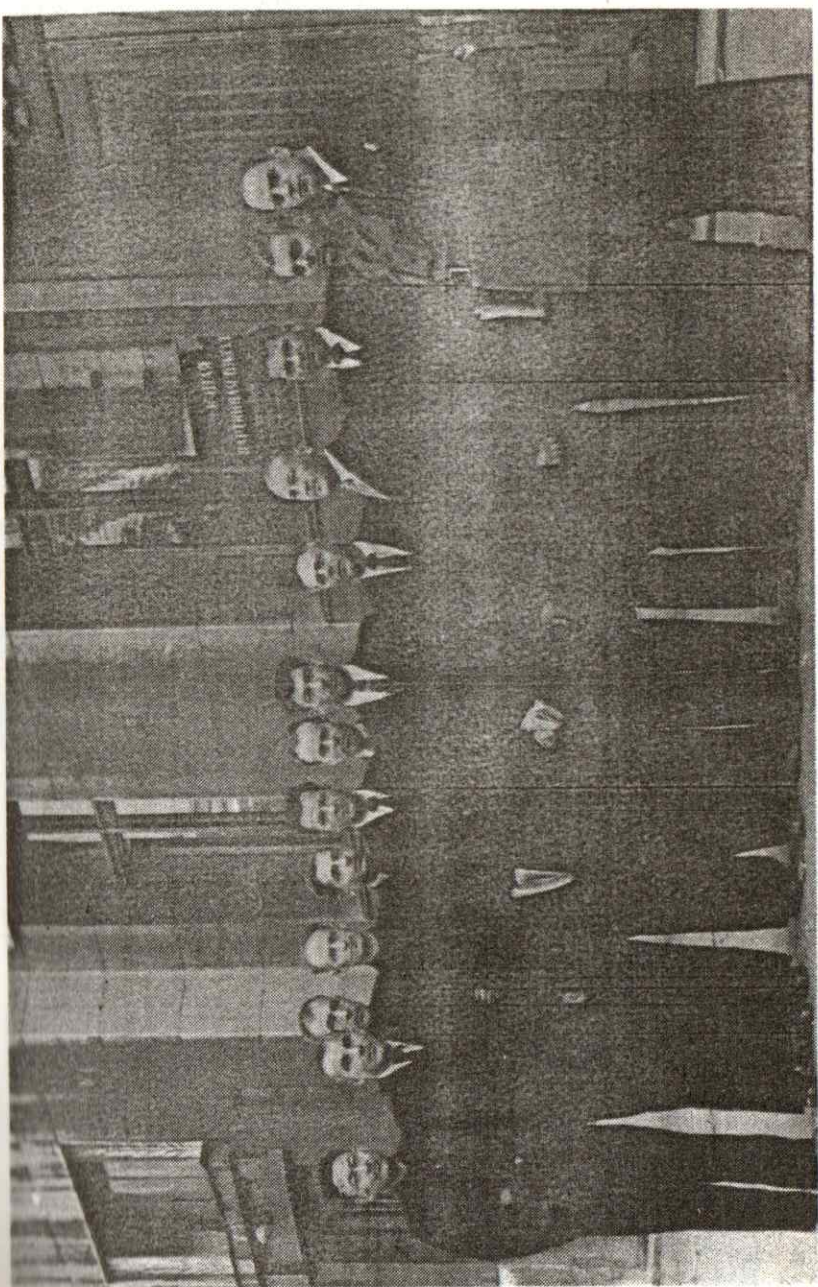
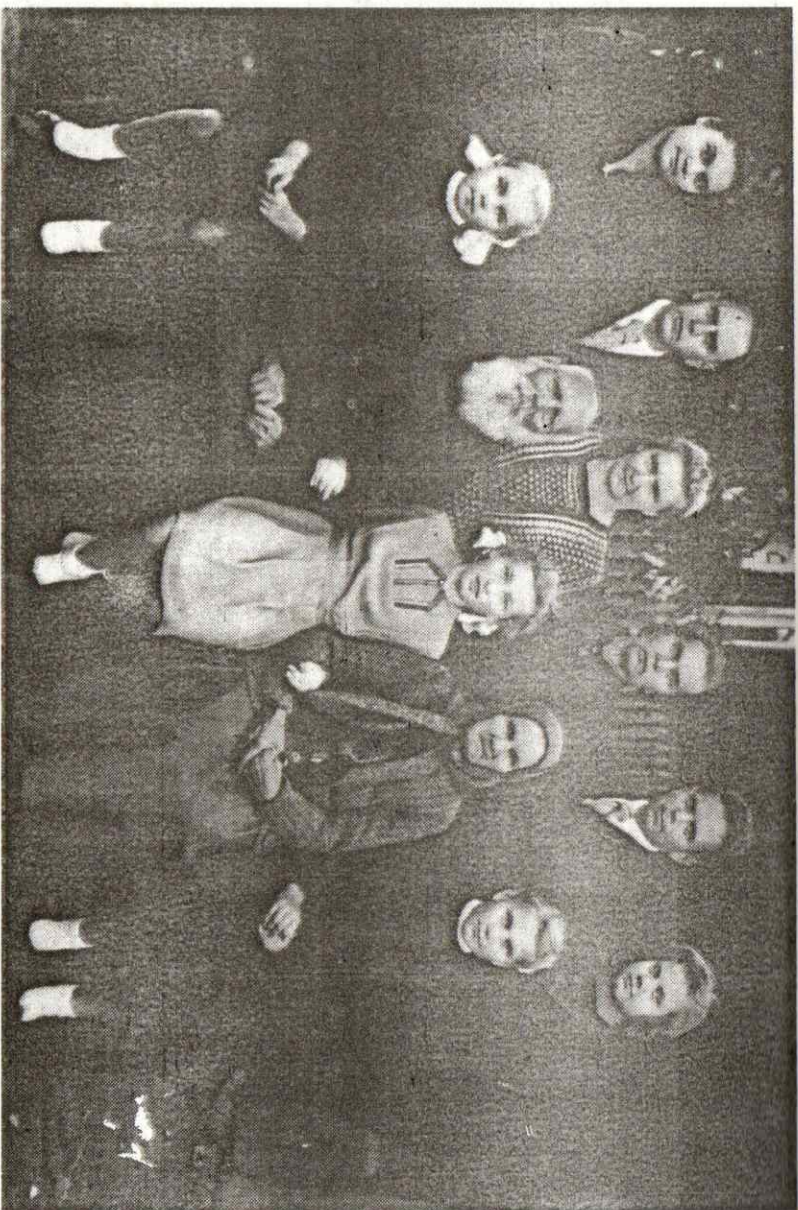

Г. Усть-Катав. Проводы М. А. Ананьина и Н. Н. Соболева из Усть-Катава.
I ряд: Ананьин М. А., ..., Белоконов Т. Я., Соболев Н. Н., Громов А. В., Ксенофонтов, Нохрин, Великанов. 1949 г.

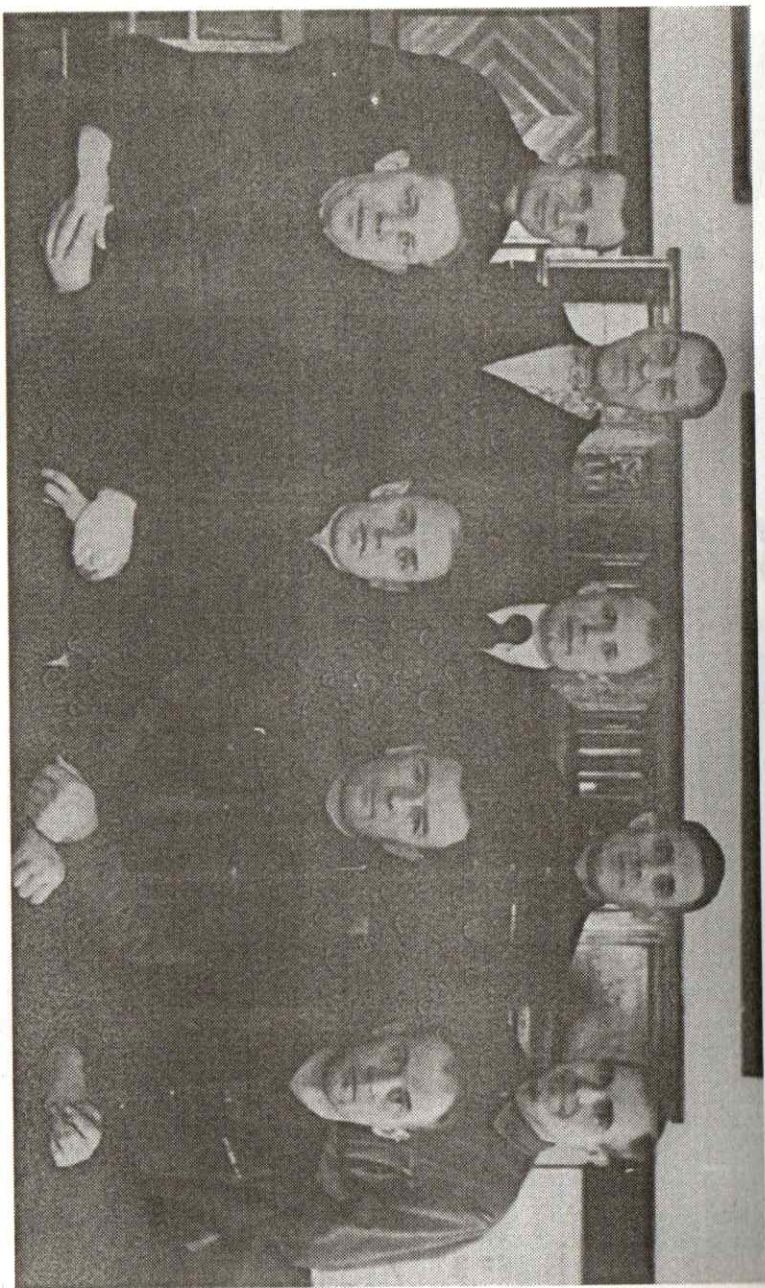

Г. Усть-Катав. Завод №13. Треугольник завода. 1946-1948 гг..

Г. Усть-Катав. Моя семья провожает меня на учёбу в ВПШ УЖ КПСС после очередных каникул. 1953 г.

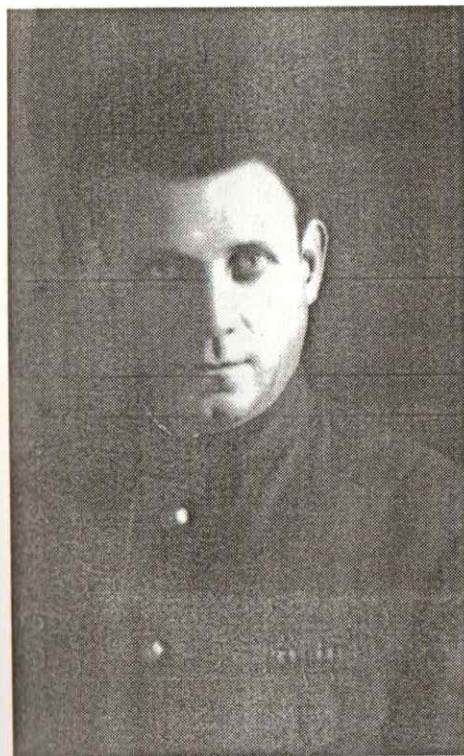

Г. Москва. Наша группа при выпуске из ВПШ. 1954 г.

Г. Усть-Катав. Члены партийного комитета завода.

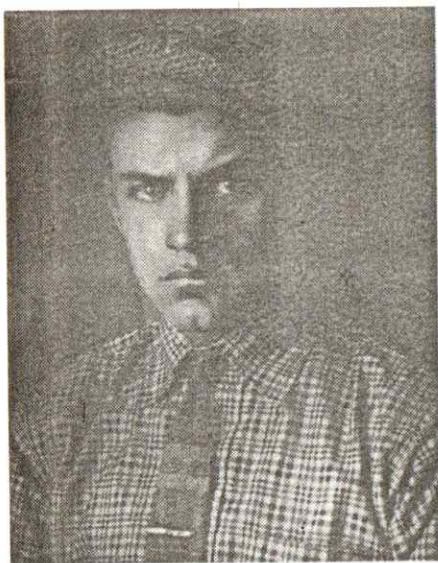
1 ряд: Соболев Н. Н., Ананьин М. А., Наруков В. С., Рожков В. М.
2 ряд: Колгунов В. С., Гусарев В. С., Минаев В. А., Великанов Ф. К., Куприков ..

Г. Катав-Ивановск.
Председатель Рай. исполкома
Мясоедов К. П.
1951 г.

Директор Усть-Катавского
завода №13 А. В. Куранов.
1941-1946 гг..

Г. Куса. 1934 г. Теплотехник.

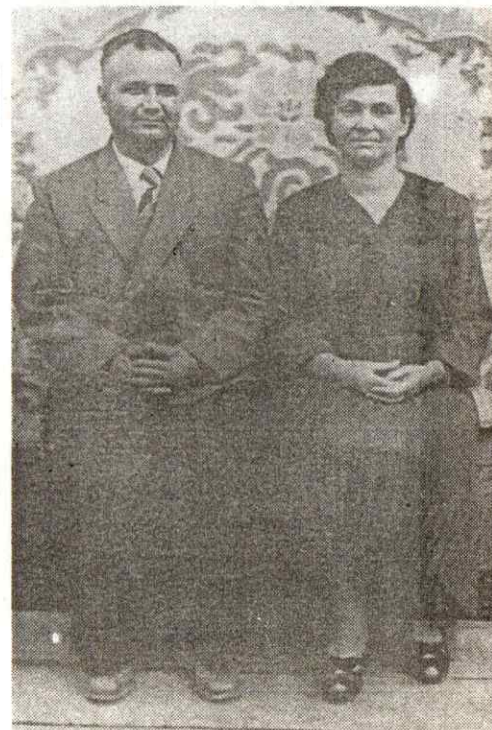
Армия. Пограничник. 1935-1936 гг.

Усть-Катавский завод.
Гл. энергетик Билибин П. Ф.
1941-1945 гг.

◀ Ольга и Виталий Рудаковы.

В. Осипчук с женой. ▶
Г. Карабаш. 1955-1958 гг.

Усть-Катавский завод №13.
Главный металлург Конопасов Г. Н.
1941-1945 гг..

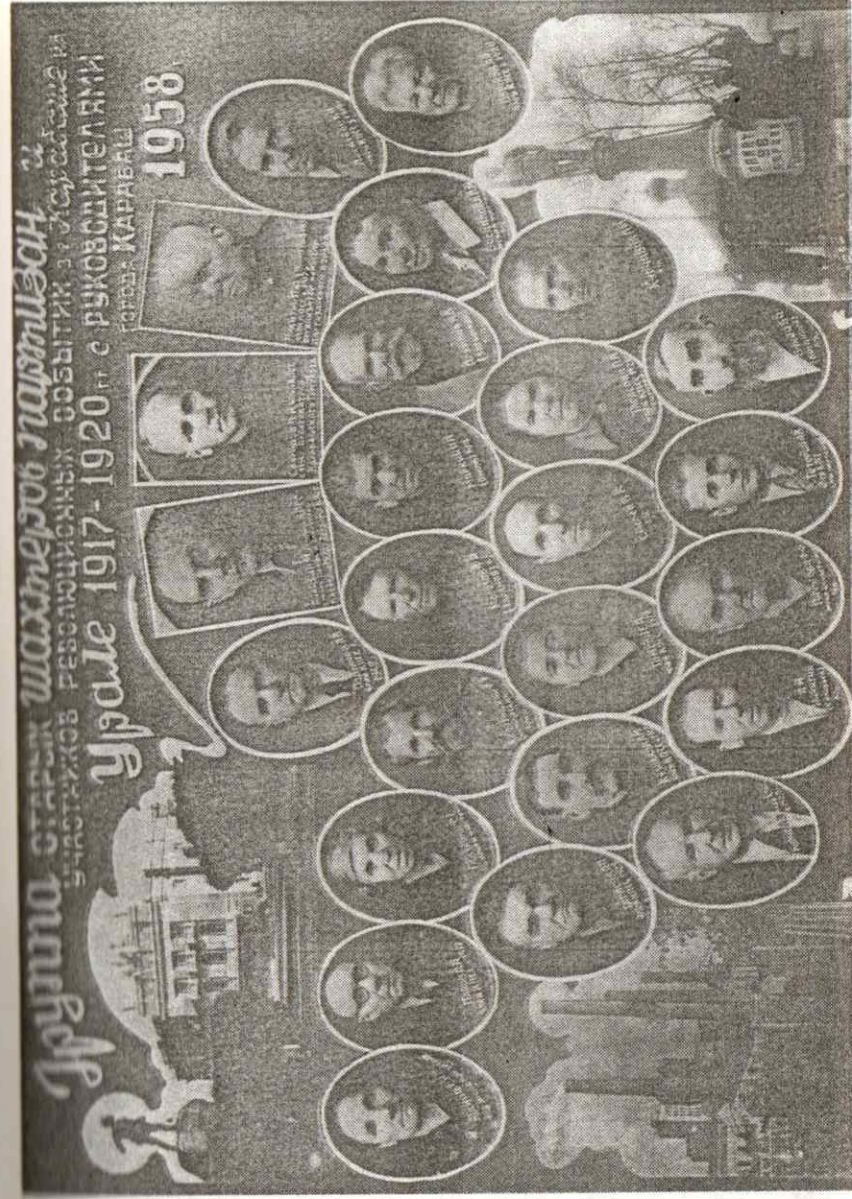

Усть-Катавский завод.
Начальник УКСа
Мельников И. В.
1938-1946 гг.

*В. Г. Шабров. Директор Усть-Катавского
вагоностроительного завода. 1939-1942 гг..*

Г. Карабаш. Работники ГК КПСС. 1958 г.

Г. Карабаш. Группа участников революционных событий в 1917-1919 гг. с руководителями города. 1958 г.

Г. Катав-Ивановск. Бюро ГК ВКП(б). 1951 г.